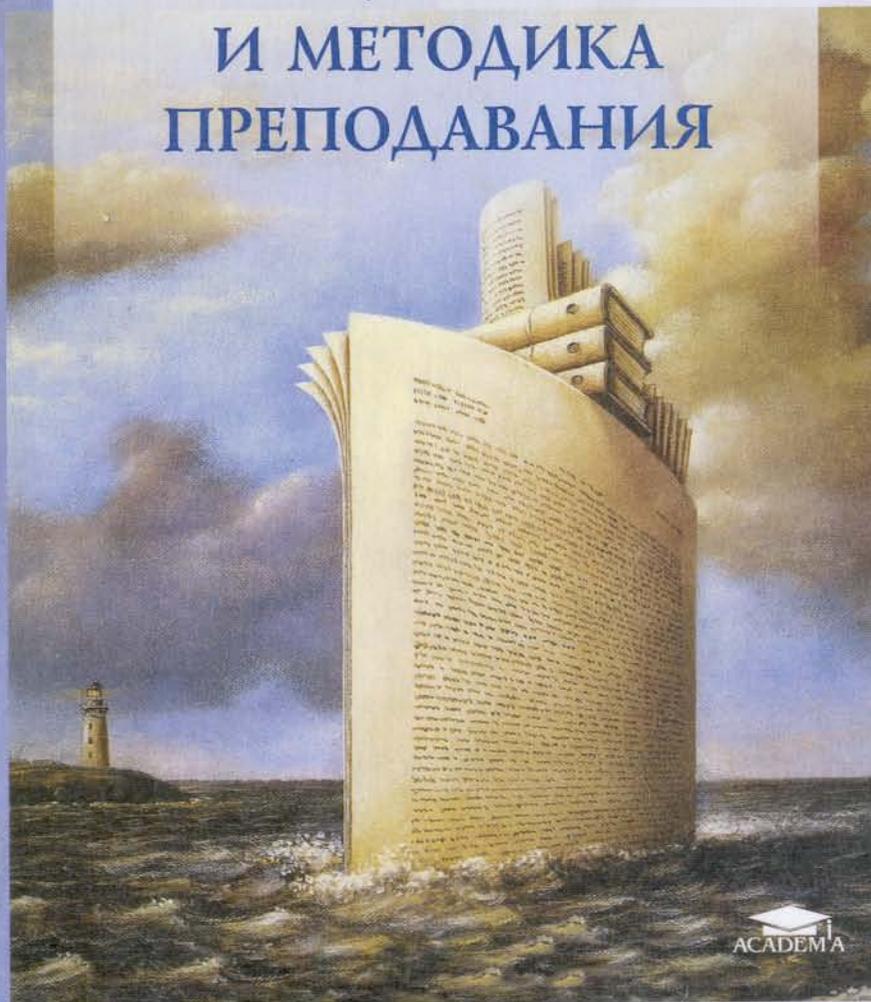

А. К. Латышев

А. Л. Семенов

ПЕРЕВОД: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

АСАДЕМА

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Л. К. ЛАТЫШЕВ, А. Л. СЕМЕНОВ

**ПЕРЕВОД: ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*Для студентов переводческих факультетов
высших учебных заведений*

Москва

УДК 7.071.3(075.8)
ББК 81я73
Л278

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор МГЛУ *М. П. Брандес*;
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
немецкого языка МГИМО *В. В. Журавлева*;
кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков РАН *М. Г. Рубцова*

Латышев Л.К., Семенов А.Л.

Л278 Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб.
пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. — М.:
Издательский центр «Академия», 2003. — 192 с.
ISBN 5-7695-1272-5

В учебном пособии изложены основные теоретические положения перево-
доведения в соответствии с наиболее популярными учебными програм-
мами по курсу перевода. Рассматриваются вопросы практики перевода и
методики его преподавания. В большинстве случаев приводятся примеры
переводов с немецкого и английского языков, однако в теоретическом плане
пособие можно использовать вне зависимости от рабочей пары языков.

Может быть полезно в системе повышения квалификации и перепод-
готовки специалистов с прикладными знаниями иностранных языков, а
также для самостоятельного развития навыков практического перевода с
иностранного языка на русский.

УДК 7.071.3(075.8)
ББК 81я73

Учебное издание

Латышев Лев Константинович, Семенов Аркадий Львович

Перевод: теория, практика и методика преподавания

Учебное пособие

24-66

Редактор *Е. А. Кречетова*. Ответственный редактор *Г. Е. Конопля*.
Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*. Компьютерная
верстка: *А. А. Шумилин*. Корректоры *Е. В. Кудряшова*, *В. Н. Рейбекель*

Изд. № А-752-1/1. Подписано в печать 28.06.2003. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 20 000 экз. (1-й завод 1 — 7100 экз.). Заказ № 12261.

Лицензия ИД № 02025 от 13.06.2000. Издательский центр «Академия».
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.003903.06.03 от 05.06.2003.
117342, Москва, ул. Бултерова, 17-Б, к. 223. Тел./факс: (095)330-1092, 334-8337.

Отпечатано на Саратовском полиграфическом комбинате.
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ISBN 5-7695-1272-5

© Латышев Л.К., Семенов А.Л., 2003
© Издательский центр «Академия», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того чтобы хорошо переводить и эффективно преподавать перевод, знания двух языков недостаточно. Помимо этого необходимо знать законы перевода, определяемые его сложной и противоречивой природой, четко представлять требования, предъявляемые обществом к переводу и переводчику. Сегодня, когда наука о переводе сделала заметный шаг вперед, уже нельзя преподавать по старинке, апеллируя при обосновании переводческих решений лишь к языковой интуиции студентов. При анализе и оценке переводов необходимы более весомые, научно обоснованные аргументы. Умение находить такие аргументы предполагает наличие определенного «теоретического видения» перевода. Цель предлагаемой книги — вооружить преподавателя и студента новейшими знаниями в области теории перевода, рассказать о месте перевода в общественной практике, о проблемах его теории и практики и создать таким образом необходимую теоретическую базу для эффективного преподавания перевода и практического овладения им.

Книга представляет собой очередной этап в создании единой теоретической концепции перевода, которая исходит из представления о переводе как об общественно детерминированном явлении, деятельности, мотив которой — традиционный общественный заказ на перевод — предписан переводчику обществом. Отталкиваясь от этих общих, отправных положений и концепции, авторы создают единую технологию, в которой механизм перевода подвергается детальному рассмотрению. Не остаются без внимания ни определяющие факторы (детерминанты), ни составляющие факторы (операции и действия) переводческой деятельности. Все положения теории изложены в популярной форме и иллюстрированы примерами — переводами с немецкого и английского языков.

В заключительной главе книги рассматриваются вопросы методики преподавания перевода — малоразработанной области дидактики. Вопрос о методической помощи преподавателю перевода стоит особенно остро. Авторы не навязывают ему жесткую методическую линию. Дается ряд методических приемов, упражнений, которые образуют определенную систему, однако она не является ни жесткой, ни закрытой. В зависимости от конкретных условий эта система может быть видоизменена, сокращена, дополнена. Все изложенные новые методические рекомендации опираются на из-

вестные положения теории перевода, исходят из того понимания его сущности, которое отражено в теоретической концепции, развиваемой в книге. Многие из предлагаемых заданий носят творческий, проблемный характер.

Основная задача данной книги — осветить гораздо более широкий круг вопросов общей теории перевода, т. е. перевода вообще, а не в каком-нибудь одном его жанровом проявлении. Это необходимо не только потому, что переводчик сталкивается с текстами разных жанров. В соответствии с современными реалиями наш век наряду с другими эпитетами получил название «век перевода», что связано с небывалым ростом информации, быстрым распространением и потреблением которой мы обязаны переводам. Многие люди, не являющиеся специалистами-переводчиками, — учителя, инженеры, врачи, аспиранты, студенты — вовлечены в переводческую деятельность. Знание основ теории, границ, возможностей и основных приемов перевода по сути дела уже становится элементом общего образования человека. Сегодня, когда требования к кругозору и эрудиции переводчика многократно возрастают, этот «элемент общего образования» как никогда необходим всем изучающим и преподающим иностранные языки, т. е. адресатам нашей книги.

Мы старались дать обзор мнений большого числа ведущих переводоведов, и это отражено в многочисленных ссылках. На подготовительном этапе было тщательно изучено множество подобных изданий; мы постарались использовать лучший опыт и избежать замеченных ошибок. Источниками примеров стали произведения оригинальной литературы, лучшие традиционные и электронные словари, а также наш собственный переводческий опыт.

ПЕРЕВОД КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДА. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕВОД»

Перевод — один из видов человеческой деятельности. Деятельность — психологическое понятие, обозначающее «специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т. е. активное, отношение субъекта к действительности»¹.

В современной лингвистике понятие деятельности (речевой деятельности) находит широкое применение при изучении речевых процессов. Деятельность имеет сложную структуру. Она складывается из действий и операций. Для нее характерно наличие таких управляющих ею факторов (детерминантов), как потребность, мотив, цели, условия, в которых она протекает.

Любая деятельность возникает из потребности. Однако сама по себе потребность не способна управлять деятельностью субъекта до того момента, пока не будет определен предмет, овладение которым способно ее удовлетворить. Используя некоторую долю образности, можно сказать, что потребность как диффузное состояние неудовлетворенности, нужды слепа и может привести лишь к нецелесообразной активности. Она «прозревает» и получает конкретную направленность, лишь обнаружив предмет, способный удовлетворить ее. В психологии этот предмет именуется предметом потребности или предметом деятельности. Потребность, направленная на определенный предмет (опредмеченная потребность), именуется мотивом. Предмет деятельности (потребности) может быть как вещественным, так и идеальным; как данным в восприятии, так и существующим только в воображении, в мысли.

Поскольку именно предмет потребности придает деятельности направленность, сообщает ей необходимую определенность, отдельные виды деятельности следует различать в первую очередь по их предметам. «Главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов», — указывает А. Н. Леонтьев².

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М., 1981. — С. 49.

² Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974. — С. 12.

Что же служит предметом потребности применительно к деятельности переводчика? Очевидно, что для ответа на этот вопрос необходимо сначала выяснить, какую потребность удовлетворяет перевод.

Прежде всего отметим очевидное, но крайне важное для наших дальнейших рассуждений обстоятельство: своей деятельностью переводчик удовлетворяет не личную, а общественную потребность, и при этом он руководствуется не личным мотивом, а мотивом, предписанным ему обществом (общественным заказом).

Целью переводческой деятельности является «производство речевых высказываний по определенному социальному заказу»¹, — пишет А. Ф. Ширяев. Продукт переводческой деятельности создается не под влиянием личных потребностей переводчика, а в соответствии с требованиями, которые относительно однообразны, устойчивы и носят социальный характер.

Все сказанное в принципе применимо к любой профессиональной деятельности. В условиях общественного разделения труда объективное значение деятельности может не совпадать с ее субъективным смыслом, тем смыслом, который она имеет для субъекта деятельности.

Итак, какой общественной потребности отвечает перевод?

Без долгих размышлений можно ответить, что перевод удовлетворяет постоянно возникающую потребность общения между людьми, не владеющими общим языком, или, иначе говоря, людьми, разделенными лингвоэтническим барьером². Однако этот лежащий на поверхности ответ не может удовлетворить нас, ибо он не раскрывает специфики перевода и обслуживаемой им общественной потребности.

Общение с помощью переводчика отнюдь не единственный способ общения через лингвоэтнический барьер. В частности, существуют неязыковые способы преодоления разноязычия: естественные и конвенционные жесты (например, арбитров на спортивных площадках), международные переговорные коды, международные знаки (например, дорожные), математические, химические и другие формулы, общепонятные символы («курить запрещено», «места для инвалидов», «вход», «выход», «столовая» и т. п.). Эти способы общения, не требующие языкового посредника, имеют чрезвычайно узкую сферу применения и крайне ограниченные возможности обмена информацией. Если мы возьмем за эталон

¹ Ширяев А. Ф. Специализированная речевая деятельность: Психолингвистическое исследование на материале синхронного перевода: Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1979. — С. 119.

² Расхожее понятие «языковой барьер» не вполне адекватно, ибо, как будет показано в дальнейшем изложении, препятствием для общения разноязычных людей является не только отсутствие у них общего языка, но и расхождение их национальных культур.

для сравнения одноязычную коммуникацию¹ как наиболее естественный вид языковой коммуникации, открывающий максимально широкие возможности общения, то должны будем отметить, что неязыковые способы общения даже отдаленно не приближаются к ней.

Языковое посредничество² — общение разноязычных коммуникантов с помощью языкового посредника, владеющего двумя языками, — открывает несравнимо более широкие возможности для общения через лингвоэтнический барьер. И при определенных условиях по своей эффективности практически может сравняться с обычной одноязычной коммуникацией.

Однако, говоря о языковом посредничестве, мы не должны забывать о том, что оно не идентично переводу. Понятие языкового посредничества шире понятия перевода: перевод является лишь одним из его видов. Не все, что выполнено языковым посредником, может быть признано переводом.

Один из видов языкового посредничества — пересказ, используемый главным образом для передачи литературных произведений. При этом могут опускаться мало что говорящие иностранному читателю детали повествования, менее точно, чем в переводе, воспроизводится текст и т. д. Так, в пересказе для детей у нас изданы известные произведения Дж. Свифта о путешествиях Гулливера; сказка Л. Керролла «Алиса в Стране чудес». В 1983 г. в издательстве «Правда» вышел сборник американского фольклора «Народ, да!»³, в котором наряду с переводами представлены пересказы.

Широкое распространение получил такой вид языкового посредничества, как реферирование иностранных источников, в процессе которого максимально сокращается объем первичного документа при сохранении наиболее существенных элементов его содержания. Достаточно признанным видом языкового посредничества является так называемый сокращенный перевод.

В устном двуязычном общении нередко применяется не получивший еще своего обозначения вид языкового посредничества, который заключается в том, что общающийся не формулирует подлежащий переводу либо пересказу текст, а лишь ставит языковому посреднику коммуникативные задачи типа: «Спросите того», «Узнайте это», «Постарайтесь добиться того-то» и т. д., и посредник сам, не пользуясь «оригиналом», формулирует текст на

¹ Одноязычная коммуникация — речевое общение, в котором общающиеся пользуются одним общим языком. Двуязычная коммуникация — общение, в котором используются два разных языка. В этом случае, как правило, необходим языковой посредник.

² Само понятие «языковое посредничество» (Sprachmittlung) введено в научный оборот лишь недавно известным лингвистом Отто Каде (см.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 3. — Leipzig, 1980).

иностранным языке. Этот вид языкового посредничества можно именовать текстуализацией интенций (коммуникативных намерений общающихся), т.е. их преобразованием в текст на иностранном языке.

В практике двуязычного общения встречаются и другие («гибридные») виды языкового посредничества. Как центральное звено двуязычной коммуникации языковое посредничество во всех его реальных проявлениях изучено еще явно недостаточно. Очевидно, что каждый из его видов соответствует собственной специфической общественной потребности. Нас интересует, что представляет собой та потребность, которую удовлетворяет перевод.

Сопоставляя перевод с другими видами языкового посредничества, обобщив требования, предъявляемые к переводу на практике, и учитывая тенденции его развития, можно сделать вывод, что перевод призван удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, в максимальной мере приближенной к естественной одноязычной коммуникации. Следовательно, можно говорить об общественном предназначении перевода, состоящем в том, чтобы обеспечить двуязычную коммуникацию в максимальной степени «по образу и подобию одноязычной». При этом речь идет лишь о возможности приближения коммуникации с переводом к естественной, одноязычной коммуникации, а не о том, чтобы они сравнялись. Последнее по ряду причин, наиболее существенные из которых будут освещены далее, невозможно.

Общественное предназначение перевода существует объективно, т.е. независимо от мнений и желаний переводчиков, потребителей и заказчиков перевода. Оно зафиксировано в общественном сознании в форме некой суммы представлений о том, каким должен быть перевод. Поскольку общественное сознание не есть сумма сознаний отдельных личностей, а качественно особая духовная система, которая живет своей относительно самостоятельной жизнью, отнюдь не каждое индивидуальное представление о переводе соответствует его объективному общественному предназначению. Среди субъективных представлений о переводе встречаются и такие, которые искаженно отражают его общественное предназначение, неверно трактуют его природу и возможности¹.

В специальной литературе общественное предназначение перевода находило лишь свое фрагментарное отражение — в форме

¹ Подробнее на этом вопросе мы остановимся далее. Здесь же расскажем об одном поистине анекдотическом случае. Некий специалист, собиравшийся выступить перед зарубежной аудиторией, потребовал от переводчика, чтобы тот переводил его по отдельным словам: «Я скажу слово, вы меня переведете, потом я скажу еще одно слово, вы меня опять переведете и т.д.». Когда переводчик возразил, сказав, что такой перевод невозможен, специалист заявил, что сам знает, что возможно, а что — нет. Дело кончилось конфликтом. В данной связи возникает мысль о необходимости широкого распространения популярных знаний о переводе.

высказываний, содержащих отдельные требования к переводу и деятельности переводчика. Сформулированное нами положение об общественном предназначении перевода можно рассматривать как обобщение наблюдений и отдельных суждений компетентных специалистов. Рассмотрим некоторые из них.

«Текст перевода, — отмечает В.Н. Комиссаров, — приписывается автору оригинала и используется так, как будто он и есть оригинал. В частности, перевод цитируется, как слова автора»¹. Традиционно считается, что переводчик выполняет свою роль тем лучше, чем меньше он заметен, чем меньше бросается в глаза его участие в создании текста перевода². Переводчик не относится к числу непосредственных участников коммуникации. Он является лишь посредником и сам, собственно, не нуждается не только в переводе, но и иногда в информации, существующей в форме текста на исходном языке³.

Смысл этих высказываний сводится к, казалось бы, парадоксальному положению: несмотря на наличие языкового посредника, люди, общающиеся с помощью перевода, общаются непосредственно, как бы «напрямую». Роль переводчика такова, что его присутствие в идеале вообще не должно ощущаться. И если практически это невозможно, то, во всяком случае, переводчик должен к этому стремиться. Социальный смысл предписываемой переводчику «незаметности» — в общественном предназначении перевода: обеспечить двуязычную коммуникацию, в максимально возможной степени приближенную к естественной, одноязычной.

Общественное предназначение перевода находит свое отражение также в таких традиционных требованиях, согласно которым текст перевода должен восприниматься получателем так же, как он воспринял бы текст оригинала, если бы он владел соответствующим языком, и читаться так же, как оригинал, т.е. чтобы по языку перевода не чувствовалось его иностранное происхождение.

У некоторых авторов общественное предназначение перевода выражается в несколько завышенных требованиях к нему, исходящих из преувеличенной оценки его реальных возможностей. Так, по мнению В.Г. Гака и Ю.И. Львина, «в задачу перевода... входит не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения»⁴. А.В. Федоров считает, что «полноценность перевода означает исчерпывающую пе-

¹ Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. — М., 1980. — С. 31.

² См.: Левый И. Искусство перевода. — М., 1974. — С. 16.

³ См.: Ковальчук В.Т. Перевод как особый вид коммуникативной деятельности // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: Тезисы Всесоюзной научной конференции. — М., 1975. — Ч. 1. — С. 170.

⁴ Гак В.Г., Львин Ю.И. Курс перевода: Французский язык. — М., 1970. — С. 9.

редачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»¹.

Нельзя не согласиться с Р. К. Миньяр-Белоручевым в том, что подобные завышенные требования «фактически перечеркивают возможность перевода вообще»². Однако на данном этапе наших рассуждений важно то, что такого рода высказывания ученых-переводоведов отражают общественное мнение, которое признает за переводом способность полноценно заменить оригинал.

О том, что идеалом двуязычной коммуникации с переводом всегда была естественная одноязычная коммуникация, свидетельствует и тенденция развития перевода — широкое распространение синхронного перевода. Он ликвидирует неестественный для одноязычной коммуникации разрыв между звучанием речи отправителя и восприятием ее содержания потребителем. Дублирование кинофильмов в максимальной мере уравнивает (по условиям восприятия речи действующих лиц) зрителей кинокартины-оригинала и зрителей ее иноязычного дубля. Неестественный для одноязычной коммуникации акт перевода, лежащий в основе дублирования, скрыт от кинозрителей так же, как скрыт от читателей акт перевода иноязычной литературы.

Существующее как элемент общественного представления социальное назначение перевода начинает актуально осознаваться членами общества (особенно, не являющимися специалистами в области перевода), как правило, лишь в тех случаях, когда перевод в чем-то не соответствует этому предназначению. «Перевод неточен», «Перевод слишком далек от оригинала (чересчур вольный)», «Этот перевод на русский язык звучит не по-русски» — вот наиболее типичные претензии к качеству перевода.

Достаточно распространены упреки в недопустимой национально-культурной ассимиляции перевода, его русификации, англизации, онемечивании и т. д. «В этом переводе Диккенса британские джентльмены разговаривают таким языком, будто они живут в Пятисобачьем переулке в Коломне и только притворяются британцами, а на самом деле такие же Иваны Трофимовичи, как персонажи Щедрина или Островского»³, — написал по поводу одного русифицированного перевода К. И. Чуковский.

На первый взгляд может показаться, что действующий в переводе запрет на национально-культурную ассимиляцию переводного текста противоречит положению о том, что он призван обеспечить двуязычную коммуникацию по образу и подобию одноязычной. Однако это лишь кажущееся противоречие. Претендуя на возможность об-

щаться с иностранцем так же, как с ним общаются его соотечественники (в рамках одноязычной коммуникации), потребитель перевода в то же время претендует на то, чтобы его иностранный партнер по коммуникации оставался самим собой и не терял своей национально-культурной идентичности. Следовательно, переводимый текст хотя и должен быть «транспонирован в культуру получателя», но одновременно в своем переводном варианте обязан сохранять инокультурный колорит. Именно поэтому, скажем, немецкое *LPG* не переводится русским *колхоз*. Таков один из парадоксов перевода.

Если мы сравним перевод с другими видами языкового посредничества (пересказом, рефератом, так называемым сокращенным переводом, текстуализацией интенций и т. п.), то вынуждены будем констатировать, что они в силу своей специфики не предназначены для обеспечения двуязычной коммуникации, максимально близкой к одноязычной. Это обусловлено прежде всего тем, что посредник в такой языковой коммуникации становится соавтором сообщения. Он не просто делает его доступным для иноязычного адресата, а еще обрабатывает его, переделывая, сокращая, добавляя, перегруппировывая содержание, заново формулируя текст, комментируя его и т. д. При двуязычной коммуникации с переводом ответственность за реакцию адресата сообщения несет не переводчик, а автор текста при условии, конечно, что перевод выполнен качественно. Этого нельзя сказать о других видах языкового посредничества.

Вопрос об общественном предназначении перевода тесно связан с вопросом о его определении. Подавляющее большинство определений сходится на том, что перевод — это процесс преобразования текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении относительно неизменным содержания. Наиболее четко и последовательно такое понимание перевода представлено у Л. С. Бархударова¹. На неполноту, приблизительность подобного определения перевода указывает В. Н. Комиссаров, справедливо считая, что определение нельзя строить на одном, единственном и к тому же весьма относительном (проявляющемся то в большей, то в меньшей мере) признаке².

Ряд определений перевода наряду со ссылкой на точность изложения исходного содержания включает в себя указание на функционально-стилистическую адекватность переводного текста, на его соответствие оригиналу в отношении стиля и формы. Широко известно положение Я. И. Рецкера о том, что «перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем»³. Однако, как показывает практика, эта возможность (соответствие формы перевода и оригинала) достаточно ограничена.

¹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1968. — С. 151.

² Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. — М., 1980. — С. 32—33.

³ Чуковский К. И. Высокое искусство. — М., 1968. — С. 119.

¹ См.: Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М., 1975. — С. 11.

² См.: Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — С. 43.

³ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1974. — С. 7.

Конечно, определение перевода вполне может быть построено и на перечне его относительных признаков, если этот перечень достаточно полон, тем более что наблюдения за переводом не позволяют выделить такие его лингвистические характеристики, которые проявлялись бы в одинаковой, не варьирующейся от одного случая к другому степени.

Уязвимость многих определений перевода и требований к нему можно усмотреть в том, что они выдвигаются либо априорно — как нечто само собой разумеющееся, либо на чисто эмпирической основе — как результат практического знакомства авторов с переводческим делом. Такой подход к решению задачи не позволяет продвинуться дальше определений, представляющих собой перечень свойств перевода, иногда подлинных, а иногда желаемых. При этом остается без ответа вопрос: почему перевод должен обладать именно данным сочетанием качеств, передавать не только то, что выражено подлинником, но и то, как это в нем выражено? Может быть, вопрос о требованиях вообще излишен, раз они все равно выполнимы лишь относительно?

Все вопросы такого рода получают свои ответы лишь в том случае, если требования к переводу перестанут быть исходным пунктом (постулатом) его теоретической концепции, а будут выводиться из других, более общих ее положений и (или) общих (аксиоматических) положений науки о языке и речи. Тогда появится возможность не только обосновать эти требования, но и выявить их взаимосвязь, определив иерархию. Это позволит сделать шаг от априорно-эмпирических к теоретически обоснованным определениям перевода.

Такую концепцию мы предлагаем в дальнейшем изложении. Ее отправной точкой станет выдвинутое и обоснованное нами положение об общественном предназначении перевода.

Знание истории всегда позволяет лучше понять настоящее. Это распространенное мнение справедливо не только в отношении человека, но и в отношении отдельных видов его деятельности, в том числе перевода. В сложной гетерогенной природе современного перевода, многоликости его проявлений в переводческой практике нам помогает разобраться история перевода, его генезис с учетом «боковых» и тупиковых линий развития.

Подобно тому как невозможно определить «дату» рождения перевода¹, нельзя назвать время, когда начались споры вокруг этой деятельности, порой принимавшие достаточно острый характер. Единственное, в чем можно не сомневаться, так это в том, что потребность в переводе возникла в далекой древности.

¹ Уже в Библии сообщается о переводчике, который переводил переговоры братьев Иосифа при дворе фараона. См.: Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — Минск, 1972. — С. 116.

В доисторический период, согласно обоснованному предположению П. И. Копанева, активно использовались сразу два вида устного языкового посредничества: перевод вольный и перевод дословный¹. Правдоподобность этого предположения для нас определяется прежде всего тем, что и тот и другой были необходимым этапом развития языковых контактов.

Современный эквивалентный (адекватный) перевод в принципе возможен лишь на определенном, достаточно высоком уровне лингвокультурных контактов, когда соответствующая пара языков и культур достаточно сблизилась, процент безэквивалентной лексики ничтожен и соответственно невелики расхождения понятийных тезаурусов. Без такого рода близости языков и культур языковое посредничество между разноязычными коммуникантами, скорее всего, осуществлялось бы с помощью вольного и дословного переводов, которые, обеспечивая общение в каждом конкретном случае, в качестве побочного эффекта шаг за шагом сближали контактирующие языки и культуры, готовя тем самым возможность использования собственно перевода (в его современном понимании).

Перевод — в известном смысле самый совершенный вид языкового посредничества, однако не во всех случаях самый эффективный. К последним относятся те случаи, когда автор (отправитель) употребляет безэквивалентные (неизвестные иноязычному адресату) понятия, поскольку исходный текст содержит информацию о заведомо незнакомых ему элементах чужой национальной культуры. Здесь оказывается более эффективным вольный перевод или вообще пересказ, свободно вмещающий в себя комментарии языкового посредника, описания безэквивалентных понятий и т. д. Недаром пересказы используются, может быть, даже чаще, чем переводы в иноязычных изданиях сказок и другого вида фольклора, которые и в наши дни, отмеченные глобализацией, более, чем что-либо другое, сохраняют национальное своеобразие, разного рода реликтовые культурные реалии. Пересказ с хорошим кратким комментарием может выручить переводчика в ходе неизбежных застолий (после переговоров), когда ему приходится воспроизводить разного рода анекдоты, шутки и т. п., с трудом поддающиеся переводу.

С помощью пересказа и вольного перевода в древние времена толмачи не только решали сиюминутные задачи по обеспечению общения разноязычных людей, но и расширяли их взаимные знания друг о друге, создавая базу для взаимопонимания в будущем, подготавливая условия для использования собственно перевода. Они увеличивали объем контактирующих сфер разных культур и языков путем заимствований, калькирования, подбора устойчивых соответствий.

¹ См.: Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — Минск, 1972. — С. 64, 68 и др.

Вольный перевод в силу свойственных ему (по определению) малой точности, приблизительности передачи содержания способен был лишь в целом обеспечить взаимное понимание, обмен мыслями в общих чертах, и в первую очередь понимание интенций (от лат. *intentio* — стремление, направленность воли, сознания. — *Примеч. ред.*). Характерной и существенной чертой вольного перевода было и остается то, что в нем присутствует третий участник коммуникации — языковой посредник, в то время как в собственно переводе (не вольном) он участником коммуникации не является, выступая лишь в чисто технической роли незаметного проводника через лингвоэтнический барьер, создающего по мере возможности для иноязычных партнеров впечатление непосредственного общения. В вольном переводе языковой посредник выступает в качестве соавтора коммуникационного текста, поскольку он не просто его переводит, а в той или иной мере перерабатывает, сокращая часть содержания или расширяя его за счет пояснений, трактовок и т.п. Поэтому текст вольного перевода, например, нельзя, подобно собственно переводу, полностью приписывать автору оригинала, цитировать как «его слова на другом языке». Для этого даже в далекие времена требовался более объективный (без соавторства «третьего лишнего») вид перевода.

Таковым являлся и является дословный перевод¹. Он осуществлялся методом калькирования: игнорируя такие качества перевода, как естественность его звучания, легкость восприятия, переводчики переводили «слово в слово», копировали несвойственные языку перевода лексическую сочетаемость и синтаксические конструкции. Вот что писал апологет дословного перевода — немецкий переводчик Николас фон Виле (XV в.): «...я эти переводы сделал самым точным слепком латинского подлинника и не обращал внимания на то, будут ли они доступны или недоступны обычному простолюдину»².

Приверженность к дословному переводу многих переводчиков и критиков перевода в те давние и в более поздние времена принято объяснять разными причинами: их профессиональной неискушенностью (в древности учили языкам, но переводчиков не готовили), собственным несовершенным вкусом, благочестивым трепетом перед текстами религиозных книг. Однако при этом забывают, что в определенных ситуациях дословный перевод оказывался единственно возможным видом языкового посредничества. Зададимся вопросом: как могли быть переведены книги Священного Писания с греческого на старославянский, если вольный перевод

¹ «Если... рассмотреть дословный и вольный виды перевода... то дословный будет наиболее объективным, а вольный — наиболее субъективным» (Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — С. 72).

² Цит. по: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 3. — S. 194—195 u.a.

в данном случае был, очевидно, непригоден, а необходимых предпосылок для собственно перевода не существовало? Славянам-язычникам были совершенно незнакомы основные понятия христианской религии и религии Древней Иудеи. Их приходилось передавать методом транслитерации (*ангел, херувим, идол, дьявол, сатана*) или методом калькирования (*злонравный, добропобедный*), разясняя некоторые из них в примечаниях.

Дословный перевод, как и вольный, существенно способствовал созданию условий для развития собственно перевода. «В процессе сближения языков дословный перевод имеет тысячелетнюю практику переводов Библии и других художественных произведений... Переводить дословно на какой-либо язык — означает так или иначе обогащать этот язык иными семантико-структурными языковыми формами: специфические для языка подлинника обороты и речения, синтаксические конструкции передаются в языке перевода буквально, соседствуя, а иногда и конкурируя некоторое время с соответствующими оборотами этого языка, а затем перемещиваясь с ним. Не важно, если при этом они звучат некоторое время весьма чужеродно, экзотично, но постепенно носители языка перевода привыкают. Таким образом, и дословный перевод увеличивает общие части соответствующих языков»¹.

Вообще-то любой вид перевода или иной способ языкового посредничества в той или иной мере способствует сближению языков (и культур). Но это вторичное, не непосредственное, не осознаваемое обычно переводчиком назначение перевода. В любом акте перевода языковой посредник видит перед собой лишь одну естественно зримую цель: помочь общению разноязычных партнеров, создать текст, являющийся наиболее полноценной заменой переводимого текста. Обогащение языков, сближение культур при этом происходит само по себе, подобно тому как пчела, занятая сбором нектара, сама того не замечая, опыляет цветы.

Функция языкового посредничества реализуется либо «прямо сейчас», в каждом акте устного перевода, либо с некоторой, небольшой (относительно скорости протекания языковых процессов) отсрочкой — при письменном переводе. Поэтому эту функцию логично охарактеризовать как синхроническую. Что касается побочного эффекта обогащения и сближения языков и культур, то он осуществляется методом накопления — капля за каплей. Процесс подобного накопления растянут во времени, и поэтому его правомерно рассматривать как диахронический.

Профессиональная деятельность — это всегда выполнение некоего общественного заказа, оправдание определенных общественных ожиданий. От переводчика общество ожидает, что он будет

¹ Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — С. 75—76.

переводить. Заказчик и потребитель перевода даже и не подозревают того, что переводчик попутно вносит вклад в сближение языков и культур. Поэтому, оставаясь в рамках своей профессии, переводчик не должен оправдывать, подобно русскому поэту и переводчику П. А. Вяземскому (1791—1878), выбор переводческой стратегии экспериментами в области сближения языков: «Есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный. Следуя первому, переводчик, напитавшись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы; следуя другому, он старается сохранить и самые формы, разумеется, соображаясь со стихиями языка, который у него под рукой. Первый способ превосходнее, второй невыгоднее; из двух я избрал последний. ...Отступления от выражений автора, часто от самой симметрии слов, казались мне противоестественными изменениями мысли его... К тому же... имел я еще мою собственную цель: изучивать, ощупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведывать, сколько он может приблизиться к языку иностранному, разумеется, опять без увечья, без распятия на ложе прокрустовом»¹.

Перевод в современном его понимании также был известен в весьма отдаленные времена. Обращает внимание то обстоятельство, что он находил применение практически только при переводах текстов с одного развитого языка на другой в условиях развитых языковых и культурных контактов (например, с греческого на латынь). Вот что писал о своем методе перевода М. Т. Цицерон (106—43 до н. э.), переводивший на латинский греческие пьесы и речи греческих ораторов: «Я сохранил и мысли, и их построение — их физиономию, так сказать, но в подборе слов руководствовался условиями нашего языка. При таком отношении к делу я не имел надобности переводить слово в слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагал, что читатель будет требовать от меня точности не по счету, а — если так можно выразиться — по весу... Их... речи я решил перевести так... чтобы все их достоинства были воспроизведены в переводе, то есть мысли, как по форме, так и по содержанию и чередованию, слова же лишь поскольку это позволяют условия нашего языка...»².

Много веков спустя — в период до возникновения научного переводоведения — сущность подобного подхода с предельной ясностью сформулировал русский поэт, драматург и переводчик А. К. Толстой (1817—1875). В одном из писем жене он раскрыл принцип, которым руководствовался, переводя «Коринфскую невесту» И. В. Гёте: «Я стараюсь, насколько возможно, быть верным оригиналу, но только там, где верность или точность не вре-

¹ Цит. по: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 63.

² Там же. — С. 36.

дит художественному впечатлению, и, ни минуты не колеблясь, я отвлекаюсь от подстрочности, если это может дать на русском языке другое впечатление, чем по-немецки. Я не думаю, что следует переводить слова и даже иногда смысл, а главное — надо передавать впечатление. Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы в ту же среду, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал бы на те же нервы» (подчеркнуто А. К. Толстым. — *Примеч. ред.*)¹.

Имея теперь представление о трех основных направлениях перевода, сосуществовавших в прошлом, мы можем их сопоставить и назвать те особенности, которые предопределили их дальнейшую судьбу.

Вольный перевод давал языковому посреднику неограниченные адаптационные возможности: путем растолкования, добавлений, опущений, радикальных переформирований и т. п. приспособлять создаваемый вторичный текст к коммуникативной компетенции² потребителя. В то же время вольный перевод был весьма необъективен по самой своей природе, ибо никогда нельзя было поручиться, что именно так сказал тот, кого переводят. И во многих случаях вольный перевод был попросту непригоден: например, при заключении разного рода договоров, соглашений, переводе основополагающих религиозных текстов, важных исторических документов и т. п.

Дословный перевод был и остался самым объективным видом перевода. Точно воспроизводя семантику отдельных языковых знаков исходного текста, копируя синтаксические конструкции, языковой посредник оставляет себе минимум свободы. Отрицательным свойством дословности было игнорирование коммуникативных возможностей потребителя перевода. Выше мы уже цитировали признание Николаса фон Виле в том, что ему безразлично, будут ли его немецкие кальки с латинского понятны обычному простолыдину.

Собственно перевод в известной мере представляет собой гибрид дословного и вольного переводов от дословного: он взял установку на максимальную семантико-структурную близость к исходному тексту, но только там, где это возможно, и не ведет к нарушению нормы языка перевода, не создает неясностей и неадекватного восприятия у адресата. В этом случае применяется адаптация, но в ограниченных масштабах. Причем адаптация рассматривается как вынужденная мера, отступление от текстуальной (семантико-структурной) близости к оригиналу под давлением необходимости.

¹ Там же. — С. 69.

² Коммуникативная компетенция — совокупность знаний, умений и навыков в области речевой коммуникации, определяющая восприятие и интерпретацию текста коммуникативный эффект.

Взаимосталкиваясь и совершенствуясь, дословный и вольный переводы создали основу для возникновения и развития собственно перевода. Эти три разновидности перевода сосуществовали в течение долгого времени, вызывая постоянные споры по поводу их преимуществ и недостатков. Из многочисленных попыток осмыслить природу упомянутых видов перевода особого внимания заслуживают слова, произнесенные Гёте в речи на могиле Х. М. Виланда в 1813 г.: «Существует два принципа перевода — один из них требует переселения иностранного автора к нам, так чтобы мы могли увидеть в нем соотечественника; другой, напротив, предъявляет нам требование, чтобы мы отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям. Достоинства того и другого достаточно известны всем просвещенным людям благодаря образцовым примерам. Друг наш, который и здесь искал средние пути, старался сочетать оба принципа, но в сомнительных случаях он, как человек чувства и вкуса, отдавал предпочтение первому из них»¹.

В первом из названных немецким классиком способов перевода мы узнаем перевод вольный, во втором — перевод дословный, «средние пути» — это, очевидно, собственно перевод. Предпочтение, которое в «сомнительных случаях», по мнению Гёте, следует отдавать второму способу, по-видимому, объясняется его реакцией на господствовавшую тогда среди переводчиков художественной литературы французскую школу вольного (вернее было бы сказать — сверхвольного) перевода, которая допускала радикальные переделки, «перелицовки» произведений, в том числе и таких авторов, как Шекспир, Сервантес².

Вернемся, однако, к сути сказанного Гёте. Как нам представляется, он (вольно или невольно) весьма ярко показал свойственное дословному переводу несоответствие целей и средств. Ведь «примениться к условиям жизни» чужеземца и в особенности к «складу его языка(!)» единственно возможно, выучив его язык и познав его культуру, в то время как дословный перевод пытался решить эту задачу посредством своего языка (языка перевода), придавая ему при этом лишь некоторые (синтаксические, лексико-семантические, лексико-сочетательные, словообразовательные, словоупотребительные и др.) особенности языка оригинала. Текст трансформировался в систему знаков и конструкций языка перевода (без этого минимального, первого шага перевод вообще невозможен), при этом переводчик широко использовал разного рода кальки с иностранного языка. Следующим шагом должно было стать приведение сырого перевода в соответствие с обычаями словоупотребления — с языковыми и речевыми

¹ Цит. по: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 194.

² См. там же. — С. 38 и др.

нормами языка перевода. Но переводчик-буквалист не делал этого шага. В результате иностранный автор не становился соотечественником чужеземного автора, не говоря уже о том, чтобы читатель мог «переселиться» в страну оригинала. Он обречен был остаться где-то на полпути. Возможно, именно это имел в виду немецкий поэт Матиас Клаузен (1740—1815), которому принадлежит каламбур «... кто переводит, не доводит».

Такой путь был тупиковым. Последовательное движение по этому пути неизбежно должно было привести к отказу от идеи эквивалентности исходного и переводного текстов, не всегда произносившейся вслух, но неизменно присутствовавшей в рассуждениях о переводе. Итог такого вполне логичного развития подвел в одном из своих высказываний испанский ученый, философ и искусствовед Х. Ортега-и-Гассет (1883—1955), сторонник дословного перевода. Имея в виду художественный перевод, он писал: «Я представляю себе такой вид перевода, который является не художественным произведением, а научным трудом, не притязающим на литературное изящество, который читается с трудом, но который совершенно ясен, если даже для этой ясности и требуется большое количество сносок. Знакомясь с переводом, читатель должен с самого начала отдавать себе отчет, что он имеет дело не с произведением художественной литературы, а с довольно тяжеловесным пособием, дающим ему сведения об оригинале»¹.

Отказ от эквивалентности исходного и переводного текстов проявляется здесь конкретно в том, что читатель оригинала может наслаждаться непосредственно художественным произведением, а читатель, с позволения сказать, «перевода» должен довольствоваться сведениями об оригинале. Иными словами, оригинал и перевод выполняют разные функции по отношению к своим адресатам.

В менее открытой форме идея неравенства оригинала и перевода, а также их читателей высказывалась и другими авторами. Афанасий Фет писал: «Счастлив переводчик, которому удалось хоть отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением... Но не в том главная задача, а в возможной буквальности перевода: как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала...»². Здесь неравноценность оригинала и перевода выражается функционально — через читателя. Если от читателя оригинала не требуется ничего особенного, то у читателя перевода предполагается наличие (особого) чутья, позволяющего ему в «тяжеловатом и шероховатом» переводе «угадать силу оригинала».

¹ Цит. по: Разговор цитат // Мастерство перевода. — М., 1970. — Сб. 7. — С. 480.

² Цит. по: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 69.

По изложенным выше причинам не мог обеспечить функциональной эквивалентности и вольный перевод.

Однако общество испытывало потребность именно в переводе, уравнивающем возможности адресатов оригинала и перевода (каждого по отношению к своему варианту текста): чтобы и тот и другой имели относительно равные возможности воспринимать, интерпретировать свой вариант и реагировать на него. (Такое равенство оригинала и перевода, устанавливаемое через равноценность коммуникативных возможностей их адресатов, напоминает логическое отношение транзитивности: $a = b$, $b = c$, из чего следует, что $a = c$.)

Общественная потребность в переводе именно такого рода четко проявилась в истории с переводом Библии Мартином Лютером. Лютер не был ни профессиональным литератором, ни профессиональным переводчиком. Он был священником, великим реформатором церкви, признававшим единственным руководством для христианского образа жизни Библию, а не возникшие позже учения и обрядовые традиции. Поэтому для обновления церковной жизни, восстановления истинно христианских ее норм Лютеру был как воздух необходим новый перевод Библии на немецкий язык, понятный широким народным массам. Однако существовали только тексты Священного Писания, выполненные в основном методом дословного перевода с латыни.

Лютер и его помощники начали работу над созданием нового перевода. Следует особо отметить, что в те времена еще не было литературного языка, общего для всех немцев, но «Лютер верно нащупывает и утверждает своим переводом общие тенденции развития этого языка»¹. Своим переводом Библии (1522—1534) он оказал мощнейшее влияние на становление немецкого литературного языка, а взгляды на существо перевода изложил в ряде публикаций.

История с переводом Библии Лютером является одним из первых известных нам примеров, ярко демонстрирующих общественную природу перевода, его место в социально-общественной практике, его назначение — прагматически эквивалентно замещать речь на одном языке речью на другом².

Речь — не самоцель, а средство: мы говорим для того, чтобы достичь какого-то конкретного результата. Таким результатом может быть координация с помощью речи действий участников

¹ Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — С. 153.

² «Перевод можно определить как текст на языке, отличном от языка оригинала, являющийся прагматически полноценным заместителем (субститутотом) исходного текста в новой языковой среде...» (Цвиллинг М. Я. Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам // Методика и лингвистика. Иностраный язык (для научных работников). — М., 1981. — С. 120).

коммуникации, их изменение или прекращение. Отправитель может стремиться изменить душевное состояние адресата, уровень его информированности о каком-то предмете, повлиять на его представления о тех или иных явлениях и отношении к ним, на систему ценностей (что может проявиться в новых убеждениях), побудить его к определенным действиям и т. д. В зависимости от того достигнута или не достигнута запланированная субъектом речи цель, речевая коммуникация признается либо эффективной, либо неэффективной.

Если объект речевого воздействия находится по ту сторону «барьера», оно (это воздействие) осуществляется через переводчика, работа которого должна оцениваться в первую очередь в соответствии с природой речи по тому, насколько в переводе удалось передать потенциал воздействия исходного текста.

Переводческая мысль возникла и развивалась в основном в форме критики и комментариев по поводу переводов художественных произведений, в отношении которых включенность текстов (речи) в неречевую деятельность с неречевой целью не столь уж очевидна. Это позволяло объяснять выбор способа перевода, отстаивать его достоинства или критиковать недостатки, так сказать, с чисто эстетических позиций, обуславливая многое личными вкусами и пристрастиями переводчика.

В случае с Лютером и его переводом Библии такие объяснения неуместны. Реформатор церкви имел перед собой четкую общественную (не речевую!) цель — вернуть христианскую церковь и ее прихожан к неискаженным последующими наслоениями основам христианской религии. Средством достижения этой цели был точный и одновременно понятный любому и каждому немцу перевод Библии. Добившись в значительном масштабе своей прагматической цели, Лютер способствовал и развитию собственно перевода, основанного на стремлении приравнять возможности читателя перевода в части восприятия и интерпретации переводного варианта текста к возможностям читателя оригинала. Он на практике и в своих трактатах, посвященных переводу, показал скептикам, что в руках мастера перевод — это эффективное, мощное орудие преодоления языковых барьеров.

Несмотря на столь значимый пример блестящего успеха коммуникативно-равноценного перевода, два других направления продолжали долгие годы сосуществовать и конкурировать друг с другом, хотя и подвергались критике. В XVII — начале XVIII в. вольный перевод выродился в исправительный («перелицовочный») перевод, считавшийся впоследствии дурным тоном. А рецидивы дословного перевода мы наблюдали еще в середине XX в., что отмечал К. И. Чуковский в своей книге «Высокое искусство» (1968). Отдельные «сбои» в ту или другую сторону отмечаются и сегодня. Природу подобных рецидивов мы рассмотрим в дальнейшем. Од-

нако вряд ли будет ошибкой сказать, что XX век уже полностью принадлежал собственно переводу. Этому немало способствовало то, что перевод находил применение во все новых областях: в сфере международных отношений, науке, технике, туризме, международной торговле и других сферах, где он включался уже явно в неречевую деятельность с четко определенными прагматическими целями и где верность или неверность перевода нередко обнаруживалась тут же, образно говоря (но иногда и в прямом смысле), не отходя от стола переговоров, а коммуникативная эквивалентность многократно проверялась экспертами (при переводе дипломатических документов, синхронном переводе). Что касается переводов художественной литературы, то здесь «заблудших» направляли на путь истинный суровые критики. В советский период это прежде всего К. И. Чуковский, воспитавший названной книгой целое поколение литературных переводчиков, и переводоведы, публиковавшие критические статьи в периодически выходивших сборниках «Мастерство перевода», «Тетради переводчика».

В обществе складывалось устойчивое представление о том, что такое перевод и каким требованиям он должен соответствовать. Возникшее в середине XX в. лингвистическое переводоведение и переводчики-практики сформулировали эти требования. Из трудов отечественных исследователей перевода выдающееся значение имели и имеют работы Я. И. Рецкера, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Л. С. Бархударова, из зарубежных — Ю. Найды и О. Каде.

Труды последнего помогли отграничить собственно перевод от разного рода квазипереводов: вольного перевода (включая переводы-перелицовки — по сути дела, пересказы), дословного перевода (в своей крайней форме превращавшегося в «пособие», позволяющее разобраться в оригинале). О. Каде ввел в переводоведческий обиход понятия «языковое посредничество» и «языковой посредник», указав на разнообразие видов языкового посредничества, каждый из которых в зависимости от запросов потребителя или ситуации общения мог оказаться наиболее экономичным и эффективным. Специалисту в определенной области знаний бывает не нужен перевод всей большой статьи, а достаточно выборочного или сокращенного перевода, где речь пойдет об интересующих его проблемах; поэту-переводчику важен очень близкий к тексту дословный перевод (подстрочник); во время устного общения заказчик перевода может давать языковому посреднику лишь краткие коммуникативные задания, а последний, используя свои лингвострановедческие знания, самостоятельно реализует их в высказываниях на иностранном языке.

Простая мысль, впервые высказанная О. Каде, о том, что перевод — лишь один из видов языкового посредничества, дает возможность при сопоставлении с другими его видами яснее выявить

его специфику. Суть этой специфики в том, что в современном мире перевод (термин «собственно перевод» теперь уже не нужен) является наиболее прямым и чистым транслятором исходного текста (ИТ) через лингвоэтнический барьер, позволяющим в максимальной мере уравнивать коммуникативные возможности адресатов текста на исходном языке (ИЯ) и на переводном языке (ПЯ). Рядовой потребитель перевода, далекий от его теоретических проблем и технических трудностей, совершенно искренне и не без основания полагает, что, получая переводной текст (ПТ), он имеет то же самое, что и оригинал, только на родном языке. От пересказа или вольного перевода (заявленного как вольный перевод) никто такой чистоты трансляции не ожидает. Из сказанного становится очевидным, что коллективное сознание членов общества рассматривает двуязычную коммуникацию с переводом как практически равноценную обычной, одноязычной коммуникации по своим возможностям и эффективности¹.

В основе такой коммуникации лежат два разнонаправленных принципа: 1) воспроизведение средствами ПЯ всех более или менее существенных характеристик ИТ и 2) адаптация создаваемого текста под лингвоэтнические особенности восприятия нового адресата. Первый унаследован у дословного перевода, второй — у вольного. Реализация обоих этих принципов порождает определенное противоречие, поскольку, как это явствует из сказанного выше, адаптация создаваемого переводчиком текста под коммуникативную компетенцию нового адресата требует больших или меньших отступлений от тактики воспроизведения в переводе семантико-структурного облика ИТ. Отступления ради адаптации не могут быть произвольными. Переводчик обязан отдавать себе отчет в их необходимости и в случае, если его спросят, должен обосновать, какой конкретно ущерб для восприятия адресата имел бы перевод без адаптирующего сдвига: искажение смысла, неточность в передаче содержания, неясность (смысла или содержания), нарушение языковой нормы или узуса, влекущие за собой искажения эмотивного и эстетического воздействия. Немотивированные семантико-структурные отклонения от оригинала квалифицируются как переводческие вольности и отвергаются.

Масштабы допустимых адаптационных сдвигов ограничены. Конкретно такие ограничения нигде не зафиксированы, поскольку непосредственно зависят от жанра переводимого текста. К примеру, адаптационные отступления от оригинала, которые допустимы при переводе литературно-художественного текста, могут оказаться совершенно неприемлемыми для перевода научного, технического или юридического текста.

¹ См.: Латышев Л. К. Перевод, проблемы теории, практики и методики преподавания. — М., 1988. — С. 9—10; Он же. Технология перевода. — М., 2000. — С. 15.

Осуществляя адаптационные сдвиги (трансформации), переводчик ориентируется на переводческие прецеденты, на практику перевода в целом. Естественно, большое значение имеет профессиональная подготовка, полученная им в учебном заведении. Позволим себе выразить сугубо личное мнение, что умение найти оптимальный адаптационный сдвиг, не уводящий далеко от семантики и структуры оригинала, с одной стороны, но в достаточной мере подстраивающий перевод под иное лингвоэтническое восприятие адресата-носителя ПЯ — с другой, служит одним из надежных показателей мастерства переводчика.

Все сказанное позволяет использовать следующее сравнение: современная трактовка перевода задает переводчику одновременно два вектора поведения: 1) необходимость по мере возможности воспроизвести в новом языковом облике существенные семантико-структурные особенности ИТ; 2) адаптировать создаваемый текст под иное лингвоэтническое восприятие. Принцип мотивированности переводческих трансформаций помогает найти в каждом конкретном случае оптимальный вариант перевода.

Разумеется, все это достижимо в идеале, на деле же в переводческой практике встречаются рецидивы и буквалистского, и вольного переводов. Какова причина этих «атавистических» явлений?

Что касается буквализмов, то их правомерно рассматривать как вырвавшееся «из-за кулис» внутреннее содержание процесса перевода. Согласно наблюдениям авторитетных ученых и практиков перевод не одноразовый акт, а некоторая последовательность шагов (проб и ошибок), завершающаяся нахождением оптимального варианта, в котором первым шагом является перевод-калька (буквальный перевод), совершенствуемый и доводимый до требуемой кондиции. Перевод-калька, возникающий чаще всего за порогом сознания, служит для переводчика ориентиром, обнаруживающим места, где требуется трансформация или иного рода адаптация для того, чтобы текст стал «практически полноценным заместителем исходного текста в новой языковой среде»¹.

Однако в этом «производственном» процессе порой происходят сбои, и переводчик может выдать недоработанный продукт. Причинами этого оказываются и усталость, и недостаточная квалификация языкового посредника, и особо трудный случай в цейтноте устного перевода.

Если в первой половине XX в. в художественном переводе (особенно) давал о себе знать буквализм, то затем, по мнению писателя и переводчика Л. Гинзбурга, возникла опасность «панибратского» отношения к текстам оригиналов. Касаясь, в частности, поэтических переводов, он пишет: «У нас иной поэт-переводчик

¹ Цвиллинг М.Я. Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам. — С. 120.

обеспокоен, чтобы его перевод звучал так, как если бы оригинала в природе не существовало: “звучит как по-русски!” Но нет! Надо, чтобы не только “как по-русски!”¹. К сожалению, крен в излишнюю вольность находит поддержку в критических статьях некоторых переводоведов литературоведческого направления.

Интересное и, на наш взгляд, весьма правдоподобное объяснение психологических корней вольного перевода дает немецкий писатель, переводчик и критик А. Курелла: «...самоуправство, произвол, свободное обращение переводчика с текстом, отсебятина. Каковы причины этого? Часто одной из причин является подсознательное признание теории непереводимости. Раз точно перевести невозможно, то, следовательно, нечего и стараться. Лучше придать данному тексту элегантную, доступную, красивую форму на родном... языке, ведь правильно все равно не перевести»².

Здесь, по-видимому, следует вспомнить о том, что вопрос о принципиальной переводимости, т.е. вообще о возможности создания равноценного оригиналу текста, также волновал практиков и критиков перевода еще во времена Данте, Сервантеса и Вильгельма Гумбольдта. Если первые двое сомневались лишь в качестве переводов, то последний высказывал крайне пессимистический взгляд на возможность эквивалентного перевода вообще: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно»³.

Современное состояние перевода позволяет в этом широко известном высказывании знаменитого философа и лингвиста относительно возможности достижения некоего среднего, так называемой золотой середины, поменять знак «минус» на «плюс». Теперь мы знаем, что именно по этому пути пошло развитие перевода, поддерживаемое взаимным сближением языков и культур, — пути взаимоуравновешенного воспроизведения исходной семантики и бережных ее функциональных модификаций в интересах адаптации создаваемого текста к стандартам восприятия его адресата (носителя языка перевода).

Сторонники пессимистической точки зрения на проблему переводимости исходят из безусловного факта, что все элементы тек-

¹ Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое: Роман-эссе // Новый мир. — 1981. — № 8. — С. 20.

² Курелла А. Теория и практика перевода // Мастерство перевода. — М., 1959. — С. 427.

³ Цит. по: Федоров А.В. Основы общей теории перевода. — С. 43.

ста не переводятся. Так, обычно не поддаются переводу внутренняя форма лексических единиц, своеобразие некоторых выражений, диалектная окраска, игра слов. Однако обычно эти элементы, а также их утрата в переводе не имеют существенного значения. Вместе с тем, если вдруг они становятся функционально важными, возникает переводческий тупик. В середине 1980-х гг. одному из авторов этой книги крупное издательство предложило для рецензии сатирический роман популярного немецкого писателя Й. М. Зиммеля «*Lieb Vaterland magst ruhig sein*». Главный герой романа, авантюрист и пройдоха, обычно говорит на берлинском диалекте и очень забавно рассуждает о мировой политике и иных «умных» проблемах. Но как только приближается опасность (например, его останавливает полицейский), он переходит на чистейший литературный язык. Этими переходами автор создает комический эффект. Подружка героя говорит на австрийском диалекте, на этой почве между ними часто возникает недопонимание.

По прочтении книги стало совершенно ясно, что при переводе потери из-за невозможности передать постоянную игру немецкого литературного языка, берлинского и австрийского диалектов окажутся столь велики, что книга утратит ценнейший из ее элементов — веселый смех. Поэтому пришлось дать заключение о том, что по этой причине переводить роман не стоит — будут слишком велики и существенны потери в русском варианте художественного произведения.

Сторонники оптимистического взгляда на возможности перевода ссылаются на то, что критерием истины является практика. Практика подтверждает, что каждый день где-то проходят международные конференции, встречи, переговоры, на которых разноязычные партнеры достигают взаимопонимания; по переведенным инструкциям собирается и экспортируется техника; по телевизору и в кинотеатрах идут переведенные иностранные фильмы; в переводах выходят миллионы книг и журналов. Одним словом, перевод эффективно выполняет свое общественное предназначение.

Вместе с тем, как уже указывалось, встречаются случаи непереводимости или существенно неполной переводимости. И связано это не только с различиями в устройствах языков. Наиболее частой причиной непреодолимых переводческих трудностей является расхождение культур. Как добиться равноценности воздействия ИТ и ПТ в тех случаях, когда в одной культуре что-то считается положительным, а в другой — отрицательным? Возможно ли перевести рекламу украинского сала на арабский так, чтобы у араба слюнки потекли? (Можно было бы привести много других более серьезных примеров, но приходится отказаться от этого из-за ограниченности объема пособия.)

Итак, с одной стороны, мы имеем «глобальную» переводимость, обеспечивающую взаимопонимание людей и наций, культурный

и научно-технический обмен в мировом масштабе, с другой — встречаются случаи, когда перевод недостаточно эффективен или вообще «не срабатывает». Это дает нам возможность представить переводимость в виде статистической закономерности, обладающей очень высокой, но не стопроцентной вероятностью.

Говоря о переводимости, необходимо указать еще на одно обстоятельство. Все тексты можно подразделить на разные категории по степени их обращенности более или менее широкому кругу адресатов: тексты, затрагивающие общечеловеческие интересы (наука, техника, вечные проблемы взаимосвязей); тексты, затрагивающие интересы нации, интересы большой группы людей (профессиональной, классовой, возрастной); тексты, затрагивающие проблемы узкой группы людей (жителей небольшого города, представителей маргинальной среды). Чем более широкий круг адресатов затрагивает текст, тем выше его переводимость; чем этот охват уже, тем она ниже. К счастью, и это совершенно естественно, переводам подвергаются в основном тексты, интересные для широкого круга людей, и благодаря этому процент переводимости в целом высок. Если бы, наоборот, больше переводились тексты с узкой, локальной направленностью, процент переводимости резко упал бы, поскольку база общих лингвоэтнических точек соприкосновения, на которой зиждется сама возможность перевода, как правило, не включает в себя сведений об узконациональном, локальном, маргинальном. Она концентрирует главным образом информацию о важном, полезном, интересном для того и другого из контактирующих этносов, а чаще — для многих народов.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте основное понятие деятельности.
2. Что является предметом потребности применительно к деятельности переводчика?
3. Что является целью переводческой деятельности?
4. Какой общественной потребности отвечает перевод?
5. Что включает в себя языковое посредничество?
6. Назовите основные виды языкового посредничества.
7. В чем заключается отличие коммуникации с переводом от одноязычной коммуникации?
8. В чем состоит общественное предназначение перевода и переводчика?
9. Каковы основные параметры общественной критики перевода?
10. Назовите основные концепции различных определений перевода.

МОТИВАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ИСХОДНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТОВ

Все сказанное выше о мотиве позволяет заключить, что он представляет собой высший уровень управления деятельностью и в самой существенной степени определяет ее специфику. Поэтому осознание мотива деятельности облегчает овладение ею, способствует повышению профессионального мастерства. Между тем мотивы деятельности далеко не всегда осознаются самими субъектами.

На наш взгляд, еще недостаточно глубоко осмыслен сложный, многоплановый и внутренне противоречивый мотив, управляющий переводческой деятельностью.

Как уже упоминалось, мотив — это опредмеченная потребность. Общественная потребность, удовлетворяемая переводом, была обозначена в предыдущей главе. Но что же является предметом перевода (переводческой деятельности), т. е. тем, что помогает в степени, допустимой спецификой двуязычной опосредованной коммуникации, максимально приблизить последнюю к естественной, одноязычной коммуникации?

Этим предметом деятельности является ПТ. Заменяя им в процессе двуязычного общения ИТ, переводчик тем самым нейтрализует лингвоэтнический барьер, разделяющий разноязычных коммуникантов, и дает им возможность речевого общения. Такое речевое общение оказывается сопоставимым с общением в рамках одноязычной коммуникации. Иными словами, потребность, обуславливающая деятельность переводчика, удовлетворяется путем создания ПТ.

Очевидно также, что ПТ должен отвечать определенным требованиям. Мы уже говорили о том, что отнюдь не каждый текст, созданный языковым посредником, может быть признан переводом (или достаточно хорошим переводом). Каковы же отличительные черты ПТ? Каким требованиям он должен соответствовать?

Коль скоро основным признаком двуязычной коммуникации с переводом являются ее сравнимость с одноязычной коммуникацией и, более того, стремление первой максимально приблизиться ко второй, то очевидно, что ПТ должен выполнять функцию, аналогичную той, которую выполняет ИТ в рамках естественной

для него одноязычной коммуникации. В этой связи возникает вопрос о функции текста в речевой коммуникации как таковой.

Текст — орудие речевой коммуникации, инструмент общения. Если отвлечься от малотипичных (а возможно, даже и не совсем правильно интерпретируемых) случаев, когда речь выступает как самоцель, когда человек говорит из потребности в речи как таковой, то нельзя будет не признать аксиоматического положения теории речевой деятельности, согласно которому речь — не самоцель, а, по выражению А. А. Леонтьева, «средство, оружие» и «почти всегда предполагает неречевую цель»¹. Такой целью могут быть координация действий коммуникантов, их изменение или прекращение. С помощью речи отправитель может стремиться изменить эмоциональное состояние адресата, уровень его информированности о предмете, побудить его к действиям и т. д. Иными словами, целью речевых действий являются оказание необходимого регулятивного воздействия на адресата, вызов определенного коммуникативного эффекта, результатом которого могут стать новые знания, убеждения, сопереживание, эмоциональное состояние, действия, поступки и т. д. и т. п. Орудием такого воздействия, средством достижения коммуникативного эффекта оказывается текст, созданный и переданный отправителем и воспринятый адресатом. Эта орудийная функция текста в процессе общения дала основание Т. М. Дридзе выдвинуть положение о допустимости такого подхода к анализу текста, когда вопрос «зачем, ради чего в тексте что-то говорится?» предшествует традиционным вопросам «о чем говорится в тексте?», «что говорится?» и «как говорится?»².

Из сказанного следует, что упомянутая выше аналогичность функций ИТ и ПТ, каждого в своей сфере, прежде всего должна выражаться в аналогичности их регулятивного воздействия на своих адресатов, в аналогичности вызываемых ими коммуникативных эффектов.

Схема, представленная на рисунке 1, с определенной долей наглядности отражает ситуацию, при которой речь одного и того

Рис. 1

¹ Леонтьев А. А. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности. — М., 1968. — С. 31; Он же. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974. — С. 25.

² Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. — М., 1980. — С. 56.

же отправителя воспринимают одновременно две группы лиц: непосредственно носители ИЯ и через переводчика носители ПЯ. Схематическое изображение призвано помочь читателю представить себе, в чем в первую очередь заключается максимальное приближение двуязычной коммуникации с переводом к одноязычной: ПТ и ИТ должны быть равноценными, эквивалентными не по своим внутренним (имманентным) свойствам, а по воздействию вовне, т. е. по регулятивному воздействию на своих адресатов¹. Эту эквивалентность ИТ и ПТ можно назвать коммуникативно-функциональной, имея в виду то, что ИТ и ПТ выполняют аналогичные функции — каждый в рамках своей коммуникации.

Здесь, однако, требуется существенное уточнение, поскольку сразу возникает вопрос: как можно говорить об эквивалентности регулятивного воздействия ИТ и ПТ на своих адресатов, если даже в одноязычной аудитории один и тот же текст у разных людей вызывает весьма различные мысли, эмоции, действия? Неравноценность воздействия одного и того же текста на разных получателей обусловлена неравнозначностью их личного опыта: несовпадением взглядов, вкусов, привычек и т. д. Аналогичная ситуация более чем возможна и при попытке определить степень равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ на своих получателей. Будучи эквивалентными в коммуникативно-функциональном отношении, разноязычные тексты могут оказать на своих получателей совершенно разное воздействие в результате, скажем, диаметральной противоположности их мировоззрений. Именно поэтому специалисты по переводу понимают, что переводчик (квалифицированно выполнивший перевод) не несет ответственности за реакцию получателя перевода².

Что же в таком случае следует понимать под коммуникативно-функциональной эквивалентностью ИТ и ПТ, аналогичностью их регулятивного воздействия на своих адресатов? Ведь очевидно, что эквивалентность ИТ и ПТ — обязательное условие перевода, без которого недостижимо регулятивное воздействие на партнеров по коммуникации, а следовательно, неправомочно признавать равноценность двух упомянутых видов коммуникации.

Однако ИТ и ПТ должны обеспечивать одинаковый психологический и эстетический эффект лишь в принципе, «в отвлечении от индивидуальных ассоциаций», — указывает Отто Каде³. «Цель языкового посредничества не сам вызов коммуникативного эффекта как такового, а создание предпосылок для осуществления

¹ В принципе ничего не меняется от того, воспринимают разноязычные получатели сообщения его оригинальный и переводной варианты одновременно или нет.

² См.: Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — С. 18—19.

³ Kade O. *Übersetzung und Gesellschaft // Fremdsprachen*. — 1966. — №. 4. — С. 237.

определенных коммуникативных намерений, возможности вызвать у адресата предполагаемый коммуникативный эффект»¹.

В процессе речевого общения (как одноязычного, так и двуязычного) его эффективности препятствуют различия в мировоззрениях, убеждениях, знаниях, жизненном опыте, привычках, психологических особенностях общающихся. Эти препятствия абсолютно естественны и преодолеваются в ходе речевой коммуникации с большим или меньшим успехом. Более того, сама коммуникация² в конечном счете направлена на преодоление какой-то части этих различий, поскольку, если бы люди обладали одинаковым мировоззрением, знаниями, жизненным опытом и т. д., многие акты речевого общения попросту потеряли бы свой смысл.

В двуязычной коммуникации к этим социально-личностным барьерам прибавляется еще и лингвоэтнический барьер — расхождение в языках, закономерностях их функционирования, в культурах общающихся. Задача переводчика состоит в том, чтобы нейтрализовать этот и только этот, т. е. лингвоэтнический, барьер. Иными словами, переводчик должен нейтрализовать только те препятствия на пути эффективной речевой коммуникации разноязычных ее участников, которые вытекают из их принадлежности к разным лингвоэтническим коллективам. Перевод, таким образом, является чисто лингвоэтнической ретрансляцией³: при переводе осуществляется лишь лингвоэтническая, но не социально-групповая или индивидуально-личностная переадресовка сообщения, происходят замены адресатов типа: русский — немец, англичанин — китаец, но не производятся замены типа: специалист — неспециалист, взрослый — ребенок, массовая аудитория в Великобритании — господин Петров в России. Иногда, правда, лингвоэтнические и социально-групповые различия могут совпадать. Так, если иностранный текст, переводимый на русский язык, адресован врачам-католикам, то отсутствие у нас аналогичной социальной группы должно рассматриваться не только как социальное, но и одновременно как лингвоэтническое различие между адресатами ИТ и ПТ и учитываться в переводе путем введения непосредственно в ПТ не содержащейся в ИТ, но подразумеваемой и известной адресатам ИТ информации или сообщения ее адресатам ПТ с помощью примечаний или комментариев к переводу.

¹ См.: Kade O. *Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung*. — S. 83.

² Коммуникация — это «любой процесс создания знаков одним собеседником и восприятия этих знаков другим при одинаковом понимании этих знаков обоими», в то время как эффективное речевое общение — это «одинаковое понимание знаков, сопровождаемое одинаковыми убеждениями» (Шаффа А. Введение в семантику. — М., 1963. — С. 343—344).

³ См.: Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. — М., 1981. — С. 106.

Чисто лингвоэтнический характер переводческой ретрансляции обусловлен общественным предназначением перевода. Если бы в процессе перевода нивелировались не только лингвоэтнические, но и социально-групповые и индивидуальные коммуникативно-релевантные характеристики носителей ИЯ и носителей ПЯ и если бы переводчик адаптировал сообщение в его переводном варианте к иным, чем те, которые имел в виду автор оригинала, индивидуальным и социально-групповым характеристикам адресата, то это резко противопоставило бы двуязычную коммуникацию с переводом одноязычной коммуникации, при которой личностные и социальные барьеры естественно преодолеваются ее участниками. Но это противоречило бы общественному предназначению перевода в самой его сути.

Мысли, согласующиеся с нашим пониманием перевода как чисто лингвоэтнической ретрансляции, мы находим у ряда других переводоведов. Так, в своем исследовании, посвященном переводу, А. Ф. Ширяев пишет: «Если переводчик слишком очевидно выходит за рамки целей порождения адекватных речевых высказываний и начинает брать на себя функции реализации неречевых целей одного из общающихся, например дает расширительное толкование исходных высказываний или излагает собственное понимание вопроса, его деятельность перестает быть переводческой. В этих случаях социальная среда посредством социальных санкций обычно понуждает переводчика возвратиться в рамки его социальной роли»¹.

Касаясь нередкой для устного перевода ситуации, когда перевод осуществляется для конкретных лиц в их присутствии, О. Каде указывает, что определенная настройка переводчика на участников коммуникации в подобных случаях необходима. Однако она не должна быть индивидуальной до такой степени, при которой учет конкретного адресата превращается в доминирующий элемент и остается без внимания реализованное в ИТ отношении истинного отправителя к своему партнеру по диалогу².

В. Н. Комиссаров говорит о том, что в практике устного перевода бывают случаи, «когда передается не то, что действительно сказано в оригинале, а скорее выводы, которые сделал из сказанного переводчик как непосредственный участник коммуникации»³. Подобное обращение с оригиналом, по мнению В. Н. Комиссарова, «явно выходит за рамки перевода», поскольку оно «предоставляет переводчику право решать, что для Рецептора пере-

¹ Ширяев А. Ф. Специализированная речевая деятельность: Психолингвистическое исследование на материале синхронного перевода. — С. 153.

² См.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — S. 127.

³ Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. — 1982. — Вып. 19. — С. 18.

вода важно узнать, чтобы правильно оценить содержание оригинала»¹.

Положение о чисто лингвоэтническом характере переводческой ретрансляции имеет теоретическую значимость не только для переводоведения, оно имеет существенное значение для более широкой научной дисциплины — науки о языковом посредничестве (каковая, несомненно, возникнет в недалеком будущем). Если мы не признаем за переводом статуса чисто лингвоэтнической ретрансляции, мы тем самым уничтожим всякую объективную основу для классификации языкового посредничества, отграничения перевода от различных видов «адаптивного переложения» (термин О. Каде): пересказа, реферата иноязычных текстов, «сокращенного перевода» и т. д., которые можно представить как результат двух самостоятельных последовательных операций: «собственно перевода и последующей прагматической адаптации»².

В теоретических дискуссиях нередко приходится слышать возражения против положения о том, что в процессе перевода нет места социально-групповой и индивидуально-личностной адаптации переводимого материала. Эти возражения обосновываются тем, что на практике такая адаптация сплошь и рядом необходима и практически осуществляется в переводе, особенно устном. Приводятся примеры, когда именно с помощью радикальных переделок оригинала, «отсебятин» опытный языковой посредник помогает отправителю добиться искомого прагматического эффекта, например склонить партнера по переговорам к определенному решению³.

Мы не собираемся отрицать, что в определенных ситуациях подобная прагматическая адаптация транслируемого сообщения может быть полезна для дела. Однако, во-первых, это ситуация особого рода. Для нее характерна, с одной стороны, недостаточная компетентность лица, обслуживаемого языковым посредником, в делах общения со своими партнерами, а с другой — изрядная самоуверенность переводчика, не боящегося внести искажения в коммуникативное намерение отправителя. Вряд ли такая ситуация мыслима при контактах на высоком уровне (в переговорах ведущих государственных и партийных деятелей, крупных специалистов и т. д.).

Во-вторых, если устный языковой посредник порой действительно с пользой для дела подстраивает сообщение под личность конкретного получателя (растолковывая ему нечто от себя, подправляя не совсем верно избранный отправителем тон беседы и т. д.), то почему бы не признать того простого факта, что в таком

¹ Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. — 1982. — Вып. 19. — С. 18.

² Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — С. 109.

³ См. там же.

случае в перевод практически вкрапляются элементы адаптивного переложения¹. Такое признание ни в коей мере не означает принижения статуса устного перевода, а служит всего лишь признанием объективно существующего положения вещей.

Неоднородный характер не только устного, но и (возможно, в несколько меньшей мере) письменного перевода не является чем-то необычным. Как справедливо отмечает А. В. Пименов, едва ли можно назвать такой вид деятельности, который существовал бы в чистом виде как в психофизическом, так и в социально-психологическом плане. В то же время осознание различий между элементами собственно перевода и адаптивного переложения в языковом посредничестве, считающемся переводом, имело бы не только чисто теоретическое, но и существенное практическое значение.

Как показывает опыт, далеко не все переводчики-практики (и устные и письменные) имеют достаточно четкое представление о границах и об ограничениях в деятельности по созданию перевода. Более того, эти представления часто бывают неадекватными, искаженными. Они вырабатываются в процессе практической деятельности — обычно при обслуживании разноязычных коммуникантов невысокого ранга. «В интересах дела» (например, из желания отделить ценную информацию от «воды», добиться максимальной простоты и ясности изложения и т. д.), из стремления сэкономить время, затрачиваемое на перевод, а порой от нежелания подыскивать сложные по содержанию и структуре эквиваленты исходным высказываниям переводчик нередко переводит «по-проще»; иногда своей рукой-владыкой текст упрощает редактор. Поскольку нигде не оговаривается, что перевод сокращенный, выборочный, упрощенный и т. д., подобные квазипереводы поступают в обращение как собственно переводы, и у некоторых переводчиков складывается представление о допустимости многого из того, что на самом деле категорически недопустимо, так как противоречит общественному предназначению перевода.

В значительной мере все это может объясняться и объективными обстоятельствами: отсутствием единой научно обоснованной и практически целесообразной классификации языкового посредничества, узаконенных единых нормативных требований к продуктам различных его видов, и в частности нормативных требований к переводу. Создание классификации и разработка соответствующих норм должны рассматриваться как важнейшие задачи переводоведения и лингвистической науки в целом.

¹ Сравните: «Правомерность и границы... дополнительного вмешательства переводчика в процессе межязыкового общения зависят от конкретных условий, социального и профессионального статуса переводчика, его личных отношений с участниками коммуникации и т. п., но очень важно отличать эти аспекты его деятельности от выполнения им собственно переводческих функций» (Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация. — С. 19).

В центре этой классификации в качестве своеобразной точки отсчета должен находиться перевод. Его свойство чисто лингвистической ретрансляции может служить своего рода основанием для необходимых сопоставлений. Сравнение различных видов языкового посредничества с переводом дает возможность выявить их специфику. В результате такого сопоставления по одну сторону от перевода окажутся разные виды сверхперевода, по другую — разные виды недоперевода.

Под **сверхпереводом** мы понимаем такие виды языкового посредничества, продукт которых можно представить как результат перевода с некоторой дополнительной прагматической обработкой транслируемого материала в соответствии со специфическими потребностями адресата. Например: *The choice of mass memory involves consideration of the system's activities.* — При выборе **внешней** памяти большого объема **необходимо** учитывать соображения, связанные с **функциональными особенностями работы системы**.

Здесь ПТ превышает ИТ и по лексическому составу, и по смыслу. В процессе прагматической обработки используются преобразования, выходящие за рамки допустимого в переводе. Классическим примером сверхпереводов были так называемые вольные переводы литературных произведений, культивировавшиеся в XVIII в. В угоду вкусам читателей, воспитанных в «домашних» литературных традициях, произведения не только переводились, но и «перелицовывались» на местный лад: менялись имена действующих лиц, обстановка и т. д. В настоящее время наиболее типичным видом сверхперевода является литературное переложение (пересказ).

К **недопереводу** мы относим виды языкового посредничества, в которых недовыполняются в том или ином отношении нормы перевода. Это можно назвать «черновым» переводом, неполно (сокращенно или выборочно) передающим содержание оригинала и допускающим отклонения от функционального стиля, и «рабочим» переводом, от которого не требуется стилистической адекватности оригиналу. Например: *I hope this message demonstrates where they stand presently in the course of the system development, how far they have gone in their efforts in putting them to actual use, and their plans for the future.* — В докладе рассмотрены современное состояние разработок и практическое состояние систем, а также планы на будущее.

В переводе на русский язык явно чувствуется стремление к занижению заслуг разработчиков.

Некоторые продукты языкового посредничества представляют собой гибриды сверхперевода и недоперевода. К таковым, к примеру, относятся рефераты иноязычных текстов, которые, с одной стороны, неполно передают содержание подлинника (признак недоперевода), а с другой — содержат такие элементы прагматической адаптации (признаки сверхперевода), как более удобная

для потребителя группировка фактов, новая стратегия изложения (например, вместо индукции — дедукция), выводы и комментарии референта.

Не исключено, что существующей ныне номенклатуры видов языкового посредничества окажется недостаточно, чтобы отразить всё его реально встречающееся многообразие. Возможно, потребуются новые понятия и термины, для того чтобы выделить и обозначить уже действующие, обладающие своей спецификой виды языкового посредничества, которые, однако, пока еще официально не признаны или вообще даже не зафиксированы общественным сознанием.

Подводя итоги всему сказанному о переводе как чисто лингвоэтнической ретрансляции, не забудем, что признание этого положения необходимо не только для его отграничения от других видов языкового посредничества и сохранения чистоты переводческого жанра, но и для уточнения наших представлений о сущности коммуникативно-функциональной эквивалентности ИТ и ПТ. Именно последнее наиболее важно непосредственно для продолжения наших рассуждений.

Это положение дает нам также возможность сделать еще одно важное уточнение: эквивалентность ИТ и ПТ, достигаемая в переводе, заключается не в равноценности воздействия того и другого на каждого конкретного адресата, а в максимально возможной равноценности лингвоэтнических предпосылок для такого воздействия. Нейтрализуя лингвоэтнический барьер, перевод предоставляет носителям ИЯ и носителям ПЯ лишь объективно равные возможности восприятия и интерпретации сообщения в его исходном и переводном вариантах, включая возможность одинаково реагировать на него. Какая реакция (коммуникативный эффект) последует в действительности, зависит от индивидуально-личностных свойств каждого отдельного получателя оригинала и перевода. Это значит, что если бы среди тех и других оказались люди с идентичными индивидуально-личностными свойствами, то и реакции их тоже были бы идентичными.

Высказанные положения о коммуникативно-функциональной эквивалентности ИТ и ПТ имеют весьма общий характер, и мы постараемся конкретизировать их как в данной, так и в последующих главах этой книги.

Поскольку понятие «коммуникативно-функциональная эквивалентность» ИТ и ПТ есть обозначение и эквивалентности их потенциальных коммуникативных эффектов, детализацию наших представлений целесообразно начать с рассмотрения хотя бы в самых общих чертах природы коммуникативного эффекта.

Коммуникативный эффект (КЭ), производимый текстом, обуславливается не только его собственными свойствами (семантикой, структурой), но и наличием определенных предпосылок, которы-

ми должен обладать адресат текста, чтобы адекватно воспринять и интерпретировать его. Сюда относится не только язык, на котором составлен текст, но и привычки к определенным речевым стандартам и стереотипам, наличие предварительных (нелингвистических) знаний, без чего невозможно толком понять, о чем идет речь. Этот комплекс предпосылок, без которого недостижима успешная языковая коммуникация, мы будем именовать коммуникативной компетенцией (КК).

Роль КК при интерпретации текста адресатом особенно наглядна в тех случаях, когда один и тот же текст в одной и той же обстановке вызывает различающиеся реакции у разных получателей. А также когда у одного и того же получателя, но при различных обстоятельствах текст вызывает разную реакцию или когда некто непосвященный слышит чужой разговор, но не в состоянии понять его, поскольку не в курсе того, о чем идет речь. Различия в КК двух носителей разных языков проявляются в первую очередь в том, что каждый из них понимает речь лишь на своем языке. В ситуации «специалист — неспециалист» расхождение КК дает себя знать различной степенью понимания специального содержания текстов.

Иными словами, КК складывается из факторов общечеловеческого, индивидуального, социально-группового и лингвоэтнического характера. На нее влияет так называемый «ситуативный контекст» — немало привходящих факторов: физическое и психическое состояние субъекта (самочувствие, настроение), объективные условия восприятия текста (письменное или устное восприятие, наличие или отсутствие контакта с отправителем, наличие или отсутствие помех) и т. п., а также особенности реальной обстановки, в которой происходит общение.

Итак, КЭ является результатом взаимодействия текста и КК адресата. В случае различных КК один и тот же текст вызывает разный КЭ. Текст, взятый сам по себе, вне отношения к КК адресата, — лишь носитель определенного класса потенциальных КЭ. Этот класс КЭ удобно именовать коммуникативной функцией текста.

В процессе перевода переводчик стремится как можно полнее воспроизвести в ПТ функции ИТ. В соответствии с чисто лингвоэтническим характером переводческой ретрансляции он направляет свои усилия на то, чтобы нейтрализовать лингвоэтнический барьер, в результате чего ПТ должен стать носителем того же класса потенциальных КЭ, что и ИТ. Насколько аналогичными будут реальные КЭ в сферах носителей ИЯ и ПЯ, зависит, как об этом говорилось выше, от того, окажутся ли среди потребителей оригинала и перевода люди со сходными личностными характеристиками — мировоззрением, системами ценностей, вкусами и т. п.

Каким же образом нейтрализуется в переводе лингвоэтнический барьер?

Если бы перед переводчиком стояла (разрешимая лишь на уровне случайности) задача добиться равенства КЭ у конкретных адресатов ИТ и ПТ, то это значило бы, что он должен был каким-то образом создать равенство двух соотношений, порождающих КЭ, т. е. равенство соотношения ИТ и КК его адресата и соотношения ПТ и КК его адресата:

$$\text{ИТ} : \text{КК}_{\text{адр. ИТ}} \approx \text{ПТ} : \text{КК}_{\text{адр. ПТ}} \quad (1)$$

Достижение такого равенства означало бы, что расхождения КК двух получателей нейтрализованы, именно нейтрализованы, а не ликвидированы или устранены: даже продолжая объективно существовать, они в составе коммуникативно равноценных соотношений перестают быть препятствием для акта коммуникации. Равенство соотношений в целом сводит на нет неравенство их составляющих по отношению друг к другу.

Однако, как мы знаем, задачи обеспечения равных КЭ у конкретных носителей ИЯ и ПЯ, нейтрализации их КК по всем составляющим перед переводчиком не стоят. Переводчик должен сгладить расхождение лишь тех составляющих КК, которые соотносимы с понятием лингвоэтнического барьера, т. е. обусловлены единственно лишь фактом принадлежности носителей ИЯ и ПЯ к определенным лингвокультурным общностям.

В свете сказанного для теории перевода крайне необходимо вычленив и определить лингвоэтническую часть КК.

У каждого отдельного человека КК имеет практически бесконечное количество составляющих. Это и знание языка с его лексическими единицами, грамматическими формами и правилами, по которым они комбинируются, и умение использовать язык в соответствии с языковыми традициями нации, т. е. знание соответствующей национальной культуры. Наконец, это и наличие у адресата некоторой предварительной информации, на которую рассчитывает отправитель. (Если отправитель в своих расчетах ошибся, то он попросту может быть не понят или понят неправильно.) У КК много привходящих факторов: физическое и психологическое состояние коммуниканта, воздействие обстановки и т. д. Такие факторы мы, естественно, учитывать не будем, к тому же это практически невозможно.

Существенно то, что непривходящие составляющие КК можно подразделить на лингвоэтнические и нелингвоэтнические. К последним относятся индивидуально-личностные свойства участника коммуникации (его интересы, убеждения, вкусы и т. д.) и его социальные характеристики, обусловленные принадлежностью к социальным группам (профессиональным, возрастным и т. п.).

Своей деятельностью переводчик помогает участникам коммуникации преодолеть только мешающие им расхождения лингвоэтнических составляющих их КК. Затрудняющие общение несовпа-

дения личностных и социальных компонентов, строго говоря, переводчика не касаются. Он не несет ответственности за то, что создаваемый им переводной текст иногда направляется «не по тому адресу», например: текст для взрослых — детям; текст, рассчитанный на образованного, — необразованному и т. д. Если же языковой посредник (как это иногда бывает при языковом посредничестве во время личных бесед) начинает невольно или сознательно в силу обстоятельств приспосабливать свой продукт к личным и социальным особенностям кого-то из собеседников, то при этом он выходит за рамки перевода и переходит в сферу пересказа. Даже если в силу обстоятельств языковому посреднику и приходится прибегать к такой форме, он должен отдавать себе отчет в том, что делает. Следует также иметь в виду, что, если заказчик перевода не уполномочил переводчика на подобные подмены, ответственность за них и их последствия несет сам переводчик. Типичным следствием в таких случаях является заявление кого-нибудь из участников опосредованной коммуникации: «Я такого не говорил. Вероятно, здесь была неточность в переводе».

Из сказанного следует, что применительно к переводу мы говорим исключительно о лингвоэтнической стороне КК носителей ИЯ и ПЯ, которую удобно именовать лингвоэтнической коммуникативной компетенцией (ЛКК).

Рассмотренную ситуацию характеризует схема, представленная на рисунке 2.

Именно расхождение ЛКК носителей ИЯ и носителей ПЯ является тем, что мы именуем лингвоэтническим барьером.

Если для обеспечения сближения КЭ носителей ИЯ и носителей ПЯ нужно достичь равенства (1), то для получения необходимого при переводе равенства лингвоэтнических предпосылок КЭ в

Рис. 2

сферах носителей как ИЯ, так и ПЯ требуется обеспечить следующее равенство:

$$\text{ИТ} : \text{ЛКК}_{\text{носит. ИЯ}} \approx \text{ПТ} : \text{ЛКК}_{\text{носит. ПЯ}} \quad (2)$$

Общий принцип нейтрализации расхождений ЛКК наглядно выступает после элементарного преобразования (2) по правилу производной пропорции:

$$\text{ЛКК}_{\text{носит. ИЯ}} : \text{ЛКК}_{\text{носит. ПЯ}} \approx \text{ИТ} : \text{ПТ}^1 \quad (3)$$

Его правомерно именовать **принципом компенсации лингвоэтнических расхождений коммуникативных компетенций**. Отличительная его особенность в том, что подобные расхождения как таковые продолжают существовать и после акта перевода. Однако в процессе перевода они возмещаются такими целенаправленно создаваемыми расхождениями ИТ и ПТ, которые конгруэнтны расхождениям коммуникативных компетенций носителей ИЯ и ПЯ и, компенсируя последние, нейтрализуют их действие. В результате возникают два взаимозаменяемых комплекса, детерминирующие коммуникативный эффект. Эквивалентность этих комплексов заключается в том, что они создают относительно равноценные лингвоэтнические предпосылки для восприятия сообщения в его разноязычных вариантах и для реакции на него.

Методу «компенсирующих расхождений» противостоит спорадически применяемый в переводе способ непосредственного частичного приравнивания коммуникативных компетенций. Суть его заключается в том, что в каком-то их компоненте носитель ПЯ «подтягивается» к носителю ИЯ. Обычно для этого используется предварительный комментарий к тексту перевода или попутные примечания переводчика, с помощью которых восполняется отсутствие у носителей ПЯ знаний культурно-исторического и актуально-событийного характера, необходимых для адекватного понимания текста.

Очевидно, однако, что приравнивание коммуникативных компетенций носителей ИЯ и носителей ПЯ с помощью комментариев и примечаний не является достаточно универсальным способом преодоления их неравенства, потому что он неприменим для устранения этого неравенства в его решающем — языковом — компоненте: в знании или незнании ИЯ (его инвентаря и моделей), несовпадении социально и ситуативно обусловленных правил использования ИЯ и ПЯ и т. д. Кроме того, использование переводчиком комментариев и примечаний в какой-то степени противоречит общественному предназначению перевода, поскольку со-

¹ Сделаем оговорку: сокращения КЭ, КК, ЛКК, введенные в связи с детальным рассмотрением этого вопроса и составлением равенств (1—3), в дальнейшем изложении мы использовать не будем, чтобы не затруднять восприятие текста. Кроме того, частота использования этих словосочетаний сравнительно невысока.

здает ситуацию отнюдь не типичную для естественной, однозначной коммуникации: вместо одного текста, который продуцирует носитель ИЯ, получатель перевода имеет несколько текстов (собственно перевод + комментарий или примечание). Пожалуй, именно поэтому редакторы переводной художественной литературы интуитивно противятся использованию примечаний переводчика. По-видимому, они ощущают их чужеродность по отношению к тексту перевода. Однако подчас без таких примечаний не обойтись¹. Более подробно на таких случаях мы остановимся далее.

То обстоятельство, что способ компенсации лингвоэтнических различий в коммуникативных компетенциях носителей ИЯ и ПЯ с помощью компенсирующих расхождений ИТ и ПТ является основным и в известном смысле универсальным методом преодоления лингвоэтнического барьера в переводе, заставляет по-новому взглянуть на так называемую проблему переводческих потерь. Раньше вынужденные семантические отступления перевода от оригинала чаще всего рассматривались как некоторые, к сожалению, неизбежные «природные» изъяны перевода². В свете сказанного к мотивированным семантическим и иным отступлениям перевода от оригинала приходится не просто относиться как к «врожденному пороку», но видеть в них в известном смысле его «плоть и кровь», т. е. то, без чего перевод немыслим.

Итак, в самых общих чертах мы определили первое требование к продукту (предмету) переводческой деятельности — ПТ. Он должен быть коммуникативно эквивалентен ИТ, т. е. обладать потенциальным регулятивным воздействием на адресатов, аналогичным тому воздействию, которым обладает ИТ. У адресатов как ИТ, так и ПТ должны быть равноценные объективные (отвлеченные от их индивидуально-личностных свойств) предпосылки для восприятия сообщения в его двух вариантах и реакции на него.

Однако является ли это требование единственным условием того, чтобы ИТ был признан оптимальным эквивалентом ПТ? Исчерпывается ли отношение равноценности ИТ и ПТ, устанавливаемое между ними в процессе перевода, их коммуникативно-функциональной эквивалентностью?

На эти весьма существенные для теории перевода вопросы переводческая практика дает отрицательный ответ. Все, кто профессионально занимается переводом, знают, что переводные тексты или их отдельные фрагменты могут быть отклонены (редактором, преподавателем перевода, другими компетентными специалистами) на одном-единственном основании — обвинении в излишней вольности перевода, т. е. в том, что ПТ текстуально (в семантико-структурном отношении) слишком далек от ИТ. При этом вопрос

¹ См.: Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — С. 63.

² См.: Бархударов Л. С. Язык и перевод. — С. 11.

о коммуникативно-функциональной равноценности ИТ и ПТ (аналогичности их итогового воздействия на адресатов, полноте воспроизведения содержания, «духа» и «смысла» подлинника и т.д. и т.п.) может вообще и не ставиться. В свое время В.И. Ленин подверг критике перевод одной из работ К. Маркса, выполненный Г.В. Плехановым. Свой отказ принять перевод Ленин аргументирует так: «Речь идет... о плехановском переводе слова *Diesseitigkeit*. ... У Плеханова вместо “доказать посюсторонность мышления” (буквальный перевод) стоит: доказать, что мышление “не останавливается по сю сторону явлений”... Плеханов дал пересказ, а не перевод... Конечно, вольный пересказ Плеханова не обязателен для тех, кто хочет знать самого Маркса...»¹.

Как мы видим, Ленин не говорит здесь о неточности перевода, искажении смысла и т.д. (хотя и об этом, вероятно, можно было бы сказать, если сдвинуть акценты в сторону переводоведческого анализа). Для него важно прежде всего другое: то, что предложил Плеханов, — не перевод, и в научной дискуссии было бы недопустимо ссылаться на Маркса в «вольном пересказе» Плеханова.

Данный и иные аналогичные примеры из практики, которые мы приведем в ходе дальнейшего изложения, свидетельствуют о том, что наряду с коммуникативно-функциональной эквивалентностью ИТ и ПТ в качестве относительно самостоятельного критерия оценки перевода в общественном сознании закрепилось представление о необходимости определенной меры текстуальной (семантико-структурной) аналогичности ИТ и ПТ. При отсутствии этой меры продукт языкового посредничества может быть не принят как перевод.

Эта мера находится в диапазоне, границы которого маркируются, с одной стороны, областью переводческих вольностей, а с другой — областью буквализмов, таких квазипереводов, для которых характерна излишняя семантико-структурная близость ИТ и ПТ. В результате в том или ином компоненте страдает их коммуникативно-функциональная эквивалентность: недостаточно точно воспроизводится исходное содержание, искажается смысл, из-за непривычности («странности») формы выражения возникают трудности в смысловом и (или) эмоциональном восприятии и т.д. Конкретно для каждого отдельного случая перевода оптимальная мера семантико-структурной аналогичности определяется сложным взаимодействием ряда факторов. Детальнее этот вопрос будет рассмотрен в дальнейшем. Сейчас же нас интересует многое другое: чем с точки зрения общественного предназначения перевода можно обосновать необходимость определенной меры семантико-структурной аналогичности ИТ и ПТ? В чем ее ценность для двуязыч-

¹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 103—104.

ной коммуникации с переводом, для общественной практики в целом? Какова ее роль в рамках общественного предназначения перевода? Ведь коль скоро тезис об общественном предназначении перевода является исходной точкой развиваемой нами концепции, то и все ее положения должны в конечном счете находить обоснование в этом исходном тезисе.

С точки зрения общественного предназначения перевода необходимость текстуальной (семантико-структурной эквивалентности) ИТ и ПТ можно подтвердить с помощью целого ряда аргументов.

Начнем с того, что в узких рамках конкретной ситуации общения эквивалентными в коммуникативно-функциональном отношении могут оказаться тексты с выраженной неравноценностью мыслительного содержания. Такого рода примеры приводит Р.К. Миньяр-Белоручев¹. Предложена ситуация: человек, стоящий в лифте, поджидает вошедшего вслед за ним в подъезд другого человека. В качестве равноценных формул отказа от возможности воспользоваться лифтом со стороны того, кого ждут, могут послужить самые разнообразные по содержанию фразы: «Я живу на первом этаже», «Спасибо, я подожду приятеля», «Я предпочитаю тренировать ноги», «Не ждите меня» и т.д. Действенная реакция со стороны ожидающего на все эти фразы будет одной и той же.

Следует ли из этого, что в аналогичной ситуации с разноязычными партнерами переводчик имеет право ограничиться обеспечением коммуникативно-функциональной эквивалентности в ее ситуативно-прагматическом аспекте и фразу, звучащую в оригинале как «Я живу на первом этаже» (по-немецки: *Ich wohne im Erdgeschoss* — или по-английски: *I live on the ground floor*), перевести как «Не нужно меня ждать»? Очевидно, что такого права он не имеет. В меру объективной возможности, определяемой соотношениями двух языков, культур, ситуацией общения и т.д., переводчик обязан передать мыслительное содержание фразы: обеспечить объективные предпосылки для того, чтобы адекватная действенная реакция адресата перевода сочеталась у него с адекватным (исходной фразе) отражением².

Помимо коммуникативной функции (орудие общения) язык выполняет также экспрессивную функцию (выражение мыслей), и в соответствии с общественным предназначением перевода адресат ПТ претендует не только на некоторое «общее» регулятивное воздействие, аналогичное тому, что испытывает адресат ИТ, но и, в частности, на аналогичность такого компонента этого воздействия, как мысль, отражение, состояние разума.

¹ См.: Миньяр-Белоручев Р.К. Учебное пособие по устному переводу. Записи в последовательном переводе. — М., 1969. — С. 42—44.

² См.: Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация. — С. 13—19.

В некоторых работах по теории перевода порой встречаются высказывания, в которых можно усмотреть попытку свести понятие равноценности воздействия, оказываемого ИТ и ПТ на своих адресатов, к равноценности их действенных реакций. Так, например, М. Я. Цвиллинг считает, что одним из случаев, когда эквивалентность перевода может быть установлена не умозрительно, а объективно, является перевод различного рода технических инструкций. Если адресат, изучив перевод инструкции, будет правильно обращаться с соответствующим техническим устройством (подобно тому как обращается с ним носитель ИЯ, изучивший оригинал), то это означает, что перевод эквивалентен.

По данному поводу приходит на память следующий случай. Находясь в экстремальных условиях (отсутствие словарей, справочников и специальных знаний, нехватка времени для предварительной подготовки), переводчик должен был осуществлять перевод на занятиях, где российский инструктор обучал иностранцев работе со сложной советской радиотехникой. Проявив незаурядную находчивость, переводчик поступил следующим образом: все ручки, кнопки, тумблеры и т. д., названия которых на иностранном языке ему были неизвестны, он пронумеровал, обозначив их «фишка № 1», «фишка № 2» и т. д. Соответственно, например, вместо «Вращаем ручку настройки такого-то диапазона» переводчик произносил: «Вращаем фишку номер такой-то». Результат превзошел все ожидания — обучаемые отлично освоили технику, сдали требуемые практические зачеты.

Как видим, действенная реакция обучаемых на речь инструктора, столь оригинально переданную языковым посредником, была весьма адекватной — цель обучения была достигнута. Однако можно ли считать то, что сделал языковой посредник, полноценным переводом и переводом вообще? Очевидно, что нет. Почему? Потому что, опустив, по сути дела, целую систему радиотехнических понятий, раскрывающих в определенной степени устройство аппаратуры и принцип ее функционирования, переводчик исключил изрядную часть мыслительного содержания ИТ. Тем самым он не создал необходимых объективных предпосылок для того, чтобы у обучаемых иностранцев при прослушивании ими лекций возникли те же образы, представления, та же система понятий, что и у людей, слушавших эти лекции на русском языке. Не было выполнено в его существенном компоненте общественное предназначение перевода: максимально приблизить двуязычную коммуникацию с переводом к естественной, одноязычной.

Вследствие расхождения культур носителей ИЯ и носителей ПЯ переводчику нередко приходится сталкиваться с дилеммой: достичь либо эквивалентности предметно-логической основы образа сознания, либо эквивалентности предпосылок для эмоциональной и (или) действенной реакции. Так, к примеру, если поэт-

переводчик при переводе из узбекской классики заменит каноническое любовное обращение к девушке «О, мой попугай!» на типичное для западных культур «О, моя роза!»¹, то, пожертвовав идентичностью мыслительного образа ради аналогичности эмоциональных эффектов, он, возможно, поступит совершенно правильно. У русских и ряда других представителей европейских культур попугай ассоциируется не с красотой его оперения, а с несамостоятельностью и болтливостью.

Подобные модификации мыслительного содержания оригинала должны быть мотивированы жанром текста, его коммуникативно-функциональным предназначением, невозможностью иным путем сохранить в переводе некоторые наиболее ценные, доминантные элементы его содержания. Иными словами, модификация авторской мысли в переводе — всегда вынужденный шаг, и в принципе переводчик всегда должен стремиться в максимально возможной мере сохранить мыслительное содержание ИТ. Это требование, как мы уже отмечали, вытекает из общественного предназначения перевода.

Итак, будем полагать, что нам удалось убедительно обосновать необходимость максимально возможного сохранения идентичности авторской мысли в переводе. «Однако, — может спросить читатель, — причем здесь требование текстуальной (семантико-структурной) эквивалентности ИТ и ПТ, послужившее началом расуждений о необходимости сохранения мыслительного содержания оригинала? Или текстуальная близость ИТ и ПТ и эквивалентность их мыслительного содержания в такой степени взаимосвязаны, что одно предполагает безусловное наличие другого?»

Однозначно ответить на последний вопрос невозможно. Прежде всего мы не можем утверждать, что одну и ту же мысль нельзя выразить разными языковыми средствами. Нетрудно привести целый ряд отличающихся друг от друга в семантико-структурном отношении высказываний, где по-разному выражена одна и та же мысль. Сравните:

- Экспедиция израсходовала весь провиант.
- У экспедиции вышел провиант.
- У экспедиции кончился запас продуктов.

Вместе с тем можно привести случаи, когда, казалось бы, незначительная семантико-структурная модификация исходного высказывания ведет к существенному изменению его мыслительного содержания. Наиболее показательные примеры такого рода дает перевод.

В одной из своих работ А. А. Леонтьев сравнивает фразу из оригинального и переводного текстов работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»: „... *die werdenden*

¹ См.: Чуковский К. И. Высокое искусство. — С. 65.

Menschen kamen dahin, daß sie einander etwas zu sagen hatten“. — «...у формирующихся людей возникла потребность что-то сказать друг другу».

На первый взгляд перевод безупречен. Предпринятые трансформации самые невинные и естественные. Этот канонический перевод в течение десятилетий удовлетворял специалистов самых разных профилей — философов, психологов, лингвистов и др. Но вот А. А. Леонтьев взглянул на него со специфической точки зрения: он искал у Энгельса подтверждение своей мысли о том, что общение людей с самого начала было детерминировано со стороны содержания, а следовательно, было детерминировано социально, поскольку содержание всегда носит социальный характер¹. И выяснилось, что необходимое А. А. Леонтьеву подтверждение его положения содержится в оригинальном варианте высказывания классика марксизма, но исчезло в ПТ в результате, казалось бы, самых обычных семантико-структурных переводческих трансформаций. Эту негативную метаморфозу можно наглядно продемонстрировать, сопоставив уже приведенный нами опубликованный перевод высказывания Ф. Энгельса с его дословным переводом: «...становящиеся люди пришли к тому, что у них есть что сказать друг другу».

Если выражение «есть, что сказать друг другу» может быть правомерно понято как указание на некоторое мыслительное содержание, накопившееся и «просящееся» быть переданным другим, то перевод, где употреблено слово *потребность*, оснований для такой интерпретации уже не дает. Вот что пишет по этому поводу А. А. Леонтьев: «Когда мы употребляем термин “потребность”, то имеем в виду прежде всего естественную потребность типа голода или жажды, имеющую биологический характер и совершенно не обязательно детерминированную социально»². Иными словами, потребность отнюдь не всегда связана с мыслительным содержанием, требующим передачи.

В английском языке понятие «потребность» (*material needs, physical need*) более градуировано, чем во многих других языках, и очень сильно интерферирует с понятием «необходимость» (*necessity: daily necessities* — еда, топливо и другие предметы первой необходимости) и даже с понятием «желательность» (*desire*). Значения слов *need, necessity, desire* и *потребность, необходимость, желательность* в двух языках достаточно часто не совпадают. Вот несколько примеров:

The desire to examin elastic properties on a microscopic scale has motivated our work on the use of acoustic radiation in microscope. — **Необходимость** исследования упругих свойств с микроскопической точностью стимулировала нашу работу по использованию акустического

¹ См.: Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту, 1974. — С. 19.

² Там же.

излучения в микроскопии. Здесь речь идет не о желательности, а о необходимости в определенной вынужденной ситуации.

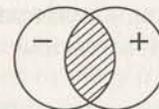
Однако в пословице *Necessity is the mother of invention* = *Нужда — мать изобретательности* понятие необходимости связано с более вынужденным состоянием — потребностью. А в примере: *There was no need for violence* = *В насилии не было никакой необходимости* — крайняя степень потребности в русском языке вполне адекватно передается понятием необходимости.

Все эти примеры служат яркой иллюстрацией положения М. Я. Цвиллинга о том, что перевод не является универсальным заместителем оригинала и замещает его лишь в определенной конкретной ситуации¹.

Мы высказали бы эту мысль несколько иначе. Хороший перевод претендует на то, чтобы заменять оригинал в как можно большем количестве ситуаций, но он не способен заменить его во всех мыслимых ситуациях. Причина этого заключается в следующем. Потребитель перевода обращается к его тексту, исходя из собственных информационных потребностей, и стремится найти ту информацию, которую считает для себя полезной. При этом в сознании потребителя текста иной раз могут возникнуть даже такие представления, образы и ассоциации, которые не были предусмотрены автором, не входили в его коммуникативное намерение². Подобно автору оригинала, переводчик также имеет в виду конкретные ситуации общения, в которых будет использоваться создаваемый им текст, определенные потребности, в ракурсе которых он будет интерпретирован. Однако он не в состоянии предусмотреть все эти ситуации и потребности.

Таким образом, если у автора оригинала круг всех мыслимых интерпретаций текста не совпадает с кругом интерпретаций, соответствующих его коммуникативному намерению, то и у переводчика круг потенциальных интерпретаций его перевода не совпадает с тем кругом, который он (чаще всего подсознательно) имеет в виду, создавая перевод.

Схема на рисунке 3 в условной форме отражает эти зависимости.

Потенциальные интерпретации оригинала Потенциальные интерпретации перевода

Рис. 3

¹ См.: Цвиллинг М. Я. Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам. — С. 120.

² См.: Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. — С. 60.

Обратим внимание на то, что перевод не только «отсекает», как это имело место в случае с переводом высказывания Ф. Энгельса, часть потенциальных интерпретаций, содержащихся в оригинале, но и добавляет в сообщение некоторые потенциальные интерпретации, не вытекающие из содержания оригинала.

Последнее таит в себе большую опасность для двуязычной коммуникации, ибо может завести ее в тупик. В качестве примера можно привести случай, описанный А. Кафыровым: «Оратор, говоривший по-английски, сказал что-то вроде “Если стремишься достичь обе цели, то не достигнешь ни одной”. Переводчик, радуясь своей находчивости, перевел: “За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь”. Каково же было его разочарование, когда он услышал, как один из оппонентов оратора сказал: “Э, да ведь ваши зайцы притянуты за уши!”» (выделено А. Кафыровым. — *Примеч. ред.*). Нельзя не согласиться с А. Кафыровым в том, что в данном случае переводчик «сам себе вырыл яму»¹. Да и вообще, в устном переводе особенно не следует увлекаться метафоричностью. В данном случае надо было бы еще учесть, что в англоязычной культуре отношение к зайцу совсем другое, именно из-за его ушей. Когда русские ловят двух зайцев, англичане пытаются убить двух птиц одним камнем: *To kill two birds with one stone.*

Из всего сказанного о смещении круга потенциальных интерпретаций перевода по отношению к кругу потенциальных интерпретаций оригинала следует, что из ряда возможных вариантов переводчик должен выбирать те, которые обеспечивают минимальное смещение такого рода. Приведенные примеры, а главное, практика говорят о том, что таковыми являются те варианты, которые, не уступая другим в коммуникативно-функциональной эквивалентности, не переходя в крайность, именуемую буквализмом, превосходят их по семантико-структурной близости к оригиналу. Иными словами, максимально возможная в рамках коммуникативно-функциональной эквивалентности семантико-структурная (текстуальная) близость ИТ и ПТ повышает универсальность замещающей способности последнего, уменьшает количество потенциальных ситуаций, в которых оригинал и перевод могут «читаться» по-разному. В этом еще один аспект той ценности, которую имеет для общественной практики текстуальная близость перевода и оригинала.

Изменение мысли, заключенной в оригинале, появление возможностей ее неправомерной интерпретации в результате мотивированных, а порой и недостаточно мотивированных семантико-структурных переводческих трансформаций неоднократно отмечались теоретиками и практиками перевода. Еще в XIX в. поэт, писа-

¹ Кафыров А. Переводчики шутят // Тетради переводчика. — 1975. — Вып. 12. — С. 82.

тель и переводчик П. А. Вяземский, много размышлявший о проблемах перевода, писал, что «отступление от выражений автора... от самой симметрии слов» кажется ему «противоестественным изменением мысли его»¹. Немецкий писатель и переводчик А. Курелла считает, что «при переводе сложных текстов, имеющих большую познавательную ценность, при важных формулировках, в которых сконцентрирован общественный опыт, мы обязаны добиваться буквального перевода»². Учитывая реальную возможность интерпретационных сдвигов, подобных тому, который имел место в приведенном примере перевода высказывания Ф. Энгельса, с мнением А. Куреллы нельзя не согласиться. Вызывает возражение лишь термин «буквальный», привносящий в эту мысль некоторый негативный оттенок. Текстуального подобия перевода и оригинала требуют переводчик и редактор художественной литературы М. Лорие (1959) и поэт-переводчик Л. Гинзбург (1981). На недопустимые вольности, встречающиеся у некоторых переводчиков художественной литературы, указывал профессор Л. С. Бархударов (1975).

Отказ от требования максимальной эквивалентности ИТ и ПТ) семантико-структурной близости оригинала и перевода широко открыл бы двери для переводческого произвола. Вот как описывает М. Лорие ситуацию, возникающую между переводчиком и редактором художественной переводной литературы в тех случаях, когда переводчик отвергает указанное требование: «Что делать редактору в таком случае, если, скажем... автор пишет длинными периодами с параллельными конструкциями, а переводчик короткими эмоционально-рваными фразами, и притом аргументирует тем, что “иначе будет не по-русски”? Тут, разумеется, дело редактора требовать, чтобы было и по-русски, и как у автора. Ведь доказано же русскими писателями и переводчиками, что и по-русски длинный период, правильно построенный, может сохранить логику развития мысли и эмоциональность. Труднее спорить, когда переводчик принципиально не согласен с тем, что авторский период нужно сохранять, нужно-де только, чтобы перевод в общем производил то же впечатление, что и подлинник»³. Как мы видим, в описанной ситуации объективная основа для обсуждения, принятия и отклонения вариантов перевода практически исчезает.

Теперь подведем итог сказанному о втором требовании к тексту перевода. Максимально возможная (не переходящая в буквализм) семантико-структурная близость ИТ и ПТ позволяет:

¹ Вяземский П. А. Предисловие к русскому изданию романа Б. Константа «Адольф» // Полн. собр. соч. — Спб., 1886. — Т. 10. — С. X.

² Курелла А. Теория и практика перевода. — С. 426.

³ Лорие М. О редактуре художественного перевода // Мастерство перевода. — М., 1959. — С. 93.

- наиболее полно сохранить в переводе идентичность авторской мысли;
- увеличить диапазон адекватного замещения ИТ переводным (соответственно уменьшить количество потенциальных ситуаций, в которых ИТ может оказаться неадекватным заместителем ПТ);
- повысить объективность процесса перевода и переводческого решения.

В перечисленном заключается конструктивная ценность семантико-структурной (текстуальной) близости ИТ и ПТ в рамках общественного предназначения перевода.

Исчерпываются ли двумя обоснованными выше условиями (коммуникативно-функциональной равноценности ИТ и ПТ и их максимально возможной в рамках первого условия семантико-структурной аналогичности) все требования общего характера к ПТ, имеющие силу во всех актах перевода и таким образом отражающие его глубинные, сущностные черты?

На этот вопрос следует ответить отрицательно, поскольку существует еще одно — третье требование общего характера к ПТ.

Для того чтобы представить природу этого требования, вернемся к формуле (3), использованной нами для иллюстрации принципа преодоления лингвоэтнического барьера:

$$\text{ЛКК}_{\text{носит. ИЯ}} : \text{ЛКК}_{\text{носит. ПЯ}} \approx \text{ИТ} : \text{ПТ}.$$

Из этого преобразованного равенства следует, что расхождение лингвоэтнических коммуникативных компетенций носителей ИЯ и ПЯ определяет, какими окажутся расхождения ИТ и ПТ. Стало быть, чем глубже расхождение первых, тем более глубоким будет и расхождение вторых? Собственно, так и должно быть по простой логике вещей. Однако эта логика не всегда распространяется на те случаи, в которых проявляется сложная, внутренне противоречивая природа изучаемого явления. А именно о таком сложном явлении идет речь, когда рассматривается вопрос о соотношении по глубине и значимости компенсирующих расхождений ИТ и ПТ и расхождений лингвоэтнических компетенций разноязычных коммуникантов. Всегда ли первые могут «поспеть» за вторыми, а если расхождения ИТ и ПТ, обусловленные несоответствием лингвоэтнических коммуникативных компетенций, очень глубоки, то не выходят ли они за рамки допустимого в переводе?

Довольно интересно ставит эту проблему Жан Батист Бюдо (Франция): «Могут ли народы Севера быть столь же чувствительными к... образам, живописующим сладость тени и прохлады, как народы жарких стран, для которых были созданы эти образы?»¹.

¹ Цит. по: Перевод — средство взаимного сближения народов. — М., 1987. — С. 24.

Вергилий и многие древние поэты воспользовались бы другими образами, если бы писали для северных народов. Вместо того чтобы связывать большинство своих метафор с журчанием ручья, свежая влага которого утоляет жажду путника, или с рощей, скрывающей в своей прохладной тени берега источника, они воспели бы прелести жарко натопленной печи и согревающих напитков. Они охотно бы передали удовольствие, которое чувствует человек, пришедший с мороза и присевший у огня. Мы гораздо более чувствительны к описаниям удовольствий, испытываемых нами ежедневно, чем тех, которые нам не доводилось ощущать никогда, или тех, которые мы испытывали лишь изредка, и не слишком жалеем о них. Безразличные к самим этим удовольствиям, мы не можем быть тронуты и их описанием, хотя бы они и принадлежали Вергилию. Какую привлекательность могут иметь для большинства жителей северных стран те строки из пятой Эклоги Вергилия, которые живописуют наслаждение усталого путника, спящего прямо на зеленом лугу и утоляющего жажду влагой живого источника?

Quale sopor fessis in gramine, quale per aestum
Dulcis aquae saliente sitim restinguere rivo.

(*Vergilius Maro P. Bucolici*)

Что для усталого сон на траве, — как будто при зное
Жажду в ручье утолил, волною стекающим сладко.

(*Вергилий Марон Публий. Буколики*)¹

Образ, кажущийся благодатным для людей одной культуры, одной страны, становится бесцветным или даже низким в совершенно других регионах и при иных мироощущениях.

Практика перевода свидетельствует о том, что масштаб и глубина компенсирующих расхождений ИТ и ПТ отнюдь не безграничны. Существует определенная мера переводческих преобразований, нарушение которой ведет к тому, что перевод становится адаптацией². Какой представляется эта мера, сказать трудно, поскольку вопрос этот совершенно не изучен и осложнен тем, что для разных жанров перевода он должен решаться по-разному. Преобразования, допустимые в художественном переводе, могут оказаться неприемлемыми при переводе газетной публицистики, а то, что уместно при переводе журнальной статьи, может быть невозможно при переводе научно-технических или юридических текстов и т. д.

Однако, несмотря на такую жанровую обусловленность допустимой меры переводческих преобразований, все же можно гово-

¹ Перевод С. Шервинского.

² См.: Попович А. Проблемы художественного перевода. — М., 1980. — С. 142—143.

речь о некоторых запретах, которые действуют всегда, в том числе и тогда, когда преобразования мотивированы стремлением нейтрализовать лингвоэтнический барьер. Так, в частности, недопустима замена предмета высказывания — описываемой ситуации, событий, действующих лиц, предметов. Например, у некоторых народов похороны не являются печальным событием, поскольку люди верят, что покойник переселяется в иной, лучший мир. Какой путь следует избрать переводчику, которому предстоит перевести на русский язык рассказ о таких похоронах, чтобы обеспечить эквивалентность воздействия оригинала и перевода на своих адресатов? Заменить описание похорон на описание более светлого события (свадьбы, дня рождения и т. д.)? Однако в переводе это недопустимо. Исключением из правила могут быть часто используемые переводчиками замены названий предметов и явлений, употребленных в оригинале аллегорически или метафорически. Так, например, Ф. Тютчев в своем переводе стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» заменил *Fichtenbaum* (*сосна*) на *кедр*. Таким образом он сохранил грамматический род названия дерева, а тем самым и аллегорический смысл стихотворения (любовь, разделенная расстояниями, препятствиями, судьбой), выраженный через противопоставление мужского и женского родов двух названий деревьев: *der Fichtenbaum* — *die Palme* (у Ф. Тютчева *кедр* — *пальма*).

Примером иного подхода может служить и перевод пословиц. Их, как правило, не переводят — они существуют параллельно. Наиболее частый прием — замена пословиц по смыслу. Но дело это непростое и требует глубоких знаний культуры ПЯ. Так, в русской культуре свинья всегда ассоциируется с какими-то отрицательными представлениями (*подложить свинью*; *как свинья в апельсинах* и т. д.). Но возможно и другое отношение к этому полезному животному с менее выраженной отрицательной коннотацией — *поросенок*. Например, в американской культуре наряду со словом *ass* (*осел*) с отрицательным значением есть нейтральное *donkey*. В поисках аналогии при переводе пословиц обязательно следует учитывать возможные лексические параллели.

Еще одно относительно четко выраженное ограничение переводческой «свободы» заключается в недопустимости масштабных преобразований воспроизводимой структуры ИТ. Если для перевода весьма характерно изменение порядка следования лексических эквивалентов (слов и словосочетаний), то изменение порядка следования предложений уже нетипично. Порядок следования абзацев практически никогда не изменяется.

Недопустимы вообще слишком радикальные изменения авторского способа подачи содержания, даже если подобные изменения могут сделать для носителей ПЯ текст более привычным и соответствующим приобретенным ими лингвокультурным навы-

кам. К примеру, в переводе нельзя заменить общее количество автомобилей, выпускаемых заводом в год, данными о числе машин, сходящих с конвейера ежеминутно.

Каков социальный смысл ограничений на переводческие преобразования? Как эти ограничения соотносятся с общественным предназначением перевода?

Подобно первым двум требованиям к ПТ, условие соблюдения меры переводческих преобразований (т. е. их ограничение) является следствием общественного предназначения перевода. В контексте этого предназначения смысл третьего требования заключается в том, чтобы защитить в целом более слабое второе условие от более сильного первого. Требование коммуникативно-функциональной равноценности ИТ и ПТ (первое) и требование их текстуальной аналогичности (второе) нередко вступают в противоречие друг с другом, поскольку коммуникативно-функциональная равноценность ИТ и ПТ достигается за счет «компенсирующих» сдвигов, т. е. мотивированных отступлений от объективно возможной текстуальной аналогичности. И разрешается данное противоречие чаще всего за счет второго требования: переводчик жертвует текстуальной аналогичностью ИТ и ПТ ради их коммуникативно-функциональной равноценности. Необходимость соблюдать меру переводческих преобразований ограничивает масштабы этих потерь, ставит определенный предел отступлениям от семантико-структурной близости ИТ и ПТ в пользу их коммуникативно-функциональной эквивалентности и тем самым не дает переводу выйти за границы, отделяющие его от различного рода адаптивных переложений (пересказов, рефератов и т. п.).

Итак, продукт переводческой деятельности или предмет потребности, удовлетворяемой переводом, есть создаваемый переводчиком текст, который должен:

- быть эквивалентным ИТ в коммуникативно-функциональном отношении;
- быть в максимально возможной мере (не противоречащей первому условию) семантико-структурным аналогом ИТ;
- не содержать «компенсирующих» отклонений от ИТ, выходящих за пределы допустимой меры переводческих преобразований.

Лишь соблюдение всех трех перечисленных требований обеспечивает взвешенный перевод, соответствующий своему общественному предназначению. Игнорирование хотя бы одного из них в лучшем случае ведет к серьезным дефектам в переводе, в худшем — к перерождению перевода в иной вид языкового посредничества.

История перевода знает переводческие школы, провозглашавшие нормой те или иные крайности. С разработанных нами позиций эти крайности можно истолковать как неправильное понимание или непомерное выпячивание одного из трех требований к переводу в ущерб другим. Так, например, известное с древних вре-

мен и дававшее о себе знать вплоть до недавней поры (у нас в стране до 1950—1960-х гг.) буквалистское, формалистическое направление выдвигало на передний план требование максимальной семантико-структурной близости ИТ и ПТ, существенно дискриминируя при этом требование их коммуникативно-функциональной эквивалентности¹.

Истоки буквалистского направления в переводе берут свое начало в тех временах, когда на европейские языки переводились Библия и другие церковные книги. Установка на дословный перевод при этом часто проистекала из суеверного трепета перед словом Божиим, из желания передать его как можно точнее.

Учитывая то, какую роль играла в жизни общества в те времена религия, оказывавшая огромное воздействие на законодательство, мораль, весь жизненный уклад людей, переводчиков Священного Писания с их буквалистическими установками можно если не оправдать, то хотя бы понять. Ведь они переводили нечто вроде действенных морально-нравственных аксиом и, возможно, ощущали при этом то, что известно и нам: текстуальные отступления перевода от оригинала влекут за собой новые, не вытекающие из оригинала возможности интерпретации текста и, наоборот, перечеркивают некоторые интерпретационные возможности, содержащиеся в оригинале.

Представители направления вольного перевода, получившего широкое распространение в XVIII в., главным образом во Франции, тщательно вытраивали все национально-специфическое из переводимых иностранных художественных произведений. В угоду «домашним» вкусам читателей они «перелицовывали» произведения Шекспира, Сервантеса и других писателей, изменяя фабулы, имена действующих лиц и т.д.²

С учетом нашей системы понятий такой подход к переводу может быть истолкован как гипертрофия первого требования к ПТ и игнорирование третьего требования относительно соблюдения меры переводческих преобразований (естественно, и второго требования тоже).

И наконец, встречающиеся порой еще и сейчас излишне вольные переводы художественных произведений (особенно стихотворных), а иногда и текстов других жанров могут быть объяснены, с одной стороны, игнорированием второго требования к ПТ (максимально возможной семантико-структурной близости к ИТ), с другой — крайне узким представлением переводчика о сущности коммуникативно-функциональной эквивалентности. Такой переводчик считает чуть ли не единственно важным, чтобы текст как

¹ См.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 118; Чуковский К. И. Высокое искусство. — М., 1968. — С. 58.

² См.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 38—40.

можно лучше звучал по-русски, а мыслительно-содержательная адекватность перевода его волнует значительно меньше.

С течением времени общественная практика отвергла такие крайние истолкования перевода, как вольный перевод и буквалистское направление. По всей видимости, этому способствовало то обстоятельство, что постепенно в общественном сознании выкристаллизовались и закрепились понятия смежных видов языкового посредничества: пересказа, реферата, сокращенного перевода, подстрочного перевода (как основы для последующего поэтического перевода) и т.п. Это позволило глубже осознать специфику собственно перевода, яснее увидеть его границы.

Отметим в этой связи, что дальнейшая дифференциация языкового посредничества по видам, несомненно, послужит не только более глубокому изучению языкового посредничества в его различных проявлениях и упорядочению его практики, но и более широкому осознанию обществом специфики перевода, его общественного предназначения, выработке более четких в практическом отношении переводческих норм. Дифференциация языкового посредничества, четкое разграничение его видов помогут обществу осознать, что многое из того, что ошибочно приписывается или иной раз произвольно примешивается к переводу, в действительности, относится к другим видам лингвопосреднической деятельности с иным общественным заказом, иной мотивацией.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что является предметом перевода? Каковы его отличительные черты по сравнению с исходным текстом?
2. Что следует понимать под коммуникативно-функциональной эквивалентностью ИТ и ПТ?
3. Какую функцию несет понятие «границы перевода»? В какой мере оно сдерживает действия переводчика и в какой обеспечивает ему свободу?
4. Каким образом в переводе нейтрализуется лингвоэтнический барьер?
5. Какова природа расхождений лингвоэтнических коммуникативных компетенций? Как происходит компенсация этих расхождений?
6. В чем заключается конструктивная ценность семантико-структурной близости ИТ и ПТ?
7. Назовите три основных требования, которым должен соответствовать текст перевода.
8. Чем определяются пределы переводческих преобразований при создании ПТ?
9. Дайте характеристики различным направлениям в переводе (буквалистскому, вольному и др.).

**ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ.
ПЕРЕВОД КАК ОПТИМАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ
РЯДА ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ.
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ**

Из сказанного в предыдущих главах следует, что перевод можно рассматривать как процесс создания текста на ПЯ в определенных отношениях равноценного тексту на ИЯ. Это дает нам основание взглянуть на перевод сквозь призму философского учения о тождестве — равенстве — эквивалентности. На наш взгляд, это весьма полезно, поскольку понятие эквивалентности в переводе, получившее в последнее время широкое распространение, используется без достаточного научного обоснования, как нечто априорно или интуитивно принятое.

А между тем именно введение в теорию перевода термина «эквивалентность» и замена им синонимичного термина «адекватность» открывают благоприятную возможность увязать проблему переводческой эквивалентности с широкой общенаучно-философской проблематикой тождества — равенства — эквивалентности и решать ее на гораздо более высоком теоретическом уровне.

Слово «адекватность», используемое в теории перевода специально для обозначения переводческой эквивалентности, представляет собой локальный, чисто переводческий термин: в общенаучном плане адекватность не является термином, а употребляется нетерминологически — в значении «вполне соответствующий», «равный». Из-за этого в тех случаях, когда вместо термина «эквивалентность» употребляется термин «адекватность», проблема переводческой эквивалентности уже на терминологическом уровне изолируется от широкой общенаучно-философской проблематики тождества — равенства — эквивалентности.

Иное дело термин «эквивалентность», являющийся обозначением родового понятия всевозможных отношений типа равенства.

Эквивалентность объектов означает их равенство в каком-либо отношении; равенства объектов во всех отношениях не бывает. Всякая вещь универсума есть единственная вещь; двух вещей, из которых каждая была бы той же самой вещью, что и другая, не существует.

Тем не менее как в повседневной жизни, так и в теории мы постоянно отождествляем различные предметы, т. е. говорим о раз-

ных предметах так, как если бы они были одной и той же вещью. Возникающая при этом абстракция отождествления различного получила отражение в принципе тождества неразличимых Г. В. Лейбница (1646—1716). Между признанием индивидуальности каждой вещи и принципом тождества неразличимых не возникает противоречия, поскольку, говоря об индивидуальности, мы имеем в виду онтологическую индивидуальность вещей (вещей «самих по себе», по их «внутреннему состоянию»). Принцип тождества неразличимых имеет в виду не абсолютную (онтологическую) неразличимость, т. е. неразличимость вещей по любому признаку, а лишь их неразличимость для нас в процессе их познания, в практике. Если различать «вещь» (т. е. предмет универсума «сам по себе») и «объект» (предмет универсума в познании, в практике, в отношении к другим предметам), то можно сказать: нет тождественных вещей, но есть тождественные объекты.

Таким образом, с онтологической точки зрения тождество (эквивалентность) является идеализацией, имеющей, однако, объективное основание в условиях существования вещей. Практика убеждает нас в том, что существуют ситуации, в которых разные вещи ведут себя как одна и та же вещь. Поэтому отождествление различного не является упрощением или огрублением действительности.

Неразличимость объектов, отождествляемых по принципу тождества неразличимых, может выражаться операционально в их «поведении», истолковываться в терминах свойств, определяться совокупностью некоторых фиксированных условий неразличимости.

Каковы условия неразличимости в переводе, при которых текст на одном языке признается эквивалентным тексту на другом языке?

В наиболее общем виде они сводятся к трем главным требованиям:

- ИТ и ПТ должны обладать (относительно) *равными коммуникативно-функциональными свойствами* («вести себя» относительно одинаковым образом в сферах соответственно носителей ИЯ и носителей ПЯ);
- в меру, допустимую в рамках первого условия, ИТ и ПТ должны быть *максимально аналогичны друг другу в семантико-структурном отношении*;
- при всех компенсирующих отклонениях между ИТ и ПТ *не должны возникать семантико-структурные расхождения*, не допустимые в переводе.

Выше мы уже вскользь отмечали, что требование коммуникативно-функциональной равноценности ИТ и ПТ и требование их семантико-структурной аналогичности находятся в отношении противоречия, ибо первое реализуется за счет отступлений от второго (с помощью компенсирующих отклонений ПТ от ИТ). Как видно из формулировки второго условия отождествления ИТ и ПТ, в

процессе перевода это противоречие разрешается в соответствии с *принципом мотивированности переводческих трансформаций*¹.

Однако этот принцип не следует понимать так, что он в обязательном порядке требует от переводчика в процессе его работы эксплицитных рассуждений относительно причин того или иного переводческого преобразования и исключает возможность принятия интуитивных решений. Безусловно, большинство трансформаций (даже в письменном переводе) переводчик осуществляет интуитивно. Без этого процесс перевода настолько замедлился бы, что устный перевод не выполнял бы своей коммуникативной функции, а письменный стал бы нерентабельным.

Принцип мотивированности переводческих трансформаций означает лишь то, что если такая трансформация имеет место, то для этого должна быть соответствующая причина. При необходимости (например, при разборе переводов на учебных занятиях) переводчик должен назвать ее и обосновать причины трансформации. Беспричинные или недостаточно мотивированные переводческие трансформации отвергаются как произвольные.

Создавая некоторую общую (пусть недостаточно полную, но все-таки практически полезную) основу для процедуры обсуждения и принятия вариантов, принцип мотивированности переводческих трансформаций способен помочь в борьбе с переводческими вольностями: если трансформации не мотивированы, то они отвергаются; если вместо варианта перевода, претендующего на эквивалентность, предлагается вариант, по крайней мере, не уступающий в коммуникативно-функциональном плане первому, но превосходящий его по семантико-структурной близости к оригиналу, то предпочтение отдается второму. Критик перевода может противопоставить более вольному переводу свой вариант, более близкий к семантике и структуре ИТ, утверждая при этом, что он не уступает первому в коммуникативно-функциональном плане. Критикуемый должен либо доказать более высокую степень коммуникативно-функциональной эквивалентности своего варианта, либо отказаться от него.

Разумеется, это не решает всех проблем, связанных с выбором оптимального варианта перевода, но тем не менее принцип мотивированности переводческих трансформаций помогает исключить некоторые избыточные ступени свободы при выборе окончательного варианта перевода.

Процесс перевода, осуществляемый в соответствии с обозначенным принципом, можно представить как поиск оптимального варианта перевода, в максимальной мере совмещающего в себе

¹ Переводческие трансформации — целенаправленные отступления от объективно возможного языкового параллелизма, производимые ради достижения коммуникативно-функциональной эквивалентности ИТ и ПТ (подробнее об этом см. далее).

первое и второе условия неразличимости ИТ и ПТ, как цепочку проб и ошибок, шагов «туда и обратно»: от семантико-структурной кальки оригинала к коммуникативно-функционально эквивалентному варианту, от излишне вольного к более строгому переводу. Такое понимание процесса перевода в общих чертах соответствует интерпретации переводческого поиска, данной В. Н. Комиссаровым в рамках его концепции уровней эквивалентности¹.

Однако действие принципа мотивированности переводческих трансформаций имеет свои пределы. Оно ограничено третьим условием переводческой эквивалентности, запрещающим непомерно большие семантико-структурные трансформации (отступления ПТ от ИТ). Здесь проявляется еще одно противоречие — между принципом мотивированности переводческих трансформаций, регулирующим соотношение первого и второго условий переводческой эквивалентности, и третьим ее условием. Но это противоречие всегда разрешается в пользу третьего требования.

Выше мы говорили о том, что в определенной своей части ограничения на масштаб и глубину компенсирующих расхождений ИТ и ПТ носят жанрово-обусловленный характер. Так, некоторые компенсирующие расхождения, допустимые в художественном переводе, не допустимы в научно-техническом и т. д. Однако ограничения, как общего свойства, так и жанрово-обусловленные, имеют жесткий характер и требуют последовательного соблюдения. Иначе и не может быть, поскольку их несоблюдение ведет к превращению перевода в иной вид языкового посредничества.

Вследствие последнего обстоятельства компенсирующие расхождения ИТ и ПТ не всегда могут соответствовать расхождениям лингвоэтнических коммуникативных компетенций носителей ИЯ и носителей ПЯ: порой последние оказываются столь глубоки, что для их нейтрализации требуются компенсирующие расхождения, выходящие за пределы допустимого в переводе. Или, иными словами, компенсирующие расхождения вследствие соблюдения определенных ограничений не всегда могут по глубине и масштабам соответствовать нейтрализуемым расхождениям лингвоэтнических коммуникативных компетенций носителей ИЯ и носителей ПЯ. Это означает, что некоторые расхождения нейтрализуются лишь частично и в этих случаях (на соответствующих «отрезках перевода») коммуникативно-функциональная эквивалентность в тех или иных ее компонентах не достигается.

О каких компонентах коммуникативно-функциональной эквивалентности идет речь?

К числу факторов, непосредственно определяющих реакцию на текст, как мы уже отмечали, относятся факторы ценностной ориентации получателя — мировоззрение, убеждения, склонно-

¹ См.: Комиссаров В. Н. Слово о переводе. — М., 1973.

сти, интересы, вкусы, оценочные стереотипы и т. д. Природа этих факторов носит смешанный характер. В ней переплетаются элементы общечеловеческого, социально-группового, индивидуально-личностного и, что более всего существенно для нас — этнического характера. Порой национальные культуры прямо-таки предписывают своим представителям определенные оценки тех или иных факторов материальной и духовной жизни. Как отмечает И. С. Кон, образы некоторых явлений, существующие в общественном сознании, усваиваются индивидом в готовом виде¹. Эти «готовые» представления, мнения, оценки, именуемые стереотипами, мнемически фиксируют не только черты данного явления, но и его эмоциональную окраску. Как свидетельствуют специальные исследования, частично этническая, национально-стереотипизированная природа ценностной ориентации достаточно заметно проявляет себя в речевой коммуникации: даже на такие, казалось бы, интернациональные, одинаковые для всех людей понятия, как «политика», «атомная энергия», «налог» и т. п., представители разных лингвоэтнических коллективов реагируют по-разному².

Естественно, это отражается и в переводе. Из многих возможных примеров на эту тему приведем лишь один, на наш взгляд, весьма показательный. Так, по свидетельству известного литературоведа В. Шкловского, японских читателей, впервые познакомившихся в переводе с романом Л. Толстого «Воскресение», «не поразило то, что Катюша Маслова проститутка: это занятие в их стране не содержит в себе той позорной характеристики, которую оно имеет у нас. Поразило то, что Катюша любила Нехлюдова и отказалась от брака с ним; любила и поэтому ушла с другим»³. Комментируя этот факт, С. С. Прокопович пишет: «Перевод, следовательно, может быть выполнен идеально, отвечать всем требованиям, которые мы обычно предъявляем к художественному переводу... и тем не менее книга в переводе будет восприниматься не так, как она воспринималась (или воспринимается) на языке, на котором была написана»⁴.

Действительно, в данном случае создать посредством перевода равноценные предпосылки для эмоционально-оценочного эффекта в сфере носителей ИЯ и в сфере носителей ПЯ невозможно. Единственный путь к этому, который можно себе представить, — заменить в переводе род занятий героини романа на ремесло, столь же малопочтенное у японцев, каковым является для русского читате-

¹ См.: Кон И. С. Социология личности. — М., 1967. — С. 11.

² См.: Рыжков В. А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982.

³ Цит. по: Прокопович С. С. Адекватный перевод художественной прозы: Возможен ли он? // Тетради переводчика. — 1978. — Вып. 15. — С. 79.

⁴ Там же.

ля занятие Катюши Масловой. Однако такая замена (если она вообще возможна) относилась бы к тем сверхрадикальным компенсирующим расхождениям, которые в переводе запрещены и которые превращают продукт языкового посредничества в «адаптивное переложение» (термин О. Каде). Из сказанного можно сделать вывод, представляющийся достаточно очевидным: расхождение национально-культурно обусловленных факторов ценностной ориентации у носителей ИЯ и носителей ПЯ не поддается нейтрализации в переводе.

Полноты ради необходимо сказать о том, что непреодолимость расхождений национально-культурно обусловленных факторов ценностной ориентации в отдельных случаях может быть в какой-то степени возмещена в письменном переводе комментариями и примечаниями переводчика.

Покажем это на примере. В романе Э. М. Ремарка «Три товарища» есть следующий эпизод. Патриция Хольман, девушка из относительно высоких слоев общества, приглашает к себе домой своего возлюбленного Роберта Локампа и угощает его завтраком. Роберт — из простых людей. Он смущен непривычной обстановкой, как ему кажется, богатого дома. Вскоре происходит следующий разговор, начинающийся вопросом Патриции к Роберту:

„Also, was willst du nun, Tee oder Kaffee?“

„Kaffee, einfach Kaffee, Pat. Ich bin vom Lande. Und du?“

„Ich trinke mit dir Kaffee“.

„Aber sonst trinkst du Tee?“

„Ja“.

„Da haben wir es“.

„Ich fange schon an, mich an Kaffee zu gewöhnen. Willst du Kuchen dazu? Oder Brötchen?“

„Beides, Pat. Man muss solche Gelegenheiten ausnützen. Ich werde nachher auch noch Tee trinken...“

(*Remarque E. M. Drei Kamaraden*)

Для того чтобы понять внутренний смысл диалога, необходимо, во-первых, знать его психологическую подоплеку: Роберта одолевают опасения, ему кажется, что он Патриции не пара, потому что он не из ее круга, потому что слишком прост и беден, для того чтобы иметь право на ее любовь. Патриция всячески пытается успокоить его, прогнать эти мысли. Во-вторых, читателю должно быть известно, какое место среди стереотипизированных представлений немцев той эпохи занимали чай и кофе: чай считался напитком привилегированных слоев общества, кофе (зачастую его суррогаты) был более простым, массовым напитком. В переводном варианте романа об этом можно было бы сказать в примечании переводчика, только в таком случае русскому читателю станет ясен смысл диалога:

- Итак, чего же ты хочешь, чай или кофе?
- Кофе, просто кофе, Пат. Я ведь из деревни.
- И я выпью с тобой кофе.
- Ну, а вообще-то, ты пьешь чай?
- Да.
- Я так и думал.
- Я уже начинаю привыкать к кофе. С чем ты будешь пить: с пирожным или бутербродом?
- Я попробую и того и другого, Пат. Такие возможности нельзя упускать. Я потом еще выпью и чай...¹.

Трудности межкультурной коммуникации можно проиллюстрировать и примером на английском языке из книги Льюиса Кэрролла:

"And then there's the Butterfly," Alice went on...

"Crawling at your feet," said the Gnat (Alice drew her feet back in some alarm), "you may observe a Bread-and-butter-fly. Its wings are thin slices of bread-and-butter, its body is a crust, and its head is a lump of sugar."

"And what does it live on?"

"Weak tea with cream in it."

A new difficulty came into Alice's head.

"Supposing it couldn't find any?" She suggested.

"Then it would die, of course."

"But that must happen very often," Alice remarked thoughtfully.

"It always happens," said the Gnat.

(Carroll. L. Through the Looking-glass)

В переводе А.Щербакова этот диалог выглядит следующим образом:

Затем она продолжила:

— Еще Бабочка.

— Отлично, — сказал Комарище. — Обрати внимание вон на то насекомое возле кустов. Это Хлебабочка. Голова у нее из куска сахара, крылышки из ломтиков хлеба с маслом, а туловище из хлебной корочки.

— А эта Хлебабочка, где она живет?

— Возле чая с молоком.

— А если Хлебабочка не найдет чая?

— Значит, засохнет.

— Но это должно случаться очень часто, — задумчиво сказала Алиса.

— Сплошь и рядом, — ответил Комарище.

(Кэрролл Л. Зазеркалье)

Фантастичности образов в своем произведении Кэрролл достигает достаточно интересной игрой слов, создавая новое имя из двух известных корней. Естественно, эти образы наделяются необычными характеристиками и свойствами, которые легко вос-

¹ Перевод Л. К. Латышева.

принимаются людьми, воспитанными на специфическом английском юморе, но могут быть непонятыми в максимально приближенном русском переводе. Мы не считаем, что смысловая и художественная часть произведения пострадала от того, что *Бутербатер-бабочку* переводчик заменил на *Хлебабочку*. Достаточно философский вопрос... *а чем же живет она?* заменен на... *где она живет?* А вместо *слабого чая со сливками* (саркастическое наблюдение автора за чопорными англичанами!) *Хлебабочка* у А. Щербакова пьет просто чай с молоком. Для русского читателя 1977 г. такой образ был более понятен. Много позже в переводе Н. Демуровой этот образ получил еще более экзотическое название — *Баобабочка*, которая питается стружками и опилками¹.

Существенным элементом коммуникативной компетенции являются привычки членов лингвокультурных коллективов к определенным формам текстов, фразам, словосочетаниям, употребляемым в определенных ситуациях. Ниже мы остановимся подробнее на той существенной роли, которую играют такого рода речевые привычки в формировании коммуникативного эффекта у получателя речи. В контексте данного раздела для нас важно только, что несовпадение некоторых традиций такого рода у носителей ИЯ и носителей ПЯ не может быть нейтрализовано в процессе перевода. Возможность или невозможность их нейтрализации определяется масштабом соответствующих речевых произведений. Так, если, к примеру, немцы говорят: *Der Wind hat sich gelegt* (дословно: *ветер улегся*), то это непривычное для русского слуха семантическое образование без всякого смыслового ущерба (за исключением тех случаев, когда обыгрывается буквальное значение слов) может быть заменено на привычное для русских *ветер утих*. Аналогично немецкое *Grüß Gott!* может быть переведено как *Здравствуйте!* (в зависимости от ситуации также: *Добрый день!*, *Привет!*, *Бог в помощь!* и т.д.). По-английски часто говорят: *He is full of business* (дословно: *он полон дел*). Конечно, по-русски в аналогичной ситуации будет сказано *он весь в делах*, хотя семантически это различающиеся микротексты. Практически любым русским приветствием в зависимости от ситуации можно перевести английское *How do you do?*, хотя по сути своей это вполне конкретный вопрос, семантически мало связанный с теми микротекстами, которыми обычно переводится. Такого рода мелкомасштабные замены непривычных семантических и структурных образований на привычные для носителей ПЯ вполне соответствуют нормам и традициям перевода и используются в нем буквально на каждом шагу.

Однако речевые привычки носителей ИЯ и носителей ПЯ могут расходиться и по поводу более крупных речевых произведе-

¹ См.: Демурова Н. М. О переводе сказок Кэрролла // Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. — М., 1991. — С. 327.

ний, например на уровне структур целых текстов. Так, для читателей российских газет привычен индуктивный способ изложения: сначала следуют факты, за ними выводы. В газетах западных стран очень часто встречаются статьи с противоположной схемой изложения, напоминающей дедукцию: в начале статьи (нередко жирным шрифтом) дается вывод, касающийся той или иной стороны общественной жизни, затем уже приводятся факты, на основании которых этот вывод сделан. Для российских читателей такая форма газетных статей непривычна.

Можно ли в процессе перевода нейтрализовать такого рода крупномасштабные расхождения речевых традиций? Очевидно, что нет. Для такого рода нейтрализации понадобилось бы ни много ни мало как переделать статью: извлечь из оригинала фактический материал и на его основе написать новую статью на ином языке.

Общественная практика знает случаи, когда для достижения поставленных целей (желаемого регулятивного воздействия на читающих иностранцев) приходилось отступать от правил перевода и прибегать именно к такого рода переделкам (пересказам). Об этом пишет, в частности, академик И. М. Майский, бывший во время Второй мировой войны советским послом в Англии.

В своих воспоминаниях он рассказывает о том, что в первый период событий на советско-германском фронте важнейшей задачей советских представительств в этой стране была борьба с распространившимся среди англичан неверием в возможность победы Красной Армии над фашистскими войсками. В Англии стали выпускаться два советских периодических издания, рассказывающие о героической борьбе советских людей. Статьи и очерки для обоих изданий, возглавлявшихся С. Н. Ростовским, писали видные советские журналисты и писатели. Однако перевод этих материалов не обеспечивал их адекватного воздействия на английского читателя. Вот что пишет по этому поводу И. М. Майский: «...с самого начала мы убедились, что материалы, присылавшиеся нам для бюллетеня и еженедельника из Москвы, не могут публиковаться в Англии без самой серьезной переработки».

Различные нации имеют различные навыки и традиции в умственной сфере, в частности в области восприятия газетных и журнальных сведений. Здесь привычки англичан и русских далеко не одинаковы. Так, например, русские сравнительно легко справляются с длинными статьями, а англичане читают только короткие: длинные они попросту отбрасывают в сторону (я имею в виду, конечно, среднего читателя). Русские не возражают, если в статье, скажем, экономического характера имеется много цифр, а англичане этого не любят, и если уже цифры неизбежны, то требуют, чтобы они подавались в образном виде. Скажите англичанину, что завод X выпускает четыреста тысяч автомобилей, — это скользнет мимо его сознания, не задерживаясь. Но скажите, что на заводе X

каждую минуту с конвейера сходит готовый автомобиль, — это произведет на него впечатление и запомнится.

Наши московские товарищи имели, конечно, самые лучшие намерения и часто присылали «Советским военным новостям» чрезвычайно ценные материалы — но почти все, за редкими исключениями, писали “по-русски” в смысле стиля и манеры. Все это в Лондоне приходилось переделывать. Практически получалось так, что редакция «Советских военных новостей» (т. е. прежде всего сам Ростовский) обычно брала из присланного материала факты и события и заново писала пригодные для английского восприятия статьи¹.

Иными словами, существенные различия в лингвоэтнических компетенциях русских и англичан по таким компонентам, как навыки восприятия газетных статей, могли быть сглажены только за счет радикальных компенсирующих расхождений разноязычных текстов, которые выходят за рамки, допустимые в переводе.

В связи со всем сказанным вновь возникает извечная проблема переводимости — вопрос, который еще в стародавние времена волновал и продолжает волновать сейчас людей, причастных к переводу: возможен ли полноценный перевод? Одни, подобно В. Гумбольдту, считают любой перевод заведомо безнадежной попыткой решить «невыполнимую задачу»². Другие столь же убежденно стоят на позициях «принципиальной переводимости» и объявляют всех сомневающихся «нигилистами»³. При этом и те и другие имеют возможность сослаться на реальные факты. Сторонники утверждения о безнадежности попыток перевода указывают на случаи, подобные тем, которые мы приводили выше: когда расхождения культур, коммуникативных привычек носителей ИЯ и носителей ПЯ практически исключают равенство коммуникативных эффектов у тех и других. Сторонники «принципиальной переводимости» апеллируют к подтвержденной общественной практикой эффективности двуязычной коммуникации посредством перевода (люди успешно координируют свои действия с помощью переводчика, плодотворно обмениваются научно-техническим опытом, культурными ценностями и т. д.).

Ни одна из этих противоположных точек зрения не опровергнута, из-за чего в рассматриваемом вопросе возникает своего рода теоретический тупик. В чем причины этого? В ответ можно было бы привести ряд обстоятельств. Мы остановимся на двух, на наш взгляд, самых главных.

Существование непримиримых полюсов в вопросе о переводимости в первую очередь объясняется жестким детерминистским подходом к изучаемому явлению, для которого характерно посту-

¹ Майский И. М. Дни испытаний // Новый мир. — 1964. — № 12. — С. 178—179.

² См.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 34—50.

³ См.: Бархударов Л. С. Язык и перевод. — С. 25—26.

лирование жесткой связи между причиной и явлением (если наличествует причина *A*, то всегда будет явление *B*). Современная наука по сравнению с наукой прошлого значительно чаще интерпретирует наблюдаемые ею закономерности не как «детерминистские», а как статистические (вероятностные), поскольку именно такая интерпретация позволяет глубже проникнуть в природу изучаемых явлений и оказывается более адекватной. Говоря о физике, Н. Винер писал, что она в большей мере претендует на то, чтобы иметь дело не с тем, что может произойти всегда, а только с тем, что произойдет с преобладающей степенью вероятности.

Именно с таких позиций просто и конструктивно разрешается зашедшая в тупик проблема переводимости. Переводимость — статистическая (вероятностная) закономерность: если собрать и проанализировать все факты перевода, то выяснится, что коммуникативно-функциональная эквивалентность ИТ и ПТ, обеспечивающая для их носителей равноценность объективных предпосылок для восприятия текстов и реакции на них, возможна в подавляющем большинстве случаев. Благодаря этому двуязычная коммуникация с переводом в целом характеризуется весьма высокой степенью эффективности, лишь незначительно отличающейся от эффективности естественной, одноязычной коммуникации. Однако в определенных случаях по названным нами причинам коммуникативно-функциональная эквивалентность ИТ и ПТ в некоторых ее компонентах не может быть достигнута. Соответствующие отрезки перевода будут характеризоваться пониженной коммуникативно-функциональной эквивалентностью. Носители ИЯ и носители ПЯ получают одинаковую предметно-логическую информацию, но у них будут неравные условия восприятия текста вследствие привычности его формы для одних и непривычности для других, или они будут обречены на разные эмоционально-оценочные реакции на сообщение ввиду несовпадения этнических оценочных стереотипов.

Обязательно следует подчеркнуть, что статистический характер эффективности свойствен не только двуязычной коммуникации с переводом, но и естественной, одноязычной коммуникации. Как отмечает О. Каде, природа языковой коммуникации такова, что в ней по разным причинам имеют место моменты недопонимания и непонимания между отправителем и получателем¹. Если в двуязычной коммуникации вследствие наличия зон «неполной переводимости» количество таких моментов несколько увеличивается, то в этом нет ничего неожиданного. Прекрасно известно: чем больше отличаются друг от друга люди в индивидуальном, социальном, образовательном и тому подобных планах, тем труднее им «договориться». И если при общении через лингвоэтнический барьер,

¹ См.: Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Проблемы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 71—73.

где к этим различиям добавляются еще и расхождения национально-культурного характера, эффективность коммуникации несколько снижается, то это надо воспринимать как естественное следствие появления еще одного коммуникативного препятствия (не полностью нейтрализуемого переводом).

Несколько меньшая эффективность двуязычной коммуникации с переводом по сравнению с естественной, одноязычной, явления «пониженной» переводимости, конечно же, не дают основания для утверждения идеи о невозможности перевода. Руководствуясь аналогичной логикой, ссылаясь на неизбежные моменты недопонимания и непонимания, можно было бы равным образом отвергнуть возможность эффективной одноязычной коммуникации, а также речевой коммуникации вообще. Такая попытка была бы чистейшим абсурдом: общественная практика доказывает в целом высокую эффективность речевой коммуникации, одноязычной и двуязычной с переводом, несмотря на моменты недопонимания, непонимания и пониженной переводимости.

Другая причина тупикового положения, в котором оказалась проблема переводимости, заключается в том обстоятельстве, что коммуникативная роль экстралингвистических, культурно-этнических и вообще этнических факторов внеязыкового опыта в одном случае недооценивается, а в другом переоценивается. Представители концепции «тотальной» переводимости рассматривают перевод как некий изолированный акт перекодирования сообщения с одного языка на другой. Они вырывают перевод из цепи двуязычной коммуникации, центральным звеном которой он является и на которую он «работает». При этом эффективность перевода оценивается вне последовательной взаимосвязи с тем, ради чего он существует, конечным результатом двуязычного общения — регулятивным воздействием на адресата.

При таком «изоляционистском» (или, как говорят в переводоведении, «микролингвистическом») понимании перевода сомнений относительно переводимости не возникает. Переводимо все, ибо, как отмечает Л. С. Бархударов, значения языковых знаков, хоть и с некоторыми потерями, могут быть воспроизведены средствами иного языка¹. Однако, как нам известно, цель речевой коммуникации, в том числе и двуязычной, невозможно свести лишь к передаче значений языковых знаков. Значения языковых знаков содержат лишь часть общественного опыта, необходимого для адекватной интерпретации сообщения: извлечения из текста и соответственной оценки всего, что вложил в него автор. Другая необходимая для адекватной интерпретации текста часть жизненного опыта заключена в неязыковых или частично неязыковых знаниях, умениях и привычках адресата.

¹ Бархударов Л. С. Язык и перевод. — С. 25—26.

Итак, целью речевой коммуникации является нужное отправителю регулятивное воздействие на адресата; средством достижения этой цели служат передаваемые отправителем языковые знаки с их значениями. Условия, в которых достигается цель, определяются языковым и жизненным опытом адресата, существенную часть которого составляют факторы лингвоэтнической компетенции.

Полагать, что задача переводчика заключается в воспроизведении значений знаков ПЯ, равносильно утверждению, что перевод направлен не на создание комплекса необходимых лингвоэтнических предпосылок для достижения цели коммуникации, а лишь на воспроизведение в материале другого языка средств достижения этой цели без достаточного учета изменившихся лингвоэтнических условий.

Как известно, средства подбираются с учетом не только запланированной цели, но и условий, в которых она задана¹. Для двуязычной коммуникации с переводом характерно то, что первоначальные средства достижения цели — знаки ИЯ с их значениями — ориентированы на иные лингвоэтнические условия, чем те, в которых будут применены вторичные средства достижения той же цели — знаки ПЯ с их значениями. Это изменение «расчетных» условий для достижения коммуникативного эффекта (лингвоэтнической коммуникативной компетенции), разумеется, должно повлечь за собой и соответствующее изменение средств достижения цели. Знаки ИЯ заменяются знаками ПЯ, и при этом вопреки наивным представлениям о переводе заменяются не только одни носители значений на другие (звуковые или графические комплексы ИЯ на звуковые или графические комплексы ПЯ) при относительно неизменном их содержании. Смена носителей значения (если таковое вообще возможно) не означает смену средств достижения коммуникативного эффекта, ибо таковыми являются не одни носители значений, а комплексы «носитель + значение». Следовательно, чтобы в новых условиях изменить средства достижения коммуникативного эффекта, нужно изменить и значения. А раз так, то и ставить решение вопроса о переводимости единственно в зависимость от возможности или невозможности передачи значений знаков ИЯ средствами ПЯ неправомерно.

Вопрос о возможности или невозможности полноценного перевода, таким образом, упирается не только и не столько в возможность передачи значений знаков ПЯ при переводе. Необходимо еще с помощью модификаций исходных значений (и структур) компенсировать неравенство условий функционирования знаков ИЯ и знаков ПЯ, и в том числе этнически обусловленное неравенство внеязыкового, т. е. непосредственно не выраженного

¹ См.: Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности. — С. 15.

в языковых знаках, опыта. Как мы знаем из рассмотренного, такая компенсация достижима не всегда.

Этнически обусловленные различия во внеязыковом опыте в отдельных случаях действительно представляют собой частично или полностью непреодолимые препятствия на пути создания коммуникативно эквивалентного перевода. Однако такого рода препятствия не составляют «сплошную преграду». Они лишь периодически возникают в переводе на его отдельных участках, обуславливая моменты пониженной коммуникативно-функциональной эквивалентности, но не снижая в существенной степени глобальной возможности коммуникативно эквивалентного перевода¹. При этом непереводаемость настолько статистически уступает переводимости, что общественное сознание ее не замечает. Обществу перевод представляется средством, обеспечивающим двуязычную коммуникацию, практически равноценную по своей эффективности обычному одноязычному общению.

Нельзя отрицать национально обусловленные различия во внеязыковом опыте носителей разных языков и влияние этих различий на двуязычную коммуникацию. В определенной мере из-за этого снижается эффективность коммуникации. Но мы ни в коей мере не преувеличиваем, считая двуязычную коммуникацию с переводом в целом высокоэффективной. Об этом свидетельствует и общественная практика. «Переводимость, — справедливо отмечает А. Нойберт, — проверяется буквально на практике»².

Из двух образующих лингвоэтнического барьера — собственно лингвистической (языковой) и этнокультурной — наиболее труднопреодолимой для перевода является последняя. Именно она обуславливает моменты культурологического непонимания, резко различного отношения носителей ИЯ и носителей ПЯ к одним и тем же описываемым явлениям, что в наибольшей мере сказывается на эффективности двуязычной коммуникации.

Такого рода культурологическая (вследствие расхождения культур) непереводаемость имеет временный, исторически обусловленный характер. По мере сближения национальных культур сфера культурологической непереводаемости сужается.

Возможность коммуникативно-эквивалентного перевода в существенной мере зависит от наличия среди носителей ПЯ адресатов, по своим социолого-прагматическим характеристикам при-

¹ Фрагмент действительности, описанный средствами одного языка, принципиально воспроизводим средствами другого. Это обстоятельство, которое О. Каде считает эмпирически доказанным фактом (см.: Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации. — С. 78), обеспечивает некоторую постоянную минимальную степень переводимости (ее «нижний порог») — передачу информации об описываемом фрагменте действительности.

² Neubert A. Sprachwissenschaft und gesellschaftliche Praxis // Fremdsprachen. — 1977. — № 4. — С. 195.

ближающихся к тем носителям ИЯ, на которых рассчитан оригинал¹. В ходе исторического развития сообществ носителей ИЯ и носителей ПЯ может иметь место такой этап, при котором в одном из этих сообществ будет отсутствовать та или иная социолого-прагматическая группа, существующая в другом сообществе. Это возможно, например, при значительной разнице в уровнях развития производительных сил в той и другой стране. Однако, как указывает О.Каде, в такой ситуации, как правило, также нет и потребности в переводе, поскольку отсутствуют адресаты, заинтересованные в информации, содержащейся в исходных текстах².

В зависимости от того что преобладает в тексте на ИЯ — общечеловеческое, затрагивающее проблемы всего человечества, или узконациональное, интересующее только данный лингвокультурный коллектив, — тексты отличаются друг от друга по степени переводимости. Перевод зиждется на общечеловеческом в национальных культурах, на универсальных чертах разных языков. Поэтому чем больше «общечеловеческого» в тексте на ИЯ, тем он переводимее, и наоборот. В этом нетрудно убедиться, взяв для перевода статьи на темы мировой политики и статьи по узколокальным социально-бытовым вопросам, о которых А. Нойберт говорит, что их, «собственно, нельзя перевести»³.

Однако имеется одно простое обстоятельство, ограничивающее проявления «непереводимости» в практике двуязычной коммуникации, а именно то, что на узконациональные, малоинтересные для других народов материалы не существует спроса в коллективах ПЯ и соответственно редко возникает потребность в их переводе. Поэтому вполне можно согласиться с О.Каде в том, что если отсутствуют общественно-исторические условия, необходимые для перевода, то обычно отсутствует и потребность в нем⁴. Иными словами, значимое противоречие между потребностями в переводе и условиями, необходимыми для него, в целом нетипично для нашего времени. Но в определенных исторических условиях такое противоречие все же может возникнуть. Его преодолению способствует «адаптивное переложение» (иноязычный пересказ), с помощью которого в сообществе носителей ПЯ распространяются знания, являющиеся предпосылкой потребности в переводе, и происходит обобществление языковых знаков, необходимое для фиксации и передачи этих знаний. Иными словами, на определенном этапе общения лингвокультурных сообществ адаптивное пе-

¹ См.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — S. 152.

² См. там же. — S. 130—131, 152.

³ Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 200.

⁴ См.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — S. 130—131.

реложение выступает как исторически обусловленная ступень языкового посредничества, закономерно предшествующая переводу¹.

В связи со сказанным, по-видимому, нуждается в пересмотре традиционная однозначно негативная оценка вольного перевода, широко распространенного в XVIII в. Не исключено, что вольный перевод в то время отвечал запросам общественной практики. Возможно, именно он служил тем адаптивным переложением, которое создавало предпосылки для широкого распространения впоследствии собственно перевода.

Рассмотренные нами трудности перевода, обусловленные различиями этнокультурного плана, отнюдь не являются тем единственным, что создает ситуации «непереводимости». Последние нередко оказываются также следствием глубоких различий в «устройствах» языков, в системах ИЯ и ПЯ. В этом плане имеется немало примеров затруднений при переводе, возникающих в тех случаях, когда внутреннее устройство языков (различные отношения сходства и различия его единиц и моделей) начинает играть смысловую роль, становясь как бы элементом содержания. В качестве одного из них можно привести отрывок из рассказа М. Горького «Хозяин» — диалог, происходящий между героем рассказа, ведущим повествование от автора, и другим персонажем — девицей Софьей:

На подоконнике у нее стоял бальзамин в цвету. Однажды она хвастливо спросила:

— Хорош светок?

— Ничего. Только надо говорить «цветок».

Она отрицательно качнула головою.

— Нет, это не подходит: цветок — на ситце, а светок, светик — это от Бога, от солнышка. Одно — цвет, другое — свет... Я знаю, как говорить.

Разговор этот играет существенную композиционную роль в рассказе. Он не только один из эпизодов, иллюстрирующих обстановку, в которой жил повествователь, но и эпизод, как бы подводящий промежуточный итог целому ряду аналогичных странных разговоров и событий, ибо после него сразу же следует вывод рассказчика:

...Все труднее становилось с этими как будто бы несложными, а на самом деле странно и жутко запутанными людьми. Действительность превращалась в тяжкий сон и бред, а то, о чем говорили книги, горело все ярче, красивей и отходило все дальше, дальше, как зимние звезды.

И вот, несмотря на весомую роль процитированного диалога в структуре повествования, в немецком издании рассказа он опущен. Причина переводческого решения лежит на поверхности: диалог попросту непереводим, ибо тем стержнем, на который «наматывается» беседа, является звуковое сходство русских слов *свет*

¹ См.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — S. 194—195.

и *цвет* и производность русского слова *цветок* от слова *цвет*. В немецком языке нет аналогичного ряда отношений (сравните: *Licht, Farbe, Blume*). Теоретически мыслимым выходом для переводчика было заменить предмет разговора таким образом, чтобы создать аналогичную игру слов. Однако сделать это весьма сложно. Кроме того, сразу же возникает вопрос: а не будет ли такая трансформация приемом, выходящим за грани допустимого в переводе?

Ряд протестантских миссионерских изданий, которые сейчас очень распространены в России, чаще всего являются переводом с английского на русский. В них, как это принято, понятие «грех» ассоциируется со змеей. В английском тексте акцентируется созвучие этих слов (*sin* → *snake*), что для русского читателя остается как бы «за сценой». Здесь мы имеем дело с неперевожимостью совсем иного рода, чем неперевожимость культурологического характера. Вряд ли правомерно считать, что она носит временной, исторически обусловленный характер. Скорее, она будет существовать до тех пор, пока на земле существуют разные языки.

Иногда подобные случаи обыгрывания особенностей устройства языкового кода поддаются воспроизведению в переводе. Однако, как правило, это не закономерность, а скорее случайность.

Вернемся снова к вопросу о противоречиях внутри совокупности условий, определяющих эквивалентность ИТ и ПТ. Их корнем является несоответствие между «идеалом» перевода и объективными возможностями его достижения. Будучи постоянно направленным на обеспечение двуязычной коммуникации по образу и подобию обычного, одноязычного общения, перевод тем не менее относительно нечасто, лишь в отдельных случаях приближается к этому идеалу¹. Такая реальность вытекает из сложной, изначально противоречивой природы перевода. Ведь, с одной стороны, если перевод потеряет направленность на идеал одноязычной коммуникации, он сразу же утратит свою специфику — смешается с иными видами языкового посредничества, перестанет быть переводом. Но, с другой стороны, достаточно очевидно, что двуязычная коммуникация с переводом в силу своей неустраняемой специфики никогда не сможет полностью сравняться с коммуникацией одноязычной.

Это изначальное противоречие, присущее переводу, находит в нем свое многократное выражение в различных формах, и в частности в рассмотренных противоречиях между отдельными условиями отождествления ИТ и ПТ, представляющими собой транспозицию общественного предназначения перевода в сферу их соот-

¹ Каждый случай перевода А. Людсканов рассматривает как частичную реализацию «идеального» перевода (об этом см.: Попович А. Проблемы художественного перевода. — С. 26). По мнению Л. С. Бархударова, при оценке реального перевода «правильнее будет говорить о большем или меньшем его приближении к “полностью эквивалентному”, который фактически оказывается, скорее, неким идеалом, чем реальностью» (Бархударов Л. С. Язык и перевод. — С. 189).

ношений. Поскольку эти противоречия проистекают из природы перевода, из его сущности, они должны быть отнесены к разряду диалектических противоречий.

Очевидно, что в процессе отождествления ИТ и ПТ (создания ПТ, тождественного ИТ) переводчик должен не просто как-то разрешить эти противоречия, а разрешить их оптимальным образом. Переводческие действия должны наилучшим образом реализовать общественную функцию перевода в конкретном случае общения и в конкретном контексте. Неоптимальное решение отвергается как неоправданный перекосяк в ущерб какой-либо другой, не менее важной стороне, например: излишняя точность в передаче содержания в ущерб узуальности высказывания или, наоборот, излишняя адаптация переводного высказывания к языку и культуре носителей ПЯ в ущерб национальным особенностям ИТ и т. д.

Эквивалентный перевод, таким образом, представляет собой оптимальное разрешение указанных противоречий. Понятие «оптимальный» при этом как бы становится синонимом «эквивалентный», ибо эквивалентным может быть только оптимальный перевод, а оптимальный перевод всегда эквивалентен. Что касается процесса перевода, то его в свете сказанного здесь можно рассматривать как процесс преодоления ряда свойственных переводу диалектических противоречий, сила и специфика проявления которых в различных актах перевода различны.

Не представляется возможным во всем их многообразии рассмотреть комбинации свойственных переводу противоречий и способы их разрешения. В рамках данной книги мы можем лишь схематично представить себе некоторые основные тенденции разрешения противоречий между тремя главными условиями переводческого отождествления разноязычных текстов. Для этого рассмотрим все допустимые комбинации случаев реализации или нереализации требований, составляющих совокупность условий переводческого отождествления ИТ и ПТ, и определим на основе изложенных выше положений, в каких случаях ИТ и ПТ могут быть признаны в целом эквивалентными. В таблице 1 отражена оценка того или иного условного результата переводческой деятельности с позиций соответствия названным требованиям.

Вспомним сразу же о том, что третье условие эквивалентности ИТ и ПТ носит крайне жесткий характер, поскольку его несоблюдение означает прекращение перевода и переход к языковому посредничеству иного вида. Поэтому в тех комбинациях (4, 5, 6), где оно не соблюдается, разумеется, не может быть речи не только об эквивалентности ИТ и ПТ, но и о переводе вообще.

Второе требование к эквивалентному переводу сформулировано так, что его невыполнение во всех случаях означает субъективно обусловленный недостаток переводческого решения: у переводчика была объективная возможность перевести ближе к тексту,

Таблица 1

**Вариативность определения статуса ПТ
(знак «+» означает соблюдение условий, знак «-» — их нарушение)**

Условия признания ПТ переводом текста ИЯ	Теоретически возможные комбинации выполнения данных условий						
	1	2	3	4	5	6	7
1. Коммуникативно-функциональная равноценность	+	-	-	-	+	+	+
2. Максимально возможная в рамках первого требования текстуальная (семантико-структурная) аналогичность	+	+	-	-	+	-	-
3. Соблюдение меры переводческих трансформаций	+	+	+	-	-	-	+
Эквивалентность ИТ и ИП в целом	+	+/-	-	-	-	-	-

однако по каким-то причинам он ею не сумел воспользоваться. Как отмечалось выше, перевод и по этой причине может быть отвергнут, даже если все остальные условия эквивалентности текстов выполнены (в таблице случай 7)¹.

Немалый теоретический и практический интерес представляет собой случай, обозначенный цифрой 2. Здесь возможны два решения. Если переводчик по причинам субъективного характера (недостаток мастерства, нежелание и т.д.) не достиг коммуникативно-функциональной равноценности ИТ и ПТ, то перевод, естественно, отвергается (не признается эквивалентным). Но мы также знаем, что в определенных случаях, описанных выше, коммуникативно-функциональная равноценность ИТ и ПТ не может быть достигнута по объективным, независящим от переводчика причинам. В этих случаях перевод в целом признается эквивалентным, ибо переводчик все же достиг пределов объективно возможного и, следовательно, его решение в определенных условиях было оптимальным.

Важно подчеркнуть, что в переводе оптимальными могут быть признаны несколько переводческих решений, из которых у каждого свои сильные стороны, свои преимущества перед другими. Свести эти сильные стороны воедино, т.е. реализовать их в одном варианте перевода, не представляется возможным, поскольку одно не соединимо с другим. Так, например, очень часто возникает противоречие между содержательной точностью и узуальностью. Перед переводчиком стоит альтернатива: избрать более точный или

¹ Мы не ставим здесь вопроса о том, следует ли считать возможным перевод, обладающий коммуникативно-функциональной эквивалентностью, но вместе с тем содержащий немотивированные (произвольные) семантико-структурные отклонения от оригинала.

более узуальный (привычный по способу языкового выражения) вариант. Исходя из коммуникативно-функциональных характеристик ИТ, контекста, ситуации и т.д., переводчик отдаст предпочтение тому или иному варианту. Однако возможны случаи, когда преимущество одного варианта перед другим в содержательной точности или узуальности весьма незначительно и трудно отдать предпочтение какому-то из них. Часто возникают два или более оптимальных варианта перевода, каждый из которых имеет свои преимущества, но в целом они практически равноценны.

Наконец, возможность нескольких оптимальных вариантов перевода объясняется таким простым и известным обстоятельством, как вариативность плана выражения. Хорошо известно, что иногда одну и ту же мысль, интенцию можно практически равноценно выразить разными способами.

Подчеркнем в заключение, что переводческая эквивалентность (эквивалентность ИТ и ПТ как объектов отождествления в переводе) не идентична их коммуникативно-функциональной эквивалентности, а отражает оптимальное выполнение ряда условий. Так, неэквивалентным может быть признан перевод, обладающий в общем и целом потенциальным воздействием на адресата, аналогичным тому, который свойствен оригиналу, но содержащий ничем не мотивированные семантико-структурные отклонения от него. И наоборот, перевод, не обладающий воздействием, в достаточной мере аналогичным оригиналу, может быть признан в целом эквивалентным, если недостаточность коммуникативно-функциональной эквивалентности обусловлена объективными причинами (непреодолимыми с помощью перевода расхождениями культурно-этнического плана и другими перечисленными выше факторами).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как вы понимаете адекватность и эквивалентность в переводе?
2. Назовите три главных принципа эквивалентности ИТ и ПТ.
3. В чем заключается принцип мотивированности переводческих трансформаций?
4. Дайте примеры коммуникативно оправданных компенсирующих расхождений ИТ и ПТ.
5. Приведите примеры различных взглядов на проблему переводимости.
6. В чем состоит сущность вопроса о возможности и невозможности полноценного перевода?
7. От каких факторов зависит возможность создания коммуникативно-эквивалентного перевода?
8. Укажите тенденции разрешения противоречий между основными условиями переводческого отождествления разноязычных текстов.
9. Какую роль в обеспечении эквивалентности ИТ и ПТ играет вариативность плана выражения?
10. В чем основное различие между переводческой и коммуникативно-функциональной эквивалентностью?

ИСХОДНЫЙ ТЕКСТ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Деятельность не есть нечто однородное и непрерывное. Любая более или менее сложная деятельность складывается из ряда последовательных или параллельных действий. Соответственно мотив такой сложной деятельности реализуется путем достижения ряда промежуточных целей. Действие являет собой единицу деятельности, направленную на определенную (промежуточную) цель — «осознанный образ предвосхищенного результата» (А. Н. Леонтьев). Осуществленные промежуточные цели служат как бы ступеньками, ведущими к реализации мотива.

Действие — «плоть и кровь» деятельности: «Если из деятельности вычтешь действия, ее осуществляющие, то от деятельности вообще ничего не останется»¹. Поэтому невозможно хорошо освоить ту или иную профессиональную деятельность без представления о составляющих ее действиях и целях, которым они подчинены.

Очевидно, что специфика и набор переводческих действий в основополагающей степени определяются ИТ, поскольку создаваемый переводчиком ПТ должен в максимально достижимой мере стать коммуникативно-функциональным и текстуальным его аналогом.

Как подчеркивалось выше, коммуникативно-функциональная эквивалентность оригинала и перевода заключается в том, что они, каждый в сфере своего действия, способны вызывать аналогичные коммуникативные эффекты. Мы уже говорили и о том, что главными определяющими факторами коммуникативного эффекта являются коммуникативно-функциональные свойства текста и коммуникативная компетенция адресата.

Что касается указанных свойств текста, то они образуются двумя составляющими: его содержанием и степенью обычности или необычности формы (способа) выражения. Привычная форма содержания (использование наиболее частотных слов, словосочетаний, грамматических конструкций, композиций текста и т. д.) способствует наиболее быстрому и адекватному восприятию содержа-

ния, благоприятствует созданию запланированного коммуникативного эффекта. Необычная, непринятая форма затрудняет восприятие, отвлекая внимание адресата от содержания, в крайних случаях приводит к его непониманию и, следовательно, не позволяет достигнуть запланированного коммуникативного эффекта. В определенных же случаях (стихи, художественная проза) необычность способа выражения содержания создает дополнительный коммуникативный эффект, порой в значительной мере превышающий ту его часть, которая достигается благодаря собственно содержанию.

Роль (значение и влияние) привычности или непривычности формы изложения содержания мы подробнее рассмотрим в следующей главе. Сейчас же остановимся на феномене содержания.

Итак, что такое содержание речевого произведения (текста)?

Прежде чем мы попытаемся сформулировать хотя бы приблизительный ответ на этот весьма непростой вопрос, обратим внимание на то, что составляющие каждого конкретного текста — семантические и структурные элементы его языковой материи — по-разному воспринимаются его получателем. Одни из них фиксируются сознанием, другие как бы проходят мимо него, оставаясь незамеченными. Так, если мы идем по коридору и многократно слышим и произносим «Здравствуйте!», мы воспринимаем это приветствие лишь как знак вежливости, как и другие возможные стандартные приветствия («Добрый день!» и т. д.), и никак не задумываемся о том, что слово *здравствуйте* того же корня, что и слова *здоровствовать* и *здоровье*.

Однако в фантастическом рассказе М. Горького «О черте» эта взаимосвязь двух слов становится важным элементом смысла. Описываемая в рассказе ситуация такова: черт поднимает из могилы скелет некоего писателя и приветствует его:

- Здравствуйте! — сказал черт.
- Не могу, — кратко ответил писатель.
- Извиняюсь за мое приветствие, — любезно сказал черт.

Здесь уже тот факт, что «Здравствуйте!» буквально означает пожелание здоровья, воспринимается четко.

К содержанию текста относятся те элементы его семантики и структуры, которые фиксируются получателем текста и непосредственно участвуют в формировании коммуникативного эффекта. При всей приблизительности данного рабочего определения для теории перевода оно конструктивно, поскольку позволяет выделить то, что подлежит воспроизведению в переводе (с различной степенью точности), от того, что может не воспроизводиться, т. е. содержание от несодержания.

При такой трактовке содержания в его сферу помимо актуализованных значений языковых средств попадают различного рода актуализованные черты сходства и различия языковых единиц (на-

¹ Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности. — С. 14.

пример, отношения производности, сходство звучания и т.п.), а также такие несемантические образования, как стихотворный размер, рифмы, звукопись, повторы, параллелизмы, ритм прозы. И это вполне закономерно. Разве величественная картина, нарисованная А. С. Пушкиным в начальных строках поэмы «Медный всадник», создается одними только значениями слов, а не размером стиха, системой рифмовки, многочисленными аллитерациями?

Отметим, что наше истолкование существа содержания, когда речь идет о текстах, соответствует значению глагола *содержать*. Разве текст стихотворения вмещает в себя лишь описание событий и состояний персонажей? Разве он не наполнен ритмом, рифмами, аллитерациями, воздействующими на наше восприятие? Разве содержание художественной прозы сводится лишь к одному сюжету? Разве анекдот, остроумная шутка не несут в себе нечто большее, чем простая игра слов?

Один и тот же элемент текста в одном случае может относиться к содержанию, в другом — нет. Значит, содержание текста — величина непостоянная, варьирующая от случая к случаю. Из нашей трактовки содержания следует также, что оно складывается из разнородных элементов текста, т.е. представляет собой явление гетерогенное (неоднородное).

Итак, из чего складывается содержание текста?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к теории языкового знака и его значения.

Современная семиотика и лингвистика не ограничивают понятие языкового знака определенными единицами языка, относя к этой категории слова, словосочетания, тексты. Положение о том, что текст, предложение, словосочетание, слово правомерно рассматривать как знаки, т.е. в известном смысле как явления одного порядка, особенно конструктивно для теории перевода. Ибо в процессе перевода обмен языковых знаков ИЯ на языковые знаки ПЯ происходит параллельно на нескольких взаимосвязанных уровнях: на уровне слов (а иногда даже морфем), на уровнях словосочетаний, предложений и текстов в целом, а также на межуровневой основе, когда единице одного уровня соответствует единица другого уровня, например: морфеме — слово, слову — словосочетание и т.д. При этом определить границы обмениваемых единиц языка и речи далеко не всегда возможно. Именно поэтому для описания универсальных сущностных черт процесса такого обмена весьма удобно понятие языкового знака, не привязанное к единицам языка какого-либо определенного уровня.

Языковой знак — это некоторый звуковой или графический комплекс. Непосредственно в нем мы не обнаружим ни содержания, ни значения. Современная лингвистика определяет значение (значимость, содержание) знака как его отношения к чему-то лежащему вне его. Таких отношений несколько.

Во-первых, знак соотнесен с денотатом — тем предметом или явлением реальной действительности, обозначением которого он является.

Во-вторых, соотнесен с отражением обозначаемого им денотата, именуемым в лингвистике сигнификатом. Отражение может быть индивидуальным с особенностями, свойственными сознанию только данного человека, и коллективным, «усредненным», без которого люди не могли бы достигать взаимопонимания¹. Понятие сигнификата мы распространяем только на коллективное, усредненное отражение.

Далее языковой знак соотнесен с конкретными людьми, которые отправляют и получают его и при этом в какой-то мере по-своему интерпретируют, вкладывая в его значение и понимание нечто свое. Соответственно потребителей знаков (отправителей и получателей) удобно именовать интерпретаторами.

И наконец, языковой знак соотнесен с другими языковыми знаками. Здесь мы различаем отношения сходства и различия между знаками как единицами языкового кода, которые объективно существуют еще до того, как они употреблены в речи (например, фонетическое сходство слов *цвет* и *свет*), и отношения, которые возникают между знаками в речи. Отношения первого типа в лингвистике именуются парадигматическими, отношения второго типа — синтагматическими.

Для наглядности изобразим все перечисленные отношения схематически (рис. 4).

Прежде чем перейти к характеристике содержательной стороны знака, образуемой данными его отношениями, сделаем не-

Рис. 4

¹ Например, понятие «скрипка» имеет несколько отличающееся содержание для скрипача и для человека, не играющего на скрипке и не любящего скрипичную музыку. Однако образ скрипки в сознании и того и другого имеет нечто существенно общее, позволяющее им понимать друг друга, когда речь идет об этом инструменте.

большую оговорку чисто терминологического характера, а именно отграничим друг от друга понятия «содержание» и «значение».

Из данного выше толкования понятия «содержание» следует, что к нему в равной мере могут быть отнесены как та значимость знака, которая свойственна ему только в речи (в употреблении), так и та, которая свойственна ему также и вне речи (вне употребления) — как единице языкового кода. Что касается значения, то сюда мы относим лишь ту его значимость, которая присуща ему как языковому знаку *in absentia*, т. е. знаку, еще не употребленному в речи. Значения фиксируются в словарях. Что касается содержания, то оно, подчеркнем это еще раз, складывается как из значений языковых знаков, так и из тех свойств, которые значениями в принятом смысле этого слова не являются и приобретают значимость лишь в речи.

В соответствии с вышеуказанными отношениями знака мы можем выделить следующие виды содержания (значений).

Денотативное содержание (значение), образуемое отношением знака к денотату. Этот тип содержания (значения) представляет собой отражение только объективных свойств обозначаемых знаком предметов и явлений. К нему не относятся элементы, обусловленные субъективностью восприятия, культурно-исторической традицией и спецификой данного языка. На деле же все эти элементы всегда присутствуют в содержании текста и, выделяя денотативное содержание, мы допускаем определенную абстракцию. Денотативное содержание складывается только из денотативных значений представленных в тексте языковых знаков. «Подразумеваемое», не выраженное значением знака содержание мы относим не к денотативному содержанию, а к другой его категории (об этом далее).

Сигнификативное содержание (значение), образуемое отношением «знак — сигнификат», включает в себя помимо отражения объективных свойств денотата целый ряд содержательных аспектов, обусловленных культурно-историческими традициями, традициями употребления языкового знака только в определенных социальных ситуациях. Сигнификативное содержание обладает и «готовыми» субъективно-оценочными элементами. Все такие и иные «наслоения» на отражение объективных свойств денотата обычно именуется коннотациями. В данном случае речь идет о **сигнификативных коннотациях**.

Соотношение денотативного содержания (значения) и сигнификативных коннотаций, а также удельный вес последних в содержании (значении) языкового знака хорошо демонстрирует следующий пример, который приводит Н. Хачатурян. Анализируя недостатки переводов на русский язык сказок О. Туманяна, названный автор цитирует из русского издания сказок следующий диалог, происходящий в крестьянском доме между крестьянином и мельником:

— Большой камин испорчен, разведи лучше (огонь) в малом.

— Чего уж там испорчен, дай-ка я исправлю, разожгу огонь, и как раз хлеб испечем, поедим, — сказал он, разгреб золу в большом камине...

Далее Н. Хачатурян справедливо говорит о том, что у русского читателя сразу же возникают, по крайней мере, три вопроса: откуда в деревне камин? Зачем мельнику два камина в одном помещении? С каких пор в каминах пекут хлеб?

Автор критической статьи подчеркивает, что *камин* — не отсечкина переводчика. В армянском сельском быту существует нечто почти тождественное камину — бухари. Однако у русского читателя камин устойчиво ассоциируется с Западной Европой, и в частности с Англией. В России камин (заимствованный у англичан) всегда был принадлежностью быта высших слоев общества, часто просто декоративным элементом интерьера. Поэтому русский читатель недоумевает: как мог камин оказаться в крестьянском доме? Это не согласуется с его бытовыми представлениями.

Н. Хачатурян делает весьма показательное замечание: «В теплотехнике бухари и камин равнозначны, в литературе — нет»¹. В принятой нами терминологии это означает, что денотативные значения слов *бухари* и *камин* идентичны. Их сигнификативные значения существенно расходятся в силу неравенства дополнительных содержательных элементов (коннотаций), сопутствующих денотативному значению слова.

На основании сказанного сигнификативную коннотацию можно определить как значение (содержание), которое сопутствует его денотативному значению (содержанию) и связывается с данным знаком всеми представителями соответствующей этнической общности и поэтому (так же как и денотативное значение) является фактом языка. Сигнификативные коннотации лексических единиц, как правило, фиксируются в (хороших) толковых и двуязычных словарях. Явная асимметрия понятия «камин» в английской и русской культуре подтверждается тем, что в электронном словаре «Lingvo 7.0» приведено 49 устойчивых словосочетаний со словом *chimney* и лишь 8 со словом *камин*.

В связи с крайним разнообразием названных коннотаций мы считаем необходимым конкретизировать представление о них с помощью простейшей и не претендующей на абсолютную полноту типизации.

Исходя из данного нами определения сигнификативного содержания (значения) к нему можно отнести следующие типы коннотаций:

— некоторые устойчивые для данной этнической общности ассоциации, связываемые с денотативным значением слова (напри-

¹ Хачатурян Н. Реалия и переводимость // Мастерство перевода. — М., 1973. — Сб. 9. — С. 54.

мер, у русских ассоциации со словом *свинья* — неблагодарность, подлость, физическая и моральная нечистоплотность, у немцев *das Schwein* и у англичан *pig* — то же самое, что и *свинья*, а также — счастье, везение; *вол* — безропотное трудолюбие, работоспособность, *der Ochse* (нем.) — глупость, тупость, *bull* (англ.) — явная нелепость, вздор; *der Karpfen* (нем.) — как еда связывается с рождественским и новогодним праздничным столом, у русских и англичан слова *карп* и *carp* таких коннотаций не имеют);

— приписываемое денотату символическое значение (например, *сердце, das Herz, heart* — символ определенных чувств; у восточных народов с тем же символическим значением — *печень*) или высшая степень какого-либо качества (*снег* — высшая степень белизны: *белый как снег; schneeweiß, snow-white* или даже *snowy*; у некоторых африканских народов, не ведающих снега, в той же символической роли выступает оперение белой цапли).

Одним из типов сигнификативных коннотаций этническо-ассоциативного плана является соотношенность понятия и соответственно его названия с определенной исторической эпохой:

стакановец — период наших первых пятилеток;

die Reichswehr — обозначение германских вооруженных сил Веймарской республики;

die Wehrmacht — германские вооруженные силы в период 1935 — 1945 гг.;

die Bundeswehr — вооруженные силы современной ФРГ;

der Reichstag — парламент периода Германской империи, Веймарской республики и Третьего рейха;

der Bundestag — парламент ФРГ;

labourist — период зарождения и усиления значения лейбористской партии в Великобритании;

Watergate — период фракционизма в США;

reparations — один из аспектов послевоенной политики.

Из примеров видно, что многие единицы языка тесно связаны с идеологией людей, употребляющих их, порождены ею. На этом основании можно обозначить этот тип коннотаций как несомую знаком информацию о мировоззрении говорящего (пишущего).

В качестве одного из типов сигнификативных коннотаций можно также выделить соотношенность понятия с определенной социальной средой:

der Lohn (англ.: *wages*) — заработная плата (в основном) рабочих;

das Gehalt (англ.: *salary*) — заработная плата чиновников и служащих;

die Gage (англ.: *stipend, fee*) — заработная плата деятелей искусств;

das Honorar (англ.: *royalties*) — денежное вознаграждение деятелям науки и искусства за отдельные труды;

der Sold (англ.: *pay*) — денежное содержание, оклад военнослужащих.

Называя то или иное явление окружающей действительности, человек нередко выражает свое эмоциональное отношение к нему.

Для этого в его распоряжении имеются языковые единицы с соответствующей экспрессивно-стилистической окраской. Таким образом, в качестве одного из компонентов сигнификативного значения (содержания) можно назвать указание на отношение говорящего к денотату, сравните: *лицо — харя, заявление — донос, деловой человек — делегата*; нем.: *das Gesicht — die Fresse, der Chef — der Boss, der Junge — der Rotznase, sehen — glotzen, der Intellektuelle — der Intelligenzler, der Pfarrer — der Pfaffe*; англ.: *face — phiz, application — squeal, business man — hardhead*.

В стилистике данный компонент значения именуется экспрессивно-стилистической окраской.

И наконец, в качестве значения, сопутствующего денотативному, может выступать указание на соотношенность единицы языка с определенной ситуацией общения (сферой коммуникации). Здесь традиционно выделяются два очень близких по своей сущности компонента — нормативно-стилистический и функционально-стилистический.

Завершая рассмотрение компонентов сигнификативного содержания, мы не можем пройти мимо того обстоятельства, что перечисленные сигнификативные «созначения» на первый взгляд представляют довольно пеструю картину. Что же в таком случае дает нам право относить все упомянутые типы коннотаций к понятию «сигнификативное значение»?

Выделенные сигнификативные коннотации сведены в один класс на одинаковых основаниях: они все представляют собой компонент значения языкового знака, присущий ему в системе языка (другим таким компонентом является только денотативное значение). И все они либо целиком, либо в значительной степени детерминированы не реальными свойствами денотатов, а культурно-историческими условиями, в которых находится носитель языка, отправляющий и принимающий языковые знаки.

В одной из своих работ А. Н. Леонтьев писал: «Связь образа с отражаемым не есть связь двух объектов (систем, множеств), стоящих во взаимоотноении друг к другу, — их отношение воспроизводит поляризованность всякого жизненного процесса, на одном полюсе стоит активный (“пристрастный”) субъект, на другом — “равнодушный” к субъекту объект»¹. В свете этого высказывания денотативное значение (содержание) являет собой отношение «объект — субъект», представленное со стороны «равнодушного» объекта. А сигнификативное значение (содержание) — то же отношение, представленное со стороны «пристрастного» субъекта.

Как результат коллективного языкового сознания сигнификативное значение (содержание) включает в себя отражение свойств,

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 55.

объективно присущих денотату, и качеств, приписываемых ему данной языковой средой. Поскольку первое фигурирует у нас отдельно как денотативное значение (содержание), то при противопоставлении в семантическом значении слова объективно присущего и этнически ассоциируемого конструктивнее говорить соответственно о денотативном значении (содержании) и сигнификативных коннотациях.

Как единицы языка знаки обладают «отстоявшимся» в культурно-исторической практике словарным значением. Это значение именуется семантическим и представляет собой совокупность денотативного значения и сигнификативных коннотаций. Отличительной чертой семантического значения является то, что оно отчуждено от деятеля, т. е. от пользующихся знаками, от интерпретаторов¹.

В качестве интерпретаторов текста и использованных в нем языковых знаков более низкого порядка выступает как получатель, так и отправитель, который также не может не быть интерпретатором используемых им языковых средств. От того, насколько интерпретация отправителя адекватна интерпретации получателя, зависит взаимопонимание.

Интерпретация текста не есть простое сопряжение семантических значений языковых знаков. Интерпретация — это еще и процесс конкретизации, пополнения, а иногда большего или меньшего переосмысления семантических значений на базе лингвистического и ситуативного контекстов, а также заранее известной интерпретатору информации (преинформации). То новое, что возникает в процессе интерпретации текста, своего рода дополнение к его семантическому содержанию, мы предлагаем именовать **содержанием на уровне интерпретатора**.

В приведенной на рисунке 4 схеме (см. с. 79) этот вид содержания отражен через взаимосвязь языковой знак — интерпретатор.

Конкретизируем наши представления о содержании на уровне интерпретатора на примерах.

В рассказе А. М. Горького «В степи» есть следующий фрагмент:

...Куча на земле вдруг зашевелилась, выросла, и мы увидели, что это — самый настоящий, живой человек, он стоял на коленях, простирая к нам руку, и говорил глухим дрожащим голосом:

— Не подходи! Застрелю!..

— Н-да, — задумчиво сказал «студент», — с револьвером ходит... видно, икряная рыба...

Произнося слова *икряная рыба*, персонаж рассказа — жулик, выдающий себя за студента, вкладывает в них смысл: человек, у которого есть чем поживиться. В данном контексте словосочетание *икряная рыба* потеряло свое денотативное (прямое) значение и превра-

¹ См.: Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. — С. 173.

тилось в носителя того значения (смысла), который вложил в него интерпретатор-отправитель. Сделал он это путем соотнесения объективного, семантического (а точнее, денотативного) значения словосочетания с ситуацией общения. Попадая в несвойственный ему ситуативный контекст, словосочетание теряет собственное денотативное значение, которое как бы вытесняется определенными ассоциациями, вызываемыми денотатом (в данном случае: возможность выпотрошить рыбу с икрой и получить ценный продукт). Иными словами, мы здесь имеем дело с некоей ситуативной метафорой.

Иногда иносказательное содержание основывается на более широкой, культурно-исторической ситуации. Как отмечает В. Н. Комиссаров, для того чтобы понять истинный смысл фразы *the usual sprinkling of those who eat mutton four times a week (немало тех, кто ест баранину четыре раза в неделю)*, надо знать, что баранина — самое дешевое мясо в Англии и соответственно ей отдает предпочтение тот, кто небогат¹.

Необходимость иметь для адекватной интерпретации текста некоторые дополнительные сведения, не содержащиеся в семантической части его содержания, объясняется практической невозможностью выразить весь смысл сообщения с помощью семантических значений языковых знаков и их сочетаний. Е. Д. Поливанов писал по этому поводу, что все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем, в чем дело. Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось в формальных значениях употребленных нами слов, то нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо больше слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только намеками, раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается; и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью².

Таким образом, формально не выраженное в семантических значениях языковых единиц содержание на уровне интерпретатора практически всегда (в той или иной мере) присутствует в «суммарном» содержании текста. Для иллюстрации этого положения обратимся к известному стихотворению М. Ю. Лермонтова:

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не победит ее рассудок мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Почему поэт называет свою любовь к родине странной? Какой смысл вкладывает он в это слово?

¹ См.: Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — С. 79.

² См.: Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — С. 236.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны располагать определенными сведениями о личности автора стихотворения и его эпохе. Известно, что М. Ю. Лермонтов принадлежал к аристократическому обществу. Очевидно, что у подавляющего большинства представителей этого общества любовь к родине ассоциировалась с ее историей, со своей собственной родословной и в гораздо меньшей мере с любовью к простому народу. Любовь к родине, которую испытывал поэт, была иная, об этом он и говорит в своих стихах. Именно с этой точки зрения она была странной для людей его круга. Для современного читателя эта «странность» не столь очевидна, как для современников М. Ю. Лермонтова.

Коль скоро мы затронули поэзию, то следует отметить, что для поэтических текстов характерна очень большая доля содержания на уровне интерпретатора. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «поэтическая речь не только допускает, но и требует множественности интерпретаций и их субъективности»¹. Здесь содержание на уровне интерпретатора часто опирается на необычное словоупотребление — на так называемые «интерпретируемые аномалии», дающие «приращение смысла», т. е. на намеренное нарушение закономерностей смыслового соединения слов, например: «Не видать конца и края — Только синь сосет глаза» (С. Есенин. Гой ты, Русь моя родная...).

Внутриязыковое содержание, возникающее на основе парадигматических отношений языковых знаков, сходно с содержанием на уровне интерпретатора в том, что и оно имеет место только в речи. Для того чтобы разнообразные отношения сходства и различия между языковыми единицами «ожили, заиграли» и превратились в смысловой элемент текста, также необходим определенный контекст. В качестве примера можно напомнить уже приводившийся диалог из рассказа М. Горького «Хозяин» (см. с. 71).

Отношения сходства и различия между единицами языка, используемые для создания внутриязыкового содержания, весьма многообразны. Это и чисто внешнее фонетическое сходство (например, *цвет* — *свет* у М. Горького); это и производность одной единицы от другой (*цветок* от *цвет*); это и отношение идеографической синонимии, частичное совпадение значений при частичном их различии („*Der Reiche besitzt dich nicht, er hat dich nur*“ — «*Она не принадлежит тебе, она всего лишь твоя собственность*», — так сказал Гёте о картине, изображавшей Венеру).

Внутриязыковое содержание может возникать из противопоставленности существительных по грамматическому роду (например, в известном стихотворении Г. Гейне «Ein Fichtenbaum...», где

¹ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. — М., 1979. — С. 169.

аллегория создается за счет противопоставления существительных мужского и женского рода: *der Fichtenbaum* — *die Palme*). Оно может возникать из противопоставленности грамматических форм (стихотворение А. С. Пушкина «Ты и вы» построено на противопоставлении этих двух форм личного местоимения), лексических единиц по значению при фонетическом и графическом совпадении обозначающих (отношение омонимии) и т. д. и т. п.

Суммируя все сказанное о внутриязыковом содержании, можно отметить, что в нем всегда присутствует нечто от игры слов, ибо смысловым элементом помимо значений становится форма их выражения. При переводе это создает особые трудности.

Текст воздействует на получателя не только описанными видами содержания, но и определенными элементами своей структуры: ритмикой, повторами, параллелизмом речевых конструкций, порядком слов и т. п. Поскольку эти и некоторые другие свойства структуры текста достаточно четко воспринимаются получателем и непосредственно участвуют в создании коммуникативного эффекта, их в соответствии с данным выше определением можно именовать структурным содержанием.

Свое регулятивное воздействие на получателя структурное содержание оказывает главным образом путем «эмоционального заражения», т. е. непосредственного воздействия на эмоциональную сферу получателя без промежуточной (предшествующей эмоциональному эффекту) смысловой обработки сообщения. Это типично для таких форм структурного содержания, как ритм (стихотворный размер), строфика, фоника, рифмы, повторы, параллелизмы и т. п.

Особое место занимает порядок слов, несущий, помимо всего прочего, своеобразную смысловую информацию: о том, что является в сообщении собственно «новым» — тем, на чем акцентируется внимание адресата, и тем, что уже известно и служит своеобразной исходной точкой для собственно нового сообщения. Сравните:

Вчера я видел Иванова. (Кого я видел вчера?)
Иванова я видел вчера. (Когда я видел Иванова?)
Иванова вчера видел я. (Кто вчера видел Иванова?)

Как мы уже говорили, передача значений не является в переводе самоцелью. То же самое можно сказать и о передаче содержания в целом. Содержание в речевой коммуникации функционально уже по самой своей природе. Отправитель порождает текст с определенным содержанием в конечном счете не ради его передачи адресату, а ради воздействия на адресата этим содержанием. Иными словами, содержание несет и осуществляет определенные (заданные отправителем) функции воздействия на адресата.

Каковы эти функции?

Попытаемся назвать и определить их¹.

Интеллектуально-информативная функция, которую выделяет Л. А. Киселева². Для этой функции характерна прежде всего направленность к разуму, к рациональному мышлению адресата: отправитель информирует адресата о результатах своего рационального мышления с целью добиться сдвига в его системе ценностей (изменения представлений о тех или иных явлениях и отношения к ним) путем введения новой информации о неизвестных ему элементах действительности или сообщения дополнительной информации о явлениях, известных адресату ранее. При этом отправитель представляет сообщаемые сведения как результат чисто рационального мышления (восприятия), абстрагированный от эмоций (сравните: эмоциональный вариант сообщения *Это мерзкий, низкий поступок!* и вариант, свободный от эмоций, *Я считаю, что этот поступок противоречит нормам морали и правилам человеческого общежития*).

Другой существенной особенностью речи в рамках интеллектуально-информативной функции является то, что она рассчитана не на реакцию адресата непосредственно в форме действий, а лишь на внутреннюю «интеллектуальную» реакцию (изменение в смысловом поле адресата), т. е. имеет заданность на информирование без расчета на регуляцию поведения³. Это, конечно, не исключает того, что сдвиг в системе ценностей получателя рано или поздно приведет к действенной реакции, но это уже не относится к потенциальному коммуникативному эффекту, воплощенному в интеллектуально-информативной функции речи.

Не исключено также, что отправитель путем сообщения объективной (или якобы объективной) информации как раз и пытается побудить адресата именно к определенным действиям. При этом действенность побуждения иной раз обусловлена именно информативной видимостью текста, фактологичностью, индифферентностью по отношению к убеждениям⁴. Тем не менее и в этом слу-

¹ В лингвистике различают понятия функций языка и функций речи. К первым относятся некоторые глобальные функции языка, действующие при любом его использовании (см.: Леонтьев А. А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974. — С. 243—246). Таковыми являются коммуникативная и мыслительная функции. К речевым функциям относят то, что можно рассматривать как «специализации» глобальных функций языка. Так, согласно А. А. Леонтьеву, каждое речевое высказывание, помимо того что оно реализует глобальные языковые функции, «может иметь дополнительную специализацию в одном или нескольких планах» (там же). Те функции текста, которые рассматриваем мы, являются аспектами коммуникативного предназначения языка, как бы результатом его «расщепления» по признаку цели и сферы воздействия.

² См.: Киселева Л. А. Вопросы теории речевого взаимодействия. — Л., 1978. — С. 41.

³ См.: Там же. — С. 13—15.

⁴ См.: Там же. — С. 14—15.

чае мы не можем говорить о побудительной функции, ибо и здесь побуждение опосредовано информированием. Адресат не получает прямого призыва к действиям, его целенаправленно информируют, и даже если в его системе ценностей произойдет сдвиг, который толкнет его на активные действия, то и в этом случае нет необходимости говорить о специальной функции побуждения, ибо любая информация обладает регулятивным воздействием.

Интеллектуально-информативная функция доминирует в научно-технических, деловых, юридических текстах, в официальных сообщениях, объявлениях, в информационных статьях периодической печати. Она характерна также для такой формы речи, как вопрос, в котором, однако, имеет как бы обратную направленность, поскольку цель вопроса — не информировать адресат, а получать информацию, необходимую отправителю.

Эмотивная функция. Эту речевую функцию вычленяет А. А. Леонтьев¹, аналогично ее называют Р. Якобсон² и Л. А. Киселева³.

Если интеллектуально-информативная функция речи репрезентирует потребность отразить действительность такой, какова она есть, абстрагируясь от субъективных моментов, и в том числе от эмоций, то эмотивная функция воплощает стремление отправителя воздействовать непосредственно на эмоциональную сферу психики адресата посредством «эмоционального заражения» (эмоционального резонанса).

Эмоции могут порождаться и чисто информативными сообщениями, сухо излагающими факты. Иногда этот прием используется намеренно (особенно когда факты «говорят сами за себя»). Однако в этих случаях речь идет не о непосредственном эмоциональном «заражении», а о создании эмоций в результате переработки адресатом интеллектуальной информации. Эмоциональный эффект здесь является как бы вторичным продуктом.

Наиболее часто и наглядно эмотивная функция реализуется в художественной литературе и публицистике.

Эстетическая функция. О ней упоминают также А. А. Леонтьев, Р. Якобсон и Л. А. Киселева. Ее, пожалуй, можно рассматривать как разновидность эмотивной функции текста (речи), как некую ее «специализированную» ветвь. Если эмотивная функция связана с вызовом самых разнообразных эмоций — от возвышенных до отрицательных, то в рамках эстетической функции речь адресована к нашему эстетическому чувству — к чувству прекрасного.

Побудительная функция. Л. А. Киселева видит в побудительной функции речи предназначенность языковых средств для передачи

¹ См.: Леонтьев А. А. Функции и формы речи.

² См.: Якобсон Р. О лингвистическом аспекте перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.

³ См.: Киселева Л. А. Вопросы теории речевого взаимодействия.

волеизъявления субъекта с целью побуждения адресата к тому или иному действию или поведению¹. Приблизительно такой же смысл И. В. Арнольд вкладывает в понятие «волеизъявительная функция».

Если сущность первых трех функций заключается в изменении внутреннего состояния адресата речи безотносительно к тому, какие действия с его стороны повлекут за собой эти изменения (и повлекут ли вообще), то побудительная функция заключается в том, чтобы побудить адресата к определенным действиям (приказы, призывы, лозунги, реклама и т. п.).

Побудительная функция может реализоваться тремя различными способами: а) путем обращения к рациональному мышлению (например, военный приказ), б) обращением к эмоциям (пример — многие лозунги) и в) смешанным способом, т. е. путем обращения как к рациональному мышлению, так и к эмоциям (пример — такие рекламы, где наряду с указанием объективных параметров продаваемого изделия предпринимается попытка воздействия на адресата методом непосредственного эмоционального «заражения»). Иными словами, побудительная функция в чем-то повторяет интеллектуально-информативную и эмотивную функции. Соответственно трем способам реализации побудительной функции ее можно подразделить на три подвида: а) рационально-побудительный, б) эмотивно-побудительный и в) рационально-эмотивно-побудительный.

Отметим попутно, что выделение в сфере речевого воздействия интеллектуально-информативной, эмотивной (включая ее ответвление — эстетическую функцию) и побудительной речевых функций в существенных моментах соответствует современным представлениям о наличии в коре головного мозга нескольких систем моделей: моделей образов предметов действительности, моделей понятий об этих предметах, моделей чувств, моделей действий и моделей языка, между которыми существует сложная координация².

Маркировочная функция. А. А. Леонтьев в своей упомянутой работе выделяет функцию «марки», которую он трактует как номинативную функцию, связанную с употреблением речи в целях наименования каких-то конкретных объектов — географических пунктов, предприятий, магазинов, промышленных изделий и т. д.³. К этой же функции А. А. Леонтьев относит применение языковых средств в рекламе. Мы бы отнесли к ней также использование языка для создания названий произведений искусства, запоминающихся лозунгов и т. п.

Выделение такой речевой функции, естественно, правомерно только по отношению к номинациям, не вошедшим в словарный

¹ Там же. — С. 44.

² См.: Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. — М., 1966.

³ См.: Леонтьев А. А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974.

фонд языка, употребляемым временно или локально, например: «*Может быть*» (название духов), «*Ну-ка, отними*» (конфеты), «*Опять двойка*» (картина), «*Elements*», «*Poison*» (духи), «*Mozart*» (конфеты). Сюда не относятся номинации, потерявшие речевой характер, практически получившие статус единиц языка (в некоторых случаях даже терминов). Сравните: *Эрмитаж*, *Дом Союзов*, *пломбир*, *ириска*, *портвейн*, *нейлон* и т. д. Функция «марки» реализована в некоторых политических и рекламных лозунгах.

Контактная функция. Для того чтобы оказать воздействие на получателя текста, с ним необходимо установить контакт и поддерживать его в течение всей трансляции. Такой контакт должен обеспечить максимальное воздействие на адресата с целью достижения коммуникативного эффекта. Из сказанного следует, что контактная функция не может не присутствовать в любом тексте, в любом высказывании. В то же время установление и поддержание контакта сами по себе не могут являться целью коммуникации: контакт устанавливается и поддерживается для осуществления других целей, отраженных в перечисленных выше речевых функциях. Контактная функция, таким образом, имеет весьма специфический статус: с одной стороны, она носит вспомогательный характер, а с другой — реализуется во всех актах речи.

Традиционно функция контакта (часто она именуется «фатической») трактуется очень узко. Сфера ее действия соотносится только с функционированием стандартных реплик, служащих для вхождения в контакт и его поддержания: *Алло!*, *Слушаю вас!*, *Угу!*, *Да-да*, *Well*, *Yes* и т. д.; обращений, начинательных конструкций с устойчивым лексическим составом, формул приветствия, прощания, благодарности, извинения, поздравительных текстов и т. п., некоторых формул, используемых при беседах на такие «контактные» темы, как здоровье, погода: *You know*, *You see* и т. п.; различных вопросов и ответов, задаваемых только ради установления и поддержания контакта: *How do you do?*, *I'm fine*. *How are you?*

Представляется, однако, что роль этой функции в тексте значительно шире. Ведь для установления и поддержания контакта, помимо всего прочего, необходимо выбрать соответствующие данной ситуации общения функционально-стилистические и нормативно-стилистические средства. В компании близких друзей вполне уместно сказать: «*Вчера Колька на своей машине врезался в столб*», то же происшествие в официальном документе (например, в милицейском протоколе) будет описано иначе: «*Гражданин Иванов совершил наезд на столб*». Если поменять эти фразы местами, то в первом случае (в дружеской компании) это вызовет недоумение слушающих, а во втором (в официальной обстановке) — либо комический эффект, либо заставит задуматься о личности человека, написавшего столь неуместную по форме фразу (т. е. внимание слушающих переключится с предмета вы-

сказывания на личность говорящего). И в том и другом случае будет нарушен контакт между отправителем и получателем, необходимый для достижения запланированного коммуникативного эффекта.

Для поддержания смыслового контакта, для того чтобы адресат мог беспрепятственно и непрерывно воспринимать логическую линию изложения, текст должен быть организован как цепочка последовательно чередующихся тем — рем, где каждая тема (естественно, за исключением первой) вытекает из того, что было сказано ранее, а первая из них есть нечто общеизвестное или хорошо известное адресату.

Таким образом, контактная функция реализуется не только через специальные узкофункциональные речевые формулы, но также и путем отбора языковых единиц и речевых конструкций с адекватной нормативно-стилистической и функционально-стилистической окраской, путем построения правильной тема-рематической цепочки. Причем удельный вес этих средств в реализации контактной функции несравненно выше удельного веса различного рода контактно-функциональных речевых формул. Если первые «работают» в речи постоянно, то вторые появляются лишь спорадически в определенных местах.

* * *

Как нами уже было отмечено, содержание функционально, а речевые функции реализуются через содержание. Мы выделили ряд видов содержания и ряд функций речи, и было бы интересно понять, имеются ли между ними корреляционные зависимости и какие. Не специализируются ли определенные виды содержания на выражении определенных функций? Насколько избирательны представленные в тексте функции к тем видам содержания, через которые они реализуются? Ответы на эти вопросы позволили бы, в частности, лучше представить себе, ради какого воздействия на адресат необходимо сохранять тот или иной аспект содержания в переводе и ради чего на это порой тратятся значительные усилия и принимаются сложные переводческие решения. Верная сама по себе старая переводческая мудрость, гласящая, что в переводе по возможности должны быть воспроизведены все особенности и свойства ИТ, на данном этапе развития переводоведения удовлетворить нас уже не может.

Отметим сразу: четких корреляций между отдельными видами содержания текстов и речевыми функциями не наблюдается. Наиболее типичная картина — одна и та же функция реализуется в нескольких видах содержания, один и тот же вид содержания «работает» на несколько функций. Однако на некоторые, пусть недостаточно четко выраженные, закономерности здесь все-таки можно указать.

Денотативное содержание реализует почти исключительно информативно-логическую функцию, а также побудительную функцию там, где она пересекается с информативно-логической. При этом образуются еще два подвида: рационально-побудительная и рационально-эмотивно-побудительная функции.

Сигнификативные коннотации участвуют в отражении целого ряда функций.

Так, например, с помощью устойчивых этнических ассоциаций реализуются две родственные функции текста: эмотивная и эстетическая. Например: «*Ненутевым сердцем я к тебе прибит*» (С. Есенин).

Через сигнификативные коннотации выражается также эмотивно-побудительная и рационально-эмотивно-побудительная ветви побудительной функции, например: *Now, hang on! Hear me out. — А теперь всем молчать! Выслушайте меня.*

Существенную роль в эмоциональном заражении адресата в рамках эмотивной функции играет такой компонент сигнификативных коннотаций, как экспрессивно-стилистический (оценочный). Вот несколько примеров, взятых из газет: *потворствуют агрессору, раздувают милитаристскую истерию* (здесь каждое слово несет отрицательно-оценочную коннотацию), *требование военщины, колониальное хозяйничанье.*

Сигнификативным коннотациям типа устойчивых ассоциаций принадлежит определенная роль также в создании маркировочной функции, пример — рекламный лозунг фирмы «Мерседес», сопровождающий изображение фирменного знака в форме трехконечной звезды: „*Dein guter Stern auf allen Straßen!*“ Здесь хитроумно обыгрывается ассоциируемое с понятием «звезда» представление о судьбе, счастье, везении (сравните: *Родиться под счастливой звездой*). Маркированность слова *star* в американской языковой культуре определяет смысл лозунга “*Stripes And Stars — Your Lucky Stars*” («*Родиться под американским флагом — все равно, что под счастливой звездой*»).

Как уже отмечалось выше, коммуникативно-ситуативные элементы сигнификативных коннотаций (нормативно-стилистическая и функционально-стилистическая окраски) являются важнейшими средствами реализации контактной функции текста. Их неадекватное воспроизведение в переводе нарушает контакт между отправителем и адресатом.

Содержание на уровне интерпретатора также является средством реализации целого ряда текстовых функций.

Прежде всего следует сказать о том большом удельном весе, который приходится на него при осуществлении эмотивной и эстетической функций. Здесь содержание на уровне интерпретатора выступает главным образом в форме «интерпретируемых аномалий» (см. выше) и различного рода иносказаний. Например, отрыв-

вок из выступления Г. Троепольского на съезде писателей: «На каком принципе существует серая критика? Где ее истоки и на каком фундаменте? Тут я скажу вам второй афоризм: На комара с дубиной, на волка с иголкой, на льва с гребешком».

Содержание на уровне интерпретатора «работает» также и на интеллектуально-информативную функцию. Наиболее четко эта функция выступает в тех случаях, когда имеются недомолвки или, точнее, ссылки на нечто известное отправителю и адресату. Например: «...по кривому, тернистому, темному девятнадцатому веку, как по тоннелю с лампой шахтеры, шли отчаянные гении и освещали своими размышлениями все стороны жизни. Представьте только — “Былое и думы”, “Война и мир”, “Преступление и наказание», “Отцы и дети”... Я думаю, нет более важных тем и проблем и сегодня для каждого человека и всего человечества. Какие вопросы ставили гении России перед обществом! Послушайте: “Кто виноват?”, “Что делать?”, “Кому на Руси жить хорошо”...» (из выступления Р. Гамзатова на съезде писателей). Здесь не названы имена гениев русской литературы, ибо оратор уверен в том, что они, безусловно, известны аудитории.

Весьма типичны случаи, когда содержание на уровне интерпретатора обслуживает одновременно интеллектуально-информативную и эмотивную функции.

Соответственно оно участвует и в образовании эмотивного аспекта побудительной функции (эмотивное и рационально-эмотивное побуждение), например: *So, put up it please or shut up!* — *Ну, так докажите это или замолчите!*

Содержание на уровне интерпретатора может участвовать в реализации маркировочной функции, играющей столь важную роль в текстах политических и рекламных лозунгов, которые невозможно понять, если не обладать знанием определенных реалий — культурных традиций, истории, недавно произошедших в стране событий и т. д. Иными словами, реалия — лишь некоторый «намек», который интерпретатор должен наполнить (или дополнить) определенным содержанием «от себя»: *The President knows more than he's letting on — he's stonewalling.* — *Президент слишком хорошо осведомлен, чтобы допустить это, — он против этого.*

Внутриязыковое содержание. Его роль трудно определить однозначно: в одних случаях суть его воздействия просто недостаточно ясна, а в других — оно переплетается с другими видами содержания (интегрировано в них) и оказывает свое регулятивное воздействие через их посредство. Так, например, в стихотворении Г. Гейне внутриязыковое содержание, созданное противопоставлением двух грамматических родов (*der Fichtenbaum — die Palme*), оказывает воздействие на читателя только через содержание на уровне интерпретатора — это иносказание, которое кроется за денотативным (чисто описательным) планом сти-

хотворения. Иными словами, внутриязыковое содержание является здесь одним из средств реализации содержания на уровне интерпретатора, одной из центральных деталей «конструкции» иносказания.

Внутриязыковое содержание нередко используется для создания комического эффекта с помощью так называемой игры слов. В качестве примера можно привести следующий отрывок из диалога между директором театра (по фамилии Гумтхау) и актером, пришедшим просить работу, после того как последний очень неудачно, с многочисленными оговорками пытался прочесть перед директором монолог (в качестве испытания):

„Danke, es genügt. Ich merke schon, sie sind ein *sich vielversprechendes* Talent.“

Doch der junge Schauspieler beschwört den Theaterdirektor:

„Engagieren Sie mich. Jetzt bin ich aufgeregt. Aber von meiner Sicherheit am Abend, von der Eindringlichkeit meiner Charakterisierungskunst, wenn der Vorhang aufgegangen ist, haben Sie keine *Vorstellung*.“

Gumthau: „Mindestens keine ausverkaufte.“

(*Stemmler R. A.* Aus heiterm Himmel. Theater- und Filmanekdoten)

Здесь комический эффект создается обыгрыванием фонетического сходства словосочетания *viel versprechen* (много обещать) и *sich viel versprechen* (много оговариваться, допускать много оговорок), а также омонимическими отношениями слов *die Vorstellung* (представление как образ сознания) и *die Vorstellung* (театральное представление, спектакль).

Направленность на комический эффект являет собой своеобразный вид эмотивной функции.

Еще один пример на ту же тему из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла:

“If everybody minded their own business,” the Duchess said, “the world would go a deal faster than it does.”

“Which would not be an advantage,” said Alice... “Just think what work it would make with the day and night! You see the earth takes twenty-four hours to turn round on its axis.”

“Talking of axes,” said the Duchess, “chop off her head!”

(*Carroll L.* Alice in wonderland)

Перевод Б. Заходера выглядит следующим образом:

— Если бы никто не совал носа в чужие дела, — проворчала Герцогиня, — мир завертелся бы куда быстрее, чем сейчас.

— Ну и что же тут хорошего? — с готовностью подхватила Алиса... — Представляете, какая бы началась путаница? Никто бы не знал, когда день, когда ночь! Ведь тогда бы от вращения...

— Кстати, об отвращении! — сказала Герцогиня. — Из отвратительных девочек делают отбивные котлеты!

Далее в «Алисе» обыгрывается созвучие омонимов *well* (колодец) и *well* (основательно, полностью): *But they were in the well, ... well in*. Но в русском языке подобное созвучие найти не удалось, и перевод выглядит следующим образом: *He только жили! ... Они жили-были*.

Внутриязыковое содержание может нести также и эстетическую функцию, часто неотделимую от эмотивной: *Auf den Brettern, die wirklich die Welt bedeuten, denn man kann daraus die Wiege oder den Sarg für den Erfolg zimmern, stand noch nicht lange ein junger Schauspieler...* (Stemmler R. A. Aus heiterm Himmel). Здесь обыгрываются омонимы *Bretter* (сцена) и *Bretter* (доски), что создает эстетический и эмоциональный эффект.

Благодаря внутриязыковому содержанию достигается также информативно-логическая функция текста. Это бывает в тех случаях, когда в тексте речь идет непосредственно о явлениях языка, как, например, в уже приводившемся диалоге из рассказа М. Горького «Хозяин», где денотатами становятся сами слова (единицы языка).

Структурное содержание. Содержание этого вида участвует в реализации эмотивной и эстетической функций текста. Ритм речи, повторы, параллелизмы, стихотворный размер, звукопись, фоника, система рифмовки в стихах и т. п. создают часть запланированного эмоционального и эстетического эффекта путем непосредственного «эмоционального заражения».

Расположение языковых единиц на синтагматической оси, их повторяемость, т. е. структурное содержание текста, участвуют также в создании эффекта запоминаемости, «метки». В тех случаях, когда взаиморасположение слов несет информацию об актуальном членении высказываний, структурное содержание работает и на контактную функцию: оно обеспечивает логическую связь между отправителем и адресатом, возможность для последнего свободно воспринимать логическую нить изложения.

Описанное взаимодействие функций речи и реализующих их видов содержания можно отразить с помощью таблицы 2.

Нередко в работе над каким-либо конкретным отрезком текста переводчик сталкивается с невозможностью передать все представленные в нем элементы содержания. В этом случае возникают существенные вопросы: что из содержания следует воспроизвести в первую очередь и с максимальной точностью, что можно передать менее точно и что — опустить? Очевидно, что ответы на них непосредственно связаны с проблемой градации элементов содержания текста по степени их функциональной нагруженности.

Значимость отдельных фрагментов и аспектов содержания и, следовательно, необходимость точного их воспроизведения определяются степенью их функциональной нагруженности, т. е. удельным весом их участия в достижении коммуникативного эффекта.

Таблица 2

Корреляция между видами содержания текстов и функциями речи (знак «+» отмечает наличие корреляции)

Вид содержания	Функции речи							
	информативно-логическая	эмотивная	эстетическая	побудительная			маркировочная	контактная
				рационально-побуд.	эмотивно-побуд.	рационально-эмотивно-побуд.		
Денотативное	+							
Сигнификативное:								
— устойчивые этнические ассоциации		+	+		+	+		
— эмоционально-оценочный элемент		+	+		+	+		
— экспрессивно-стилистическая окраска		+	+		+	+		
— коммуникативно-ситуативный элемент (функционально-стилистическая и нормативно-стилистическая окраска)		+	+		+	+		
На уровне интерпретатора:								
— элемент, вносимый отправителем текста (ситуативная метафора, иносказание, интерпретируемые аномалии)		+	+		+	+		+
— обращение к информационному запасу получателя текста								
Внутриязыковое содержание								
Структурное:								
— ритм речи, рифмы, звукопись, повторы и т. д.							+	
— порядок слов, несущий информацию об актуальном членении								+

С этой точки зрения элементы содержания можно подразделить на определенные категории.

Функциональная доминанта содержания — содержательный элемент, воспроизведение которого в переводе является необходимым условием передачи потенциального регулятивного воздействия данного отрезка текста.

Функциональная субдоминанта содержания — содержательный элемент, допускающий при воспроизведении в переводе определенные модификации — замены из ограниченного круга возможностей. Соответственно функциональные субдоминанты можно именовать ограниченно-вариативными элементами содержания.

Факультативные элементы содержания — те, которые при переводе относительно свободно заменяются другими или без ущерба для функциональных свойств создаваемого текста опускаются (не передаются). Их можно именовать также свободно варьирующими элементами.

Наконец, можно выделить «пустые» элементы текста, не влияющие на восприятие и понимание содержания. Они совершенно свободно могут быть исключены или заменены другими.

Проиллюстрируем данную ранговую иерархию элементов содержания на примере, ставшем хрестоматийным, но дающем, однако, возможность с помощью одного небольшого стихотворного текста и его перевода продемонстрировать элементы содержания всех трех рангов. Мы имеем в виду перевод известного стихотворения Генриха Гейне, сделанный Ф. И. Тютчевым.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh.
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.
Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в унылой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одинока...

Как уже неоднократно указывалось в критических статьях, обязательно подлежащим передаче, т. е. инвариантным элементом содержания, а следовательно, и функциональной доминантой является внутриязыковое содержание, возникшее в общем контексте

стихотворения на базе противопоставления двух грамматических родов: *der Fichtenbaum* — *die Palme*. Непередача этого противопоставления уводит восприятие в несколько иной аллегорический план. И если Тютчеву, сохранившему авторскую направленность, удастся передать тоску о любви, то в классическом переводе М. Ю. Лермонтова на передний план выходит мотив одиночества, тоски по родственной душе. Мы предложили группе студентов, незнакомых с оригиналом стихотворения и упомянутыми критическими замечаниями, перевод М. Ю. Лермонтова, где, как известно, противопоставление двух грамматических родов не воспроизведено, и задала вопрос: «О чем эти стихи?» Никто не сказал, что это стихи о любви и разлуке (у Г. Гейне это стихотворение входит в цикл «Мечты о далекой возлюбленной»). Среди ответов были такие: «Зимняя дрема...», «Зимний сон...» и т. п.

Денотативное значение слов *der Fichtenbaum* и *die Palme* может быть отнесено к рангу функциональной субдоминанты содержания. Оно может быть заменено денотативными значениями других лексических единиц, но замена эта возможна только из ограниченного круга слов — названий деревьев соответствующих географических зон (как это сделал Ф. И. Тютчев).

В стихотворении много свободно варьирующих элементов содержания. Часть этих элементов и их соответствий в переводе выделена.

Отнесение содержательных элементов текста к тому или иному рангу нашей функционально-содержательной иерархии определяется их местом в контексте, а также коммуникативно-функциональным жанром текста.

Проиллюстрируем это на примере двух переводов Н. Волжиной одного и того же отрывка из известного романа Грэма Грина «Комедианты», которые приводит Г. Э. Мирам¹.

When I think of all the gray memorials erected in London to equestrian generals, the heroes of old colonial wars, and to frock-coated politicians who are even more deeply forgotten, I can find no reason to mock the modest stone that commemorates Jones on the far side of the international road which he failed to cross in a country far from home, though I am not to this day absolutely sure of where, geographically speaking, Jones's home lay.

Первый перевод.

Когда я перебираю в памяти серые монументы, воздвигнутые в Лондоне полузабытым героям былых колониальных войн — генералам на конях и политическим деятелям во фраках, которых и подавно никто не помнит, мне не кажется смешным скромный камень, увековечивший Джонса по ту сторону международного шоссе, которое ему так и не удалось перейти, в далекой от его родины стране, — впрочем, я и по сей день не знаю, где была его родина.

¹ Мирам Г. Э. Переводные картинки. — Киев, 2001. — С. 18—19.

Второй перевод.

Когда вспоминаешь все те серые памятники, которые воздвигнуты в Лондоне конным полководцам — героям давних колониальных войн — и уж вовсе забытым политическим деятелям в длинных сюртуках, то не видишь причин глумиться над скромным камнем, поставленным в память Джонса по ту сторону международного шоссе, — ему ведь так и не удалось пересечь это шоссе в далекой от его родных краев стране, хотя я и по сей день не знаю точно, где они, родные края Джонса, если искать их на географической карте.

При сравнении этих переводов мы замечаем различную интерпретацию глагола *to mock* (Lingvo 7.0 — гл.: 1) а) *насмехаться* (над кем-либо — *at*), *высмеивать*, *осмеивать*; б) *глумиться*, *издеваться*; 2) *передразнивать*, *пародировать*; 3) *сводить на нет* (усилия), *делать бесполезным*, *бесплодным*). Ни в первом, ни во втором переводе текст не выходит за рамки словарного толкования. Но в русском языке слова *видеть в чем-то смешное* и *глумиться над чем-то* воспринимаются совершенно по-разному. Достаточно большая разница ощущается и в описании памятников: *генералы на конях* и *конные полководцы*. Можно было бы указать и на другие расхождения в деталях. С точки зрения функций, которые выполняют эти детали в данном фрагменте и тем более в целом в произведении, совершенно несущественно, кому воздвигнуты памятники, не играющие никакой роли в сюжетной линии произведения. Но все же следует учесть, что у русского читателя понимание слова *памятник* ближе к понятию *полководец* и т. д. При абсолютной равноценности смысла второй перевод кажется более функциональным и приближенным к пониманию вполне определенных адресатов перевода.

Очевидно, что целью художественного произведения (если только оно не относится к так называемому документально-художественному жанру) не является точное описание реальных фактов. Писатель сам «изобретает» и отбирает факты, подчиняя их общему художественному замыслу. Ю. А. Сорокин замечает, что художественный текст ориентирован на явления, процессы, факты и артефакты (искусственно созданные факты), обладающие «минимумом истинности и максимумом правдоподобия»¹. Конечно же, некоторые вымышленные события и детали в контексте художественного произведения могут иметь высшую степень функциональной ценности. Однако многочисленные детали «декорации», на фоне которых разворачивается главное действие (*generals, the heroes of old colonial wars, and to frock-coated politicians*), такой ценностью не обладают. Данные денотативные компоненты содержания являются ограниченно-вариативными (функциональными субдоминантами).

¹ Сорокин Ю. А. Художественная и историческая трансляция культуры // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977. — С. 119.

Очень яркий пример, иллюстрирующий положение об иерархии коммуникативных ценностей, приводит Я. И. Рецкер в своей книге «Теория перевода и переводческая практика». В пьесе Дж. Голсуорси «Правосудие» один из персонажей совершает финансовую подделку, переправляя в банковском чеке, выписанном на его имя, слово *nine* (*девять*) на *ninety* (*девяносто*). В русском переводе пьесы вместо этих цифр фигурируют другие: восемь и восемьдесят. Переводческая трансформация объясняется тем, что русское слово *девять* не переправляется на *девяносто* путем простого добавления букв, без подчистки, недопустимой в денежных документах. Таким образом переводчик передает способ совершения мошенничества. Отразить этот момент несравненно важнее того обстоятельства, что в русском варианте пьесы совершивший подделку украл на 10 фунтов стерлингов меньше¹. В данном случае внутрилингвистическое содержание занимает более высокий ранг, чем денотативный компонент.

Представим себе, однако, что речь идет о тексте (например, статье из иностранной газеты), где рассказывается о подобном факте, но имевшем место в действительности (к примеру, подлог, совершенный некоторым погрязшим в махинациях чиновником). Допустим ли здесь переводческий прием, использованный в описанном случае? Разумеется, нет. В документальном варианте перевода, скорее всего, пришлось бы одновременно использовать и русские и иностранные названия цифр, например: *X. подделал чек, переправив nine (девять) на ninety (девяносто)*.

Очевидно, что при переводе текстов, основная функция которых состоит в описании предметов, явлений и ситуаций действительности, переводчик не имеет права изменять предметный план описания, оказывающийся в данном случае доминирующей частью содержания.

Приведем еще один пример — фразу из книги Г. Рида «Военные воспоминания генерала Гланда»: *In a civil war, a general must know — and I'm afraid it's a thing rather of instinct than of practice — he must know exactly when to move over to the other side* (Reed. H. The War Memoirs of General Gland, 1959).

Здесь совершенно недопустимо было бы перевести *a general* как *какой-нибудь полководец*, хотя в общем плане такой вариант мог бы быть справедливым. Но ведь речь идет о вполне определенной личности, что ясно из названия. В данном случае даже неопределенный артикль (*a general*) несет дополнительную функциональную нагрузку, подчеркивая личностный характер поступка (*a* — одного из) военного человека: ведь только как личность генерал (никак не *полководец*) может и должен интуитивно понять, когда он обязан перейти на другую сторону.

¹ См.: Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — С. 53.

Выше мы вскользь упомянули о том, что воспроизведение содержания ИТ в переводе связано с определенными проблемами. Какие это проблемы?

Прежде чем ответить на вопрос, подчеркнем еще раз: содержание воспроизводится в переводе ради воссоздания функционального облика текста — специфического соотношения определенно набора несомых им функций.

Взаимодействие содержания и реализуемых с его помощью функций сложно и многолико. В некоторых случаях функции и содержание настолько тесно взаимосвязаны, что трудно отделить одно от другого. Это характерно для информативно-логической функции, которая заключается в том, чтобы сообщить адресату определенные факты, мысли, т. е. передать ему определенное предметно-логическое содержание. В случаях с другими функциями возможно иное соотношение, так как усвоение содержания самого по себе не служит окончательной целью, запланированным коммуникативным эффектом. Им являются либо определенное эмоциональное или эстетическое состояние адресата, либо вызов действий с его стороны, либо достижение контакта с отправителем, либо способность адресата выделить для себя некоторые явления действительности и помнить о них (маркировочная функция).

Не являясь самоцелью, передача содержания в переводе осуществляется с необходимыми модификациями (компенсирующими расхождениями), обеспечивающими воспроизведение функций ИТ в новых лингвоэтнических условиях. Стало быть, в переводе содержание не столько передается, сколько транспонируется (воспроизводится с определенными изменениями). Однако это не означает, что перевод подразумевает лишь воспроизведение модифицированного содержания и что не существует проблемы его «прямой» передачи. Ведь, как было отмечено нами, модификациям, заменам и т. п. без существенных функциональных потерь подвергаются лишь те элементы содержания, которые не являются носителями функционально доминирующих свойств содержания. Кроме того, содержание обладает собственной ценностью, ибо оно репрезентирует мысль автора. Даже незначительные изменения исходного содержания иногда могут повлечь за собой серьезные искажения авторской мысли. Поэтому там, где это возможно, содержание ИТ должно передаваться максимально точно.

Возможности передачи содержания зависят от «доминантной плотности» переводимого отрезка текста: чем больше функциональных доминант приходится на этот отрезок и чем он короче, тем труднее воспроизвести эти доминанты.

Традиционно считается, что игра слов часто непереводима. Это объясняется тем, что на небольшом отрезке текста концентрируются две функциональные доминанты: внутриязыковое и денотативное содержание. Каждое из них в отдельности можно было бы

передать, однако подобрать эквивалент, позволяющий воспроизвести и то и другое, удается сравнительно редко. Вернемся еще раз к примеру с диалогом из рассказа М. Горького «Хозяин» (см. с. 71). В принципе нетрудно было бы подобрать ряд немецких слов, аналогичный по отношениям фонетического сходства и производности русскому ряду *свет — цвет — цветок — светок*, и найти эквивалент по внутриязыковому содержанию, например: *Panne — Pfanne — Pfankuchen*, однако одновременно нужно передать и денотативное содержание, что оказывается невозможным.

Таким образом, доминантная плотность текста — это еще один аспект проблемы переводимости. Без преувеличения можно сказать, что содержательная эквивалентность перевода достижима там, где доминантная плотность текста невысока. Там же, где она высока, где на небольшой отрезок текста приходится несколько разноплановых функциональных доминант содержания, возможность эквивалентного перевода становится скорее случайностью, нежели закономерностью.

В заключение этой главы вернемся к постановке проблемы, отраженной в ее заголовке: каким образом ИТ детерминирует действия переводчика?

Будучи иерархически организованной системой функционально-содержательных элементов, ИТ предписывает переводчику степень точности их воспроизведения и допустимые границы производимых при этом модификаций.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте определения двум составляющим коммуникативно-функциональных свойств текста.
2. Какие основные параметры характеризуют содержание текста?
3. Что составляет знаковую сущность текста? Дайте определения денотативного и сигнификативного содержания текста.
4. Какова роль сигнификативных коннотаций в передаче содержания?
5. В чем заключается специфика переводческой интерпретации текста?
6. Назовите основные функции воздействия содержания на адресата.
7. В чем состоят практические аспекты внутриязыкового и структурного содержания текста?
8. Назовите основные элементы содержания.
9. Как вы понимаете соотношение речевых функций и содержания текста?
10. Каким образом ИТ детерминирует действия переводчика?

ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЙ БАРЬЕР КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Как уже неоднократно говорилось, в переводе семантико-структурные параметры ИТ воспроизводятся с необходимыми модификациями — компенсирующими расхождениями, с тем чтобы с их помощью нейтрализовать расхождения в лингвоэтнических коммуникативных компетенциях (именуемые у нас лингвоэтническим барьером) и тем самым уравнивать для носителей ИЯ и носителей ПЯ объективные предпосылки восприятия сообщения и реакции на него. При этом, однако, названные модификации носят ограниченный характер. Во-первых, они ограничены третьим условием отождествления ИТ и ПТ, запрещающим компенсирующие расхождения, выходящие за определенные (допустимые в переводе) рамки, и, во-вторых, они ограничены характером ИТ — свойственной ему системой элементов содержания с заданной точностью воспроизведения (системой функциональных доминант и субдоминант содержания).

Таким образом, у переводческих действий оказываются две как бы сталкивающиеся детерминации: ИТ диктует, что и с какой минимальной точностью нужно воспроизвести, а лингвоэтнический барьер определяет, какие модификации воспроизводимого материала необходимы для того, чтобы обеспечить коммуникативно-функциональную эквивалентность ИТ и ПТ. Соответственно если действия, детерминированные ИТ, мы назвали транслирующими, то действия, детерминированные лингвоэтническим барьером, правомерно именовать модифицирующими.

Детерминация переводческих действий со стороны ИТ была рассмотрена нами в предыдущей главе. В данной главе мы рассмотрим детерминацию действий переводчика со стороны лингвоэтнического барьера.

Начнем с уточнения содержания понятия «лингвоэтнический барьер».

Как говорилось выше, к лингвоэтническому барьеру относится все то, что не позволяет носителю ПЯ непосредственно воспринять текст на ИЯ и реагировать на него так же, как если бы он был носителем ИЯ.

Лингвоэтнический барьер складывается из ряда разнородных факторов.

Фактором номер один является **расхождение двух языковых систем** — ИЯ и ПЯ.

Понятие языковой системы в современном языкознании имеет различные толкования, которые можно свести к тому, что система языка — это совокупность взаимозависимых единиц языка и моделей, по которым они сочетаются. Крайне существенно при этом, что к продуктам, производимым системой, относятся не только реально существующие языковые и речевые образования (сочетания морфем, лексем, синтагм, предложений и т.д.), но и гипотетические образования, которые возможны с точки зрения системы, т.е. могли бы быть произведены ею, но реально в языке не существуют и в речи не функционируют. По мнению В.А. Ицковича, система языка — это не то, что реально существует в языке, а все то, что может быть в нем создано¹. Так, с точки зрения словообразовательной системы русского языка одинаково возможны следующие реально существующие и отсутствующие в русском языке отглагольные существительные, обозначающие лиц по роду их занятий: *мечтатель* — *мечтальщик* — *мечтальник*; *шутник* — *шутильщик* — *шутитель*; *точильщик* — *точитель* — *точильник*². Л.В. Щерба писал о том, что слова *писальщик*, *читальщик*, *ковыряльщик* никогда не входили и не входят в словарь, но могут быть всегда созданы и правильно поняты. Теоретическая возможность образования по всем трем моделям (с суффиксами *-тель*, *-(ль)щик*, *-ник*) существительных — названий по роду деятельности доказывается, в частности, реальным существованием таких слов-дублетов, как *сеятель* и *сеяльщик*.

Следующий фактор лингвоэтнического барьера — **языковая норма** — своеобразный фильтр, который либо пропускает, либо задерживает то, что производит языковая система. Она допускает то, что реально существует в языке и функционирует в речи, и отбрасывает те продукты системы, которые реально в языке не существуют и в речи не употребляются. Иными словами, языковая норма выражается в конкретно реализуемых, реально функционирующих формах языкового выражения, принятых обществом и признаваемых им правильными³.

Норма есть факт коллективного языкового сознания. По выражению Э. Косериу, норма — это коллективная реализация системы⁴. Языковая норма «пропускает» лишь то, что обществом при-

¹ См.: Ицкович В.А. Языковая норма. — М., 1968. — С. 11.

² См. там же. — С. 12.

³ См.: Гак В.Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка // Иностранные языки в школе. — 1979. — № 3. — С. 6.

⁴ См.: Coseriu E. Sistema, norma y habea // Teoría del lenguaje y lingüística general. Cinco estudios. — Madrid, 1973. — P. 97.

знается правильным. Существовая в языке как объективная данность, норма отражается в грамматиках, словарях, справочниках¹.

Норма не есть нечто неизменное. В языке существуют варианты нормы, наблюдаются колебания, отступления от нее². В качестве примеров нарушения языковой нормы можно привести такие неправильности, как известный всем призыв водителей общественного транспорта «Не забудьте оплатить за проезд!» или вопрос «Сколько время?» (вместо «Сколько времени?»).

Есть более тонкие неправильности. Так, в своей книге «Момент истины» писатель В. Богомолов приводит подлинные оперативные документы советской военной контрразведки периода Великой Отечественной войны. Там, в частности, несколько раз употребляется грамматическая конструкция, достаточно понятная, соответствующая потенциальным возможностям русского языка, но не предусмотренная его нормой, — причастие с частицей *бы*, например: «*Прошу Вашего указания сообщить особые приметы или какие-нибудь дополнительные сведения, способствовавшие бы вероятной идентификации задержанных*».

Фактором лингвоэтнического барьера является также **речевая норма**, именуемая **узусом** (от лат. *usus* — употребление, обычай, привычка. — *Примеч. ред.*).

Узус — принятое употребление слов и выражений — представляет собой еще один фильтр языковой нормы. Если первая отсеивает правильное от абсолютно неправильного, такого, что всегда, во всех ситуациях общения недопустимо с точки зрения грамотной части языкового коллектива, то узус среди правильного, пропущенного языковой нормой отделяет то, что в данной ситуации общения уместно, от того, что неуместно. Так, к примеру, в приятельском кругу о ком-то может быть сказано *отъявленный бездельник*, но написать такое в официальной характеристике неуместно; там следует это суждение выразить иначе: *недостаточно трудолюбив, уклоняется от выполнения своих обязанностей* и т. п.

По определению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, узус — это такие реализации языковой системы, которые пригодны для определенных условий общения³. Понятие узуса связано с понятием стереотипа. Фразы нашей речи в значительной своей части стереотипны. Узус отражает языковые привычки носителей языка⁴.

Стереотипизация речи, как нам представляется, имеет двойную природу: не только ситуативную (так принято говорить в дан-

¹ См.: Ицкович В. А. Языковая норма. — С. 4—5.

² См.: Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы (1—3) // Синтаксис и норма. — М., 1974. — С. 43.

³ См.: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М., 1976. — С. 137.

⁴ См.: Гак В. Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка. — С. 7.

ной ситуации), но и тематическую (так принято говорить на данную тему: о погоде, здоровье и т. д.). В различных конкретных случаях та или иная сторона узуса — тематическая или ситуативная — может проявляться в большей степени, чем другая. Так, неузуальность фраз «*Как поздно сейчас?*» или «*Какой сегодня день календаря?*» объясняется тем, что у русских не принято так спрашивать о времени и дате.

Таким образом, если языковая система — это совокупность всех реальных и абстрактных возможностей функционирования языка, а языковая норма — совокупность аналогичных реальных возможностей, то узус является совокупностью тематико-ситуативных правил употребления языка. Если нарушение нормы языка представляет собой такую его реализацию, которая воспринимается как неправильность абсолютная, т. е. во всех ситуациях и при общении на любые темы, то нарушение узуса — это реализация языка, не соответствующая данной теме или конкретной ситуации общения, это не столько ошибка, сколько неуместность.

Следующим фактором лингвоэтнического барьера является расхождение **преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ**, т. е. запасов экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текстов.

Любой текст рассчитан на определенные экстралингвистические знания адресата, без которых он не может быть правильно понят. Классическим примером обмена текстами, целиком основанными на преинформации, может служить такой диалог хороших знакомых: «*Ну как?*» — «*Да все по-прежнему*».

Здесь преинформационные запасы, необходимые для расшифровки текста, носят сугубо индивидуальный характер. Возможно, что никто, кроме участников диалога, ими и не располагает. Границы преинформационного запаса могут быть обусловлены социально-групповой принадлежностью человека (преинформационный запас взрослого и ребенка, специалиста и неспециалиста, образованного человека и малообразованного). Для перевода как для чисто лингвоэтнической ретрансляции индивидуальные и социально-групповые различия в преинформационных запасах несущественны. В переводе учитываются лишь те расхождения преинформационных запасов, которые обусловлены принадлежностью носителей ИЯ и носителей ПЯ к разным лингвоэтническим коллективам и связаны с понятием лингвоэтнического барьера.

К преинформации лингвоэтнического характера относятся прежде всего сведения культурно-исторического характера. Культура — это исторически сложившаяся на основе экономического базиса совокупность материальных и духовных ценностей общества. С понятием «культура» ассоциируется не только положительное, рациональное, но также нерациональное и иррациональное, как

указывают К. Клахон и У. Келли¹. В лингвоэтнических и переводоведческих работах термином «культура» объединяется широкий круг явлений этнографического, исторического, географического и тому подобного характера².

Культура и язык взаимосвязаны. В процессе эффективной двуязычной коммуникации имеет место не только межъязыковая, но и межкультурная коммуникация, под которой принято подразумевать адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Таким образом, эффективная межкультурная коммуникация — обязательное условие успешности общения с помощью перевода, ибо «даже если люди владеют одним и тем же языком, они не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур»³.

На необходимость преодоления «культурного барьера» в переводе указывают многие авторы. В частности, Б. Матезиус, В. Прохазка и другие чешские исследователи перевода постоянно подчеркивают, что перевод — это не только замена языка, но и функциональная замена элементов культуры. Массу замен такого рода дает художественная литература. Однако, как мы знаем, в связи с ограниченностью масштабов и глубины компенсирующих расхождений ИТ и ПТ возможности преодоления культурного барьера ограничены и не всегда с помощью перевода удается исключить моменты «культурологического» непонимания и «некультурного» реагирования.

Наиболее ярко связь языка и культуры проявляется в сфере узуса. Так, по мнению Ю. С. Степанова, принципы отбора языковых средств из общенационального языкового достояния и их организация лежат в сфере социального: «не в языке, а вне его, в организации общества»⁴. Дж. Р. Ферс считает, что стереотипизация речи в существенной мере обусловлена особым строем культуры носителей языка. Все сказанное позволяет отнести узус к факторам смешанного культурно-языкового плана. Эта природа узуса наглядно выступает в таких его проявлениях, как ораторские традиции, особенности построения газетно-журнальных статей и т. п.

Еще одним подтверждением взаимосвязи языка и культуры служит наличие в значениях слов «культурного компонента», что отражает практически все типы описанных выше сигнификативных коннотаций.

Однако все эти компоненты культуры в большей или меньшей степени интегрированы в языке или хотя бы в стереотипах речево-

¹ Цит. по: Верещагин Е. М. Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). — М., 1969. — С. 103.

² См.: Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — С. 112.

³ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — С. 49.

⁴ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. — М., 1975. — С. 202.

го поведения, имеющих смешанную лингвокультурную природу. А у нас речь идет о преинформации экстралингвистического плана.

Выше, рассматривая особенности содержания на уровне интерпретатора, мы приводили примеры того, как необходимо знание культурных реалий для адекватной интерпретации высказывания. Приведем еще один пример: *Нерусская, несоветская тенденция «дегероизации» и отступление от пушкинского кредо добрых чувств бросалась в глаза уже в «Дне поэзии-83»* (из выступления Ю. Друниной на съезде писателей).

Для того чтобы правильно и полно понять мысль автора высказывания, нужно знать стихотворение «Памятник», в котором Пушкин говорит о том, что важнейший долг поэта — пробуждать в людях добрые чувства.

Преинформация культурно-исторического характера может содержать не только сведения о явлениях настоящего и прошлого, но и утвердившиеся в обществе оценки этих явлений («что хорошо и что плохо»). Но такие оценки даже аналогичных явлений у разных народов расходятся, и эти расхождения не всегда удается нейтрализовать в переводе и обеспечить носителям ИЯ и носителям ПЯ объективные предпосылки для равнозначной интерпретации высказывания в оригинальном и переводном вариантах.

К понятию «культура» относятся лишь достаточно устойчивые факторы материальной и духовной жизни народа, характерные для общества в целом, прочно вошедшие в его жизнь на данном историческом этапе или уже ставшие достоянием истории. Представляется, что к культуре нельзя относить временные, преходящие явления. Однако нередко именно сведения о такого рода явлениях бывают необходимы для адекватной интерпретации конкретного сообщения. Например, фраза: *Какой кросс мы выдали! Куда там Валерию Борзову!* Данный фрагмент, взятый из повести С. Высоцкого «Выстрел в Орельей Гриве», построен на предположении, что читателю известно имя олимпийского чемпиона по бегу на коротких дистанциях Валерия Борзова.

Преинформацию, не обладающую культурно-исторической значимостью, можно именовать «переменной».

Все сказанное о факторах лингвоэтнического барьера обобщено в схеме на рисунке 5.

Каждый из перечисленных факторов лингвоэтнического барьера имеет свою специфику, и в том числе свой удельный вес, как фактор «антикоммуникативного» свойства, препятствующий общению носителей ИЯ и ПЯ без языкового посредника. Следовательно, неосуществленная нейтрализация того или иного из этих факторов по-разному (с разной отрицательной силой) сказывается на двуязычной коммуникации с переводом, на качестве последнего.

Для теории и практики перевода очень важно понять специфику каждого «антикоммуникативного» фактора лингвоэтнического

Рис. 5

барьера, его весомость, ибо это существенно поможет осознанию цели переводческих действий, степени их обязательности, их иерархии и, как результат этого, позволит переводчику действовать более направленно, постоянно отдавая себе отчет в степени необходимости осуществляемых приемов.

Составить представление о влиянии отдельных факторов лингвотнического барьера удобнее всего, рассматривая перевод как цепочку последовательных действий (операций), направленных на поэтапное преодоление этих факторов, и соответствующий им ряд промежуточных результатов (состояний создаваемого текста), завершающийся конечным результатом. Сразу же оговоримся, что мы не ставим вопрос о том, насколько психологически реальны умственные действия, совершаемые переводчиком, и промежуточные результаты, о которых пойдет речь. Наша цель — не исследование в области психологии перевода, а познание перевода в методических целях, и прежде всего уяснение его детерминирующих факторов.

Среди шагов, направленных на преодоление лингвотнического барьера, первым и совершенно необходимым является перемещение ИТ (как минимум, доминантных элементов его содержания) в иную языковую систему. Иными словами, ИТ должен быть выражен с помощью средств и по законам системы ПЯ. Без этого шага перевод невозможен и неосуществимы все последующие шаги. Результат этого действия можно представить себе как буквальный перевод, а точнее как перевод-подстрочник, предназначенный для дальнейшей обработки, например:

The way that people spend their money, and the objects on which they spend it, are the last areas where free choice and individuality can be expressed.

То, как люди тратят деньги и на что они их тратят, — это самая последняя область, где можно проявить свободу выбора и индивидуальность.

Подстрочный перевод может содержать отклонения от нормы ПЯ и узуса, он также может быть неадекватен преинформационному запасу носителей ПЯ (недостаточно понятен им).

Следующим этапом должно стать устранение отклонений от нормы ПЯ. Недостаточная нормативность ПТ в принципе не влияет на смысловое восприятие, хотя и может затруднить его понимание. Отрицательное влияние ненормативности выражается в том, что она вызывает представление о некоей неправильности¹ и подрывает доверие к переводу и переводчику. В. Д. Уваров отмечает, что вся ситуация перевода держится на доверии говорящего и слушающего к посреднику — переводчику².

С целью устранения ненормативности перевода-подстрочника переводчик предпринимает определенные трансформации, например:

То, как люди тратят деньги и на что они их тратят, — это самая последняя область, где можно проявить свободу выбора и индивидуальность.

В том, как и на что потратить деньги, трудно проявить свободу выбора и индивидуальность.

В результате трансформации из текста устранено, вероятно, возможное с точки зрения системы русского языка и потому осмысленное и понятное словосочетание *самая последняя область*, которое, однако, противоречит норме русского языка.

Следующий шаг на пути создания эквивалентного перевода — преодоление расхождения узусов, действующих в коллективах носителей ИЯ и носителей ПЯ, т.е. придание тексту узуальности. В нашем случае тексту необходимо придать форму, принятую, например, в статьях, содержащих советы покупателям: *Совершая покупки, покупателю трудно сделать свой собственный выбор*.

Возможно, кое-кому придание тексту узуальной формы может показаться делом второстепенным. Поэтому скажем еще несколько слов по этому поводу.

Действительно, речевая норма (узус) менее обязательна, чем норма языковая, и поэтому можно считать, что в каком-то смысле преобразования, осуществляемые ради достижения узуальности, носят менее обязательный характер. Так же как и нормативные нарушения, узуальная неадекватность ПТ не влечет за собой смысловых искажений, однако перенасыщение ПТ неузуальными единицами и конструкциями затрудняет его смысловое восприятие и, согласно данным некоторых исследований, вызывает «подозрительность и недоверие» у получателей перевода, что не по-

¹ См.: Гак В. Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка. — С. 6.

² См.: Уваров В. Д. О трех направлениях в переводческих исследованиях // Тетради переводчика. — 1978. — Вып. 15. — С. 17.

зволяет в полной мере достигнуть запланированного коммуникативного эффекта¹.

Отдельное нарушение частотного принципа отбора языковых средств — использование во имя наибольшей точности передачи исходного содержания единиц, малохарактерных для текста данного коммуникативно-функционального жанра, выбор нетипичного способа выражения — не отражается существенно на качестве перевода (его коммуникативно-функциональной эквивалентности). Однако, если такие нарушения происходят часто и ПТ перенасыщается неузуальными единицами и конструкциями, это затрудняет его восприятие, создает неравенство предпосылок для достижения коммуникативного эффекта в сферах носителей ИЯ и носителей ПЯ, поскольку для последних возникают дополнительные «неуловимые» препятствия. Об этом хорошо сказал Константин Симонов в письме к одному немецкому писателю по поводу перевода его романа на русский язык: «Как человек, не знающий немецкого языка, я не могу, разумеется, судить сколько-нибудь профессионально о тонкостях перевода, о его идентичности и т. д. и т. п., но просто как русский читатель Вашего романа, воспринимающий всю его художественную ткань на русском языке, хочу сказать, что, на мой взгляд, роман Ваш на русском языке звучит превосходно. Его читаешь, все время размышляя над ним, но нигде не спотыкаясь о те неуловимые препятствия, которые создает перевод плохой или неточный»². Аналогичные мысли высказывают и исследователи перевода. Для того чтобы читатель мог «соглашаться с мыслями автора или, напротив, отвергать их... — пишет Т. В. Воеводина, — привычная форма текста нужна не меньше, чем привычное (орфографически правильное) написание. Если бы каждый пишущий писал слова, как бог на душу положит, читающий сосредоточивал бы внимание только на разглядывании и разгадывании буквенной оболочки слов. Здесь уже не до содержания»³. А. Нойберт оригинально поясняет эту проблему с помощью следующего сравнения: тот, кто запомнил номер телефона 37195 как «три — семь — один — девять — пять», может не узнать его, если услышит его в иной «компоновке», например: «тридцать семь — сто девяносто пять»⁴.

При переводе художественной или публицистической прозы воспроизведение оригинала узуально неравноценными средствами ис-

¹ См.: Денисенко Ю. А. О некоторых приемах «обусловленной» компрессии при переводах с русского языка на английский // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: Материалы Всесоюзной научной конференции. — М., 1975. — Ч. 1. — С. 139.

² Симонов К. М. Письма // Литературная газета. — 1979. — 10 янв.

³ Воеводина Т. В. О соответствии перевода жанровым традициям ПЯ в свете социологической теории перевода // Тетради переводчика. — Вып. 16. — С. 84.

⁴ Нойберт А. Прагматические аспекты перевода. — С. 202.

кажает стилистические характеристики текста, создавая иллюзию индивидуального (авторского) стилистического приема там, где его нет.

Расхождения узусов, действующих в коллективах носителей ИЯ и носителей ПЯ, могут касаться не только особенностей построения словосочетаний и фраз, но также и традиций структурирования целых текстов. Так, например, мы уже говорили о том, что статьи в западных газетах чаще, чем у нас, строятся по принципу «от общего к частному», в то время как у нас — чаще по принципу «от частного к общим выводам». Такого рода расхождения узусов не могут быть нейтрализованы в переводе, ибо для этого необходимы преобразования, в переводе недопустимые.

В свете всего сказанного об узусе его можно рассматривать как правила речевого поведения человека. Учет и соблюдение этих правил создают предпосылку для того, чтобы они стали частью общественной практики и адекватно воспринимались членами общества.

Понятие узуса непосредственно соотносится с психологическим понятием эталона восприятия. Узуальность речи является тем ее свойством, которое позволяет получателям использовать находящиеся в долговременной памяти эталоны восприятия и опираться в процессе идентификации и интерпретации речи на прошлый опыт. Соответственно частые нарушения узуса затрудняют как ориентировку в речевом поведении отправителя речи, так и восприятие и интерпретацию высказывания.

Аналогичные последствия имеет привнесение чужого узуса в текст перевода. Так, например, в испанской ораторской речи традиционно употребляется больше экспрессивных средств, чем, к примеру, в русских и немецких ораторских выступлениях. Поэтому, если сохранить в переводе всю экспрессию оригинала, у носителя ПЯ, привыкшего к иным, более скупым ораторским традициям, может возникнуть неблагоприятное впечатление от оратора (дурной вкус, высокопарность и т. п.). «Там, где испанец может получить эстетическое наслаждение от страстности оратора, — пишет К. Райс, — у немца может легко сложиться впечатление излишеств и нагромождений, которое может нарушить общее впечатление»¹. Именно поэтому в подобных случаях делаются поправки на узус ПЯ с помощью соответствующих компенсирующих расхождений ИТ и ПТ (замены части экспрессивных единиц ИТ нейтральными).

Из сказанного следует, что узуальная неадекватность перевода не только в какой-то мере затрудняет смысловое восприятие, но также нарушает адекватность эмоционального и эстетического эффекта, дает искаженное представление о личности автора.

¹ Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 222.

В отличие от узуальной неадекватности перевода его языковая ненормативность не способна исказить «облик» автора, ибо в силу своей грубой элементарности ошибка в языковой норме всегда будет отнесена на счет переводчика. Узуальные ошибки могут быть как грубыми, так и более или менее тонкими. Сталкиваясь с ними, читатель или слушатель перевода не всегда может отличить недостаточно квалифицированный перевод от плохого стиля автора оригинала. Из-за этого и по другим причинам, о которых будет сказано в разделе, посвященном переводческим ошибкам, узуальные недочеты представляют собой род наиболее коварных ошибок перевода.

Следующим фактором влияния лингвоэтнического барьера является **расхождение преинформационных запасов** носителей ИЯ и носителей ПЯ. Преинформационная неадекватность ПТ, возникающая опять же при переводе «один к одному», без учета того, что носители ПЯ не располагают экстралингвистическими сведениями, необходимыми для адекватной интерпретации текста, может привести к непониманию или неполному пониманию авторской мысли, к несоответствию коммуникативного эффекта авторской интенции. Поэтому в процессе перевода приходится прибегать к такому приему, как введение в текст дополнительной информации (преобразование не содержащейся в тексте экстралингвистической информации в разряд текстуальной информации), использование примечаний переводчика.

Таким образом, детерминированные лингвоэтническим барьером модифицирующие переводческие действия направлены на нейтрализацию таких факторов (слагаемых) лингвоэтнического барьера, как расхождения систем ИЯ и ПЯ, норм ИЯ и ПЯ, узусов, действующих в коллективах носителей ИЯ и носителей ПЯ, и, наконец, несовпадение преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ. Необходимость нейтрализации влияния каждого из названных факторов детерминируется его собственной «антикоммуникативной» спецификой, отличающейся от аналогичной специфики других факторов лингвоэтнического барьера. Суть «антикоммуникативной» специфики каждого из названных факторов выражается в том ущербе для двуязычной коммуникации с переводом, который возникает в тех случаях, когда тот или иной фактор лингвоэтнического барьера не нейтрализован или нейтрализован в недостаточной мере. Рассмотрим возможные результаты недоучета выделенных факторов.

Расхождение систем ИЯ и ПЯ. При полном отсутствии нейтрализации этого расхождения можно сказать, что не существует перевода, не достигается двуязычная опосредованная коммуникация. При отдельных дефектах в переходе от системы ИЯ к системе ПЯ возникает затрудненность как смыслового восприятия (неясности, смысловые ошибки), так и эмоционального восприятия ПТ.

Расхождение норм ИЯ и ПЯ. Недостаточная нейтрализация этого фактора лингвоэтнического барьера ведет к нарушению эмоционального и эстетического воздействия, создает у получателя ИТ недоверие к переводу и к переводчику, в некоторых случаях затрудняет смысловое восприятие.

Расхождение узусов. Недостаточный учет и неполная нейтрализация этого фактора проявляются в перенесении чужого узуса в ПТ. Для частых случаев узуальной неадекватности характерны затрудненность смыслового восприятия, нарушение эмоционального и эстетического воздействия, появление сомнений в качестве перевода и в квалификации переводчика или искаженного представления об авторе, манере его речи.

Расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ. Не восполненная переводчиком нехватка коммуникативно-релевантной преинформации у носителей ПЯ может иметь следствием различные степени нарушения смыслового восприятия сообщения: от частичного до полного непонимания содержания высказывания с соответствующей неадекватностью эмоционального и эстетического эффекта.

Нетрудно заметить, что в действиях, направленных на нейтрализацию перечисленных факторов лингвоэтнического барьера, просматривается определенная иерархия. Так, бессмысленно говорить о нейтрализации какого бы то ни было другого фактора лингвоэтнического барьера, если не нейтрализовано расхождение систем ИЯ и ПЯ. Соответственно нейтрализация узусов предполагает, что уже сведено на нет расхождение языковых норм.

Как детерминант переводческих действий лингвоэтнический барьер определяет качество (интенсивность) и количество модификаций транслируемого содержания, необходимых, чтобы уравнять лингвоэтнические предпосылки для восприятия и интерпретации ИТ и ПТ.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите две основные детерминанты переводческих действий.
2. Определите существо понятия «лингвоэтнический барьер» между двумя языковыми системами.
3. Назовите факторы влияния лингвоэтнического барьера.
4. Дайте примеры проявления этих факторов.
5. В каких случаях языковая и речевая нормы становятся значимыми для перевода?
6. Определите практическое соотношение речевой и языковой норм при достижении коммуникативных целей.
7. Как решаются проблемы расхождения преинформационных знаний?
8. В чем причина комплексного характера проблемы преодоления лингвоэтнического барьера?

ОПЕРАЦИОННЫЙ СОСТАВ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

В своей наиболее существенной части процесс перевода протекает в мозгу переводчика и поэтому ненаблюдаем. Более того, многие умственные действия переводчика (перебор вариантов с постепенным приближением к оптимальному) происходят за порогом его сознания, поэтому даже самонаблюдения опытных переводчиков-практиков и теоретиков перевода, имеющих богатейший опыт практической работы, не могут дать реальной картины происходящего. Из-за этого говорить о характере переводческих действий и операций приходится в основном лишь гипотетически, опираясь главным образом на результаты сопоставления ИТ и ПТ, домысливая при этом, какими путями, с помощью каких приемов переводчик приходит от исходного материала к конечному. Такой способ исследования процессов, недоступных для непосредственного наблюдения, достаточно распространен в современной науке и получил наименование метода логического моделирования.

На основании наших предыдущих наблюдений и выводов действия переводчика, связанные с воспроизведением содержания и структуры ИТ, можно в соответствии с их целями подразделить на транслирующие и модифицирующие. Логично предположить, что возможны действия смешанного характера — транслирующе-модифицирующие.

Цель транслирующих действий заключается в том, чтобы ПТ с помощью средств ПЯ в максимальной мере отражал содержание и структуру ИТ, в том числе обязательно функциональные доминанты содержания. Без известной, оптимальной для каждого отдельного случая, меры отраженности содержания и структуры ИТ в ПТ перевод может быть отвергнут как недостаточно точный (по содержанию) или слишком вольный (произвольный с точки зрения структуры текста, подбора средств выражения и т. п.). В самых крайних случаях иноязычному тексту вообще может быть отказано в статусе перевода.

Цель модифицирующих действий состоит в том, чтобы содержательно-структурное отражение ИТ, содержащееся в ПТ, опре-

деленным образом отклонялось от оригинала. Цель этих отклонений — необходимость компенсировать принадлежность носителей ПЯ к иной лингвоэтнической общности и создание для них приблизительно тех же лингвоэтнических предпосылок для восприятия текста и реакции на него, которыми обладают носители ИЯ.

Оптимальный вариант перевода достигается взвешенным соотношением транслирующих и модифицирующих переводческих действий.

Объединенные транслирующе-модифицирующие действия должны рассматриваться как переводческие усилия, одновременно направленные на достижение названных целей.

Чисто транслирующие переводческие действия, скорее всего, представляют собой достаточно редкое явление. Как таковые могут рассматриваться, пожалуй, только простейшие случаи перевода, в результате которых возникает своего рода семантико-структурная калька оригинала, например: *mein Bruder wohnt bei den Eltern* — *мой брат живет у родителей*; *my wife works at hospital* — *моя жена работает в больнице* и др. Гораздо чаще (в том числе и в элементарных случаях) трансляция исходного содержания и структуры сопровождается в большей или меньшей степени неизбежными модификациями (сравните: *ich spaziere gern* — *я люблю гулять*; *she starts reading* — *она начинает читать*). Так что, осуществляя передачу в ПТ содержания и структуры ИТ, переводчик, по-видимому, чаще прибегает (вынужденно) к транслирующе-модифицирующим действиям, нежели к чисто транслирующим.

Легче представить себе возможность чисто модифицирующих действий, которые следуют за первичными транслирующими (транслирующе-модифицирующими) действиями, создающими сырой вариант (перевод-подстрочник), который затем с помощью модифицирующих действий доводится до состояния функционально-эквивалентного перевода.

Цели модифицирующих действий могут быть конкретизированы в зависимости от того, на нейтрализацию какого «участка» лингвоэтнического барьера они направлены. Соответственно сами модифицирующие действия могут быть подразделены на системно-нейтрализующие, нормативно-нейтрализующие, узуально-нейтрализующие и преинформационно-нейтрализующие. Транслирующие (транслирующе-модифицирующие) действия могут быть подразделены в зависимости от того, на передачу какого из вышеописанных видов текстового содержания они направлены (см. табл. 2 на с. 97).

Подразделяя переводческую деятельность на этапы, мы не можем обойти вопрос о том, какие из них следует считать действиями, а какие — операциями. Сущность действия, его идентичность определяются отнюдь не только той целью, на которую оно направлено. Как отмечает А. Н. Леонтьев, «помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто) действие имеет и

свой операционный аспект (как, каким образом это должно быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а предметными условиями ее достижения»¹. Действие, по выражению А. Н. Леонтьева, «имеет свою особую сторону, особую... "образующую", а именно способы, какими оно осуществляется»², именуемые операциями.

В чем отличие действий от операций?

В существенной части оно заключается в том, что в противоположность действию, цель которого всегда осознается актуально, цель операций реально не выделяется. Действие, превратившись в операцию, психологически как бы перестает существовать для субъекта. Говоря иначе, операция — это нечто автоматизированное, не всегда актуально осознаваемое, подчиненное цели действия. По выражению А. Н. Леонтьева, «судьба операций — рано или поздно становится функцией машины»³. Следует также упомянуть о том, что операция может быть осознана субъектом и превратиться в осознанную операцию. Благодаря осознанной операции расширяется сфера «сознательно контролируемого»⁴.

Подобно тому как одно и то же действие может входить в осуществление разных видов деятельности, переходить из одной деятельности в другую, одна и та же операция может служить разным целям, т. е. включаться в состав разных действий. Другими словами, как действия по отношению к деятельности, так и операции обладают относительной самостоятельностью.

Соотношение действий и операций, определение границ между ними представляют собой весьма сложную задачу. Один и тот же по своему содержанию процесс с психологической точки зрения может получить статус либо действия, либо операции. «Всякая... операция, — считает А. Н. Леонтьев, — есть результат преобразования действия, происходящего в результате его включения в другое действие и наступающей его "технизации"»⁵. Так, например, чтение на первоначальном этапе его усвоения выступает как действие, включающее в себя ряд операций: узнавание букв, умение складывать их в слоги, слова и т. д. После того как вырабатывается автоматизированный навык чтения, оно перестает быть действием. «Свернувшись» в операцию, навык входит в состав самых различных действий и деятельностей — изучения учебных предметов, конспектирования, реферирования, перевода и т. д. С другой стороны, если, к примеру, человек становится профессиональным диктором, чтение из операции может для него вновь превратиться в действие с актуально осознаваемой целью.

¹ Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности. — С. 15.

² Там же.

³ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М., 1981. — С. 309—312.

⁴ Там же.

⁵ Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности. — С. 16.

Поэтому будем иметь в виду, что рассматриваемые нами переводческие приемы в определенных случаях могут приобретать характер действий с актуально осознаваемой целью, хотя, на наш взгляд, гораздо чаще они представляют собой операции, составляющие транслирующие и модифицирующие действия. Операции же — это фиксированные способы осуществления действия, продукт общественной практики. Операции, как правило, вырабатываются, обобщаются и фиксируются общественно-исторически, так что каждый отдельный индивид обучается операциям, усваивает и применяет их.

На каком-то этапе познания и совершенствования деятельности наступает этап осознания операций, что позволяет расширить сферу создаваемого и сознательно контролируемого. Существенно также то, что операции могут быть изолированы от деятельности человека и изучаться как непсихологические процессы непсихологическими методами в таких науках, например, как математика, логика и языкознание и т. д.

Именно по такому пути шло переводоведение. Первый и очень важный шаг в изучении переводческих приемов был сделан Я. И. Рецкером¹. При этом вопрос о психологической реальности выделяемых переводческих операций не ставился; они вычленились путем сопоставительного анализа ИТ и ПТ. Выделение переводческих приемов обогатило переводческую практику и расширило возможности обучения переводу. Эти приемы представляют собой некоторые переводческие прецеденты, готовые решения, которые можно применять на практике.

Переводческие приемы, которые вычлениются при сопоставлении ИТ и ПТ, легко и естественно распадаются на два класса: подстановки и трансформации. С подстановками мы имеем дело, когда отрезок текста переведен «слово в слово», а трансформации — это тот случай, когда перевод в более или менее существенной степени удаляется от оригинала, например:

Das Lied da kenne ich. Es hat mehrere Strophen, *die sich mächtig steigern*.
(*Remarque E. M. Drei Kameraden*)

Я знаю эту песню. В ней несколько куплетов, *и текст чем дальше, тем красочнее*.

(*Ремарк Э. М. Три товарища*)

Если отвлечься от изменения порядка слов, то можно сказать, что первое предложение переведено здесь с помощью подстановок. Что касается второго, то при его переводе использовались разнообразные трансформации.

Или другой пример:

You will observe the cover has no reading on it, but *only seven stars*.

Вы обнаружите, что на обложке книги нет надписи, а *нарисованы только семь звезд*.

¹ См.: Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1974.

В данном случае при переводе произошли заметные синтаксические трансформации и появились дополнительные члены: косвенное дополнение в первой части и сказуемое во второй.

Подразделение переводческих операций на два основных класса — подстановки и трансформации — основывается на наличии между языками черт семантического и структурного сходства, так называемых *языковых параллелей*. В одной паре языков такие параллели более ярко выражены, в другой — менее, но они всегда имеются, поскольку, если бы их вообще не было, перевод с одного языка на другой оказался бы невозможным.

В рамках таких пар, как немецкий и русский или английский и русский языки, параллелей насчитывается немало: параллелизм семантических (словарных) значений слов и устойчивых словосочетаний, категориальных и грамматических форм (частей речи, глагольных форм, падежных форм существительных, форм прилагательных, местоимений, числительных и т. д.), параллелизм членов предложений, моделей предложений и словосочетаний и т. д.

Способы перевода, основанные на максимально возможном семантико-структурном параллелизме ИЯ и ПЯ, мы будем именовать подстановками, а способы, использующие мотивированный отход от потенциально возможного семантико-структурного параллелизма ИТ и ПТ, — переводческими трансформациями. Иначе говоря, подстановки — это переход от ИТ к ПТ по объективно существующим семантико-структурным параллелям ИЯ и ПЯ; трансформации — переход от ИТ к ПТ с отсутствием в той или иной части языковых параллелей.

Уже из данного нами определения подстановок следует, что они представляют собой в принципе транслирующие переводческие операции, направленные на воспроизведение в ПТ с помощью системных средств ПЯ тех или иных семантических и структурных свойств ИТ. Однако надо иметь в виду, что, будучи транслирующими операциями на одном (более низком) уровне, подстановки могут препятствовать трансляции содержания на другом (более высоком) уровне.

Поясим эту мысль.

Понятие «подстановка» применимо к самым различным этапам и аспектам трансляции, к самым различным единицам и свойствам ИТ и ПТ. Так, например, можно говорить о подстановке на уровне лексем, когда эквивалентом исходной лексемы¹

¹ В принципе переводческая эквивалентность устанавливается на уровне текстов (ИТ и ПТ). Относительно самостоятельными переводческими эквивалентами в рамках текстов являются речевые произведения на уровне предложения. Однако принципиальный изоморфизм языков, проявляющийся, в частности, в наличии таких универсалий, как предложение и слово, грамматические категории и лексические значения, приводит к тому, что эквивалентность речевых произведений естественным образом влечет за собой и эквивалентность их составляющих, т. е. речевых отрезков («синтагм») и языковых единиц разных уровней. Выявление взаимоэквивалентных единиц в рамках ИТ и ПТ помогает понять механизм перевода и имеет значительную методическую ценность.

является аналогичная (наиболее близкая ей по значению лексема ПЯ). Сравните:

Ich weiß, was die Erziehung eines Kindes ist.	— Я знаю, что такое воспитание ребенка.
I know how to bring up a child to love its country.	— Я знаю, как воспитать в ребенке любовь к Родине.

При совпадении значений, выраженных разными частями речи, можно говорить о подстановке на уровне денотативных значений. Сравните:

Ich weiß, was die Erziehung eines Kindes ist.	— Я знаю, что такое <i>воспитывать</i> ребенка.
I know how to bring up a child to love its country.	— Я знаю, как <i>научить</i> ребенка <i>любить</i> Родину.

Возможны подстановки на уровне морфем, например: *die Vorstellung* — *представление* (*to bring up* → *to teach* → *научить*). Возможны синтаксические (параллелизм синтаксических конструкций) и другие виды подстановок.

Единицы всех уровней языка и речи неоднозначны. Содержание единиц более высокого уровня не есть сумма содержания единиц более низкого ранга не обеспечивает автоматическую трансляцию на более высоком уровне, а часто даже препятствует ей (ведет к искажению содержания в его наиболее существенной части, неточностям, неясностям). Так, к примеру, если перевести по морфемам немецкий глагол *auslasten*, то, казалось бы, должно получиться *разгружать*. Однако *auslasten* означает, скорее, противоположный процесс: *загружать работой, загружать производственные мощности, использовать рабочую силу*. Если учесть, что английское *cover* — *укрывать*, а *discover* — *раскрывать*, то можно было бы ожидать, что *disaffected* при морфемном переводе будет означать: 1) *нетронутый*, 2) *не подверженный влиянию*, поскольку известно, что *affected* означает: 1) *тронутый, задетый*; 2) *находящийся под влиянием*. На самом деле такая аналогия невозможна и *disaffected* означает: 1) *недовольный, настроенный против*; 2) *неверный, предательский*.

Если перевести *leichtes Maschinengewehr* по лексемам как *легкий пулемет*, это также будет неверно (следует: *ручной пулемет*), и *soft copy* — это не *мягкая копия*, а *недокументальная копия*, а *soft drink* — это не *мягкий*, а *безалкогольный напиток*. Если в последних примерах перевод по лексемам дает пусть отдаленный, но понятный результат, то в таких случаях, как *soft energy* — *энергия из возобновляемых источников*; *soft glass* — *легкоплавкое стекло* или *soft keyboard* — *многофункциональная программируемая клавиатура*, перевод по лексемам абсолютно невозможен.

Таким образом, подстановки оказываются транслирующими действиями только в тех случаях, когда правильно определены их масштабы и соотношения. Иначе они могут сыграть дезинформирующую роль.

Из большого многообразия подстановок мы подробно остановимся лишь на лексических подстановках (лексема → лексема). Именно с ними связаны наиболее типичные переводческие трудности, и они особенно наглядно демонстрируют суть этого переводческого приема.

Хорошо известно, что разные языки по-разному отражают и закрепляют в значениях своих лексических единиц объективную действительность. В результате значения даже тех лексических единиц ИЯ и ПЯ, которые принято рассматривать как словарные эквиваленты, лишь частично покрывают друг друга. Слов с полностью идентичным значением крайне мало. В ИЯ могут быть такие единицы, для которых в лексическом запасе ПЯ нет «готовых» лексических соответствий. Например, в русском языке нет прямого эквивалента английскому термину *shelf-filler*, который означает рабочее в супермаркете, заполняющего полки товаром.

Если схематически изобразить все реально существующие типы соотношения лексических единиц ИЯ и ПЯ как двух сопоставляемых языковых систем¹, можно выделить пять вариантов (см. схему на рис. 6).

Знание разных типов системного соотношения единиц ИЯ и ПЯ необходимо переводчику, поскольку на их основе устанавливается отношение взаимозаменяемости между единицами ИТ и ПТ, причем каждый из этих типов может быть использован при подборе переводческих эквивалентов.

Изображение I символизирует тот редкий случай, когда замещаемая единица ИЯ и замещающая единица ПЯ полностью совпадают по своему системному (словарному) значению. Соотношение полного словарного тождества характерно прежде всего для

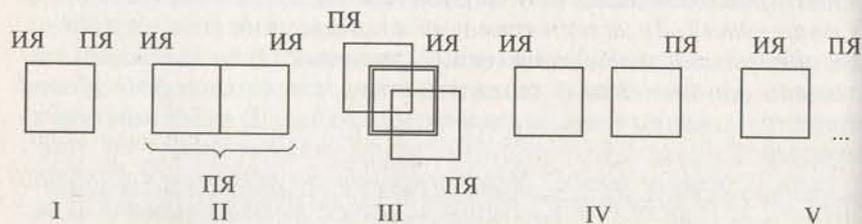

Рис. 6

¹ Подчеркивая, что речь идет о системных соотношениях лексических единиц, мы противопоставляем их тем соотношениям, которые возникают в речи, когда неравнозначные единицы словаря могут стать равнозначными (широко известное явление контекстуальной синонимии). И наоборот, словарные синонимы могут вступать в антонимические отношения.

ряда так называемых интернационализмов: *der Kommunismus* (англ. *communism*) — коммунизм; *das Ministerium* (англ. *ministry*) — министерство¹; многих терминов из специальных областей знаний: *die Kernenergie* (англ. *nuclear energy*) — ядерная энергия; *die Seetüchtigkeit* (англ. *navigability*) — мореходность; некоторых обозначений родства: *die Nichte* (англ. *niece*) — племянница, *der Sohn* (англ. *son*) — сын; наименований национальностей: *der Däne* (англ. *Dane*) — датчанин, *der Spanier* (англ. *Spaniard*) — испанец, а также названий животных, растений, плодов и некоторых других слов.

В описанных случаях у переводчика не возникает сложностей с выбором переводческого эквивалента, да, как правило, и нет самого выбора (за исключением отдельных случаев, когда возможны синонимические замены типа: *Netherlander* — *Dutchman* — нидерландец — голландец; *Grusinier*, *Grusiner*, *Georgier* — грузин; *Tomaten* — помидоры, томаты).

Соответственно сам переводческий прием в такой ситуации можно именовать **простой лексической подстановкой**.

Изображение II передает также относительно редкое соотношение лексических единиц ИЯ и ПЯ, когда один этнический коллектив в чем-то видит один класс явлений, а другой — несколько классов. Соответственно то, что в одном языке обозначается одним словом, в другом обозначается несколькими (чаще всего — двумя). Так, например, для русских *палец* — это подвижная конечная часть кисти руки, стопы ноги или лапы животного. В немецком языке словом *Finger* (англ.: *finger*) обозначают только пальцы руки, а пальцы ноги человека и лапы животного обозначаются словом *Zehe* (англ.: *toe*). Другие примеры:

- цветок* (травяных растений) — *die Blume* (нем.), *flower* (англ.);
- цветок* (на дереве, на кусте) — *die Blüte* (нем.), *blossom* (англ.);
- кость* (позвоночных, но не рыб) — *der Knochen* (нем.), *bone* (англ.);
- кость рыбы* — *die Gräte* (нем.), *bone* (англ.);
- слоновая кость* — *Elfenbein* (нем.), *ivory* (англ.);
- рука* — *die Hand* + *der Arm* (нем.), *hand* + *arm* (англ.);
- нарыв + язва* — *das Geschwür* (нем.), *abscess* (англ.);
- синий + голубой* — *blau* (нем.), *blue* (англ.).

¹ Следует особо подчеркнуть, что отнюдь не всегда пара слов, сходно звучащих в двух языках (интернационализмов), имеет одинаковое значение. Многие из них в разных языках обозначают различные явления, например: немецкое *der Routinier* означает не *рутинер*, а *опытный специалист*; *der Aktive* в текстах на спортивную тематику — *спортсмен*; *der Kultusminister* в ФРГ — это отнюдь не *министр культуры*, а *министр культуры*. Сравните в английском языке: *accuracy* — не *аккуратность*, а *точность* (*аккуратность* — *neatness*); *elements* — не *элементы*, а *факторы* или *стихия* (*элементы* — *componentry*); *intelligent* (англ., нем.) — не *интеллигентный*, а *умный*, *мышленный*. Слова ИЯ, сходно звучащие со словами ПЯ, но имеющие разные или частично разные с ними значения, именуются «ложными друзьями переводчика». Существуют специальные словари «ложных друзей переводчика» для различных пар языков.

При подборе эквивалента в этих и аналогичных случаях перед переводчиком стоит, как правило, несложная задача: выбрать одно из возможных лексических соответствий, т.е. решить альтернативу, которая чаще всего достаточно проста как в силу ее очевидности, так и потому, что один из имеющихся в выборе вариантов обязательно подойдет. Поэтому соответствующую операцию мы предлагаем именовать *простой альтернативной подстановкой*.

Однако иногда осуществление этого в подавляющем большинстве случаев простого приема заметно осложняется. Это бывает, когда ни ИТ, ни ситуативный контекст не дают переводчику информации, необходимой для выбора. Представим себе немецкий медицинский текст, где употреблено слово *Geschwür* или аналогичный английский текст со словом *abscess*. Если в них не содержится никакой информации о характере этого явления, а переводчик не располагает достаточными медицинскими знаниями, то у него нет никаких оснований для того, чтобы выбрать один из двух возможных вариантов перевода (*нарыв* или *язва*).

На изображении III представлен наиболее распространенный тип семантических соотношений лексических единиц ИЯ и ПЯ. Значение единицы ИЯ пересекается со значениями нескольких единиц ПЯ, ни одно из которых не покрывает его полностью. Значения единиц ПЯ частично выходят за границы значения единицы ИЯ, в свою очередь, часть элементов значения единицы ИЯ не покрывается значениями единиц ПЯ.

При данном типе соотношения словарная статья двуязычного словаря имеет в своей правой части в качестве эквивалента единицы ИЯ целый ряд лексических единиц ПЯ, отделенных друг от друга запятой. Иногда это считают показателем многозначности единицы ИЯ, однако это неверно. Эквивалентом исходного слова следует считать не отдельные единицы правой части, а их совокупность, точнее, их «среднее значение», то общее, что содержится в каждой из них. Мысленно представив себе это «среднее значение» и подставив его в создаваемый контекст, мы найдем искомым переводческий эквивалент единицы ИЯ. При этом найденный эквивалент может быть как из числа перечисленных в словарной статье, так и из числа не содержащихся в ней вариантов.

Именно этот метод позволяет избежать одну из двух типичных ошибок при работе со словарем: выбрать из числа предлагаемых словарем вариантов тот, что не подходит для данного контекста (1); выбрать один из вариантов, предлагаемых словарем, в то время как требуется вариант, не содержащийся в нем (2).

Иногда требуемый переводческий эквивалент приходится искать за пределами словарной статьи, ибо она не может вместить все единицы ПЯ, с которыми так или иначе пересекается единица ИЯ и которые в каких-то контекстах могут становиться ее переводческими эквивалентами. Словарная статья содержит лишь те

единицы ПЯ, которые в значительной мере совпадают по своему значению с единицей ИЯ и представляют собой ее наиболее регулярно повторяющиеся переводческие эквиваленты.

Возьмем в качестве примера словарную статью с глаголом *sich ergeben* из Большого немецко-русского словаря под редакцией О. И. Москальской (М., 1980):

sich ergeben — оказываться, получаться; вытекать, проистекать, явствовать;

es ergab sich, dass... — оказалось, что ...;

hieraus ergibt sich... — отсюда следует ...;

daraus ergaben sich schwere Folgen (unvorhergesehene Schwierigkeiten) — это повлекло за собой тяжелые последствия (непредвиденные трудности).

Приведенные в словарной статье русские системные эквиваленты немецкого глагола и варианты перевода выражений с ним позволяют без труда представить его инвариантное (т.е. присутствующее во всех вариантах употребления) значение, которое схематически можно изобразить следующим образом: $A \rightarrow B$.

Исходя из полученного представления об инвариантном значении глагола *sich ergeben* переведем самые различные высказывания с ним, в том числе и в тех случаях, когда в качестве его эквивалентов требуются лексические единицы, не перечисленные в словарной статье. Например:

Bald *ergab sich* eine lebhafte Diskussion.

Вскоре *развернулась* оживленная дискуссия.

Wenn *sich* eine günstige Gelegenheit *ergibt*, werde ich diese Frage aufwerfen.

Если *предоставится* благоприятная возможность, я поставлю этот вопрос.

Beim ökonomischen Experiment *ergaben sich* neue Möglichkeiten für die weitere Vervollkommnung des wirtschaftlichen Mechanismus.

В ходе экономического эксперимента *выявились (открылись)* новые возможности совершенствования хозяйственного механизма.

Es *ergaben sich* keine weiteren Fragen.

Новых вопросов не *возникло*.

Приведем подобный пример и для изучающих английский язык. Глагол *to follow*:

1) следовать, идти за: *follow me!* — за мной!

2) заниматься чем-либо;

3) быть преемником, последователем;

4) вытекать (логически);

5) следить (глазами);

6) понимать: *do you follow me?* — понятно?¹

¹ См.: Большой англо-русский словарь / Под ред. И. Р. Гальперина, Э. М. Медниковой. — М., 1987.

Эта краткая словарная справка представляет наиболее вероятную картину функционирования этого глагола и позволяет дать адекватные переводы различных текстов¹.

I opened the door for her in silence, and *followed* her out.

Я молча открыл ей дверь и *последовал* за ней.

He was the most *followed* man of the town.

Он был самым *популярным* человеком в городе.

Old Testament angelology *follows* the opposite path.

Ветхий Завет *придерживается* иного мнения относительно устройства сообщества ангелов.

Follow this path!

Идите этой дорогой!

Punishment must *follow* conviction, not antecede it.

Наказание должно *следовать* за доказательством вины, не предшествовать ему.

Переводческий прием на основе данного типа системных связей лексических единиц ИЯ и ПЯ мы считаем возможным назвать *сложной подстановкой с дифференциацией значения*.

Изображение IV репрезентирует тот случай, когда слово ИЯ и слово ПЯ как единицы своих языковых систем не пересекаются своими значениями. Однако и при таком соотношении значений единицы ИЯ и ПЯ могут оказаться эквивалентными в переводе. Покажем это на примерах:

höchste Aufmerksamkeit — *самое пристальное* внимание;

bodenlose Ignoranz — *дремучее* невежество;

kompletter Narr — *круглый* дурак;

die Musik setzte ein — *завучала* музыка;

der Wind legte sich — ветер *утих*.

Во взаимодействии русского и английского языков мы продемонстрируем это на примере слова *круглый*:

круглый отвес — *plumb wheel*;

круглый сирота — *child who has lost both parents*;

круглый дурак — *perfect fool*;

круглый год — *the whole year round*;

круглые сутки — *day and night*.

Приведенные пары немецких и русских, русских и английских словосочетаний эквивалентны, однако нельзя сказать, что все их составляющие являются системными эквивалентами или хотя бы пересекаются значениями как единицы своих языковых систем: выделенные курсивом слова оказываются эквивалентами лишь в составе именно этих словосочетаний, а как системные единицы своих языков они настолько далеки по значениям, что это

¹ Примеры заимствованы из Lingvo 7.0.

дает основание изобразить их в виде не соприкасающихся друг с другом квадратов.

Появление в переводе такого рода лексически неэквивалентных переводческих соответствий объясняется тем, что многие из слов в наших примерах (в каждой паре минимум одно) представляют собой стершиеся привычные метафоры: внимание не может быть высоким, а пристальным (в собственном значении этого слова) привычнее считать только взгляд. Вполне естественно, что в разных языках такого рода стершиеся метафоры возникали по-разному, в результате чего весьма далекие по значению слова ИЯ и ПЯ в составе определенных словосочетаний имеют равноценные значения. Соответствующую переводческую операцию, в которой в качестве взаимозаменимых элементов ИТ и ПТ выступают слова, не являющиеся системными (парадигматическими) эквивалентами, мы будем именовать *подбором лексически неадекватного переводческого соответствия*.

Для того чтобы правильно подобрать лексически неадекватное переводческое соответствие, нужно за лексическим значением слова увидеть прямое значение, выражаемое стертой метафорой. Так, например, все прилагательные в словосочетаниях *дремучее невежество*, *глубокое уважение* и *круглый дурак* обладают одним и тем же гиперонимическим значением — высокой степенью некоего состояния. Переводить эти прилагательные на иностранный язык нужно не по их системным значениям, а иным способом: посмотреть в одноязычных словарях, какими средствами иностранного языка выражается высокая степень качества при соответствующих существительных. В немецком словаре мы найдем разные варианты, и в том числе *bodenlose Ignoranz*, *hohe Achtung*, *kompletter Narr*; в английском: *perfect*, *complete*, *whole*, *round*.

Для механизма подобной переводческой операции характерно наличие третьего, промежуточного члена, позволяющего отвлечься от буквального значения слова, употребленного в функции стершейся метафоры: *hohe (Achtung)* → *высокая степень (уважения)* → *глубокое уважение*.

Такого рода способ подбора эквивалентных словосочетаний в переводе весьма конструктивен даже там, где идет речь не о стершихся метафорах и лексически неадекватных переводческих соответствиях.

Можно ли отнести подбор лексически неадекватного переводческого соответствия к подстановкам или следует квалифицировать его как трансформацию? Вспомним: подстановка — способ перевода, основывающийся на максимальном семантико-структурном параллелизме заменяющих средств ПЯ и заменяемых средств ИЯ, в то время как трансформация — мотивированный отход от такого параллелизма. Определяя, где параллелизм, а где отход от него, необходимо учитывать масштаб сопоставляемых отрезков ИТ и ПТ.

При этом возникают определенные противоречия между параллелизмом более крупных отрезков ИТ и ПТ и непараллелизмом входящих в них более мелких отрезков. Так, стандартные словосочетания *hohe Achtung* и *глубокое уважение* в целом являются языковыми параллелями. Учитывая несвободный, в определенной мере фразеологический характер этих словосочетаний, их можно считать также и лексическими параллелями. Однако это не меняет того факта, что *hoch* и *tief* как отдельные единицы языка таковыми не являются. И все же, на наш взгляд, замену *hoch* → *глубокий* в данном случае можно рассматривать как позиционно обусловленную подстановку, поскольку при существительных *Achtung* и *уважение* они являются наиболее естественными взаимными эквивалентами.

В значительной мере эта эквивалентность — факт языкового, а точнее, межъязыкового плана, ибо словосочетания типа *hohe Achtung* и *глубокое уважение* — факт не только речи, но и языка. Это подтверждается тем, что такого рода словосочетания обычно фиксируются в словарях, как одноязычных, так и двуязычных.

Градуирование всей гаммы взаимоотношений, выражаемых, например, английским языком, сильно отличается от русских традиций тем, что словари в подобных случаях фиксируют десятки устойчивых словосочетаний. Словарь Lingvo 7.0 дает более 40 словосочетаний, обозначающих высокую степень уважения.

На изображении V представлен тот случай, когда для слова ИЯ нет лексического соответствия в системе ПЯ и переводчику приходится либо в известном смысле самому создавать такой эквивалент, либо использовать в качестве переводческого соответствия развернутую речевую конструкцию (описательный перевод), либо прибегнуть к другим специальным приемам.

Лексические единицы ИЯ, не имеющие в ПЯ соответствующего эквивалента, именуются безэквивалентной лексикой. При этом «безэквивалентность» не следует понимать как полное отсутствие в ПЯ средств для передачи значения данной лексической единицы ИЯ. Такие средства, как правило, имеются. Под безэквивалентностью лексической единицы ИЯ мы понимаем лишь то, что она не имеет аналога в лексической системе ПЯ, т. е. такого «готового» слова или устойчивого словосочетания, которые можно подставить вместо нее в контексте конкретного перевода.

Укажем причины лексической безэквивалентности. Первая возникает тогда, когда лексическая единица ИЯ обозначает явление, достаточно хорошо известное его носителям и устойчиво вошедшее в лексическую систему ИЯ, однако оно не известно или очень мало известно носителям ПЯ и поэтому, естественно, не отражено в их лексической системе. Обычно это так называемые реалии — явления, характерные для материальной и духовной жизни только данного народа и отсутствующие у других. На определенном отрез-

ке времени безэквивалентными могут оказаться также те или иные научно-технические термины. Затем, по мере распространения информации о научно-технических новшествах, обозначаемых безэквивалентными терминами, они приобретают эквиваленты или кальки в других языках.

Вторая причина лексической безэквивалентности обусловлена несколько иным видением мира разными культурными и этническими сообществами. Это проявляется, в частности, в том, что ПЯ не всегда фиксирует в понятиях и значениях своих лексических единиц то, что уже зафиксировано в ИЯ. То, что для последнего уже стало отграниченным определенными признаками фактом, выделенным из массы подобных словом-названием, для первых таковым еще не является и его выделение происходит по мере необходимости (когда о нем заходит речь) с помощью «спорадических» речевых средств. Так, например, в сознании немцев четко закреплён отрезок суток, именуемый словом *Vormittag*. У русских это время специально не выделено и лексически не закреплено, но в случае необходимости его можно описать словосочетанием *с утра до полудня*. У немецких спортивных комментаторов и болельщиков есть выражение (сложное слово) *Abstauergelegenheit*, характеризующее ситуацию, когда мяч от нападающей команды неожиданно попадает к игроку противника, получающему тем самым возможность беспрепятственно пройти к воротам и забить гол (*Abstaubertor*). В русском языке эту ситуацию и гол, забитый после нее, можно передать только описательно, с помощью развернутого речевого сообщения. Казалось бы, простейшее английское слово *tea* образует многочисленные словосочетания, которым из-за разницы национальных традиций достаточно трудно найти удобные эквиваленты в русском языке. Например, *afternoon tea*, *high tea*, *meat tea* обычно переводятся описательно: *плотный ужин с чаем*, хотя между этими тремя английскими словосочетаниями есть существенные различия, отражающие социальные пристрастия.

Существует несколько способов передачи безэквивалентной лексики.

1. Транслитерация. Суть этого приема заключается в заимствовании иностранного слова, которое затем на письме изображается буквами ПЯ, а в устной речи произносится согласно произносительным правилам этого языка. Немало слов, рожденных этим методом, прочно вошли потом в язык перевода. Так, из немецкого в русский язык перешли слова *импайкбрехер* (*Streikbrecher*), *рейсфедер* (*Reißfeder*) и др. Среди новейших заимствований такого типа из английского языка следует упомянуть *дисплей* (*display*), *грейпфрут* (*grape-fruit*), *ноу-хау* (*know-how*).

Не всегда перевод с помощью транслитерации и последующее введение в речевой обиход слова, созданного таким способом, необходимы и оправданы. Сравните: *эскалация напряженности* и

усиление напряженности, наблизити и популяризация. Создаваемые без необходимости слова-кальки засоряют язык перевода. Однако в ряде случаев без транслитерации трудно обойтись. Этому приему, например, всегда подвергаются при переводе названия газет и журналов, географические названия, другие имена собственные.

Достоинством транслитерации как способа перевода безэквивалентной лексики является ее надежность. Транслитерируя слово, обозначающее нечто малознакомое, недостаточно изученное и понятное носителям ПЯ, переводчик, по сути дела, передает лишь его звуковую оболочку. Содержательная сторона слова раскрывается только через контекст. Тем самым переводчик избегает толкования нового понятия и связанного с этим риска неверной интерпретации.

Недостаток транслитерации как переводческого приема состоит в том, что механическая передача безэквивалентного слова (каковой транслитерация, по сути дела, и является) не способна достаточно полно раскрыть содержание нового понятия, которое может либо остаться вообще непонятым для многих получателей текста, либо будет лишь весьма приблизительно понято из контекста.

Этот недостаток транслитерации компенсируется примечаниями переводчика, помещенными в скобках или вынесенными в сноски, например: *Richtfest*—*рихтфест** (*традиционный праздник немецких строителей по случаю завершения сооружения кровли дома. — Примеч. пер.). Или: *blinker*—*блинкер** (*автоматический магнитный индикатор-дозатор. — Примеч. пер.).

Здесь одновременно используются два способа передачи безэквивалентной лексики: транслитерация и описательный (разъяснительный) перевод — прием, который будет охарактеризован ниже.

2. Калькирование. Суть этого приема заключается в том, что составные части (морфемы) безэквивалентного слова или словосочетания заменяются их буквальными соответствиями на ПЯ, например: *die Geschäftsbank* — деловой банк, *der Dienstwagen* — служебная автомашина. Или: *upper chamber* — верхняя палата, *committee of directors* — совет директоров, *Security Council* — Совет Безопасности.

Степень раскрытия описываемого явления с помощью калькирования зависит от того, насколько лексическая единица ИЯ сама отражает его суть, сравните: *der Betriebsrat* — производственный совет, *das Bundesamt für Verfassungsschutz* — федеральное ведомство по охране конституции. Первый эквивалент понятнее, чем второй, поэтому значение второго термина может быть пояснено с помощью примечания (ведомство Госбезопасности). Так же и для английского языка: *Committee for Reciprocity Information* — Комитет взаимной информации (подразделение канцелярии Государственного Секретаря Штата по вопросам информационного обеспечения экономической деятельности).

В этих случаях также использовано одновременно два способа передачи безэквивалентной лексики: калькирование и описательный (разъяснительный) перевод. Калькирование с разных ИЯ стало источником множества новых терминов в русском языке. Например, по аналогии с английским возникли словосочетания *роза ветров* (*wind rose*); *цепная реакция* (*chain reaction*) и др.

3. Описательный (разъяснительный) перевод — способ передачи безэквивалентной лексики, заключающийся в раскрытии значения единицы ИЯ с помощью развернутого описания (в словосочетаниях и фразах) на ПЯ, например: *das Mitbestimmungsrecht* — право трудящихся принимать участие в управлении предприятием или *Q-switched laser* — лазер, работающий в режиме импульсной добротности.

Достоинством описательного перевода является возможность наиболее полного раскрытия сути описываемого явления. Именно поэтому этот прием именуется также разъяснительным переводом, а его недостаток — в определенной громоздкости. Как правило, такие конструкции изобилуют причастными оборотами, сложными дополнениями и развернутыми (часто избыточными) определениями нового слова (термина). Это и понятно — ведь разъяснение нередко бывает избыточным. Кроме того, развернутое словосочетание не способно выполнять функцию «метки» так же успешно, как слово или компактное словосочетание. С помощью громоздкого словосочетания трудно выделить разъясняемое явление действительности из ряда других и закрепить его в сознании носителей ПЯ как понятие, в то время как для создания понятия необходимо емкое краткое и удобное название.

Вероятно, именно поэтому используемый на первом этапе знакомства с реалией описательный перевод затем нередко уступает место более краткому способу обозначения — кальке или транслитерации. Так, описательный перевод понятия *Berufsverbot* — *запрещение заниматься определенной профессией* (членам радикальных политических организаций) — постепенно уступил место кальке *запреты на профессии*. Само собой разумеется, такая замена возможна только после того, как реалия становится достаточно хорошо известной адресату перевода.

Описательный перевод может применяться одновременно с другими способами передачи безэквивалентной лексики. Так, к примеру, если в ИТ несколько раз встречается термин *Komplementär*, то в первый раз его можно передать способом транслитерации (*комплементарий*), снабдив примечанием (член товарищества, несущий неограниченную ответственность), а затем употреблять только транслитерацию уже без комментариев. Еще пример: в одном из текстов с высокой частотностью встречался термин *kludge* (устройство, программа, которые теоретически не должны работать, но почему-то работают). Самым продуктивным способом решения

этой проблемы была транслитерация — *клюдж*; в первом появлении это слово было снабжено приведенным пояснением.

В отличие от первых двух описанных выше способов передачи безэквивалентной лексики — транслитерации и калькирования, носящих механический характер, описательный перевод требует от переводчика проникновения в суть передаваемых явлений, глубокого знания реалий.

4. Приближенный (уподобляющий) перевод — способ передачи безэквивалентной лексики, который заключается в том, что для обозначения иностранной реалии в ПЯ подыскивается понятие, которое хоть и не совпадает полностью с исходным, но имеет с ним значительное семантическое сходство и в известной мере способно раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления. Например, понятия *Sant Nikolaus (Santa Claus)* и *Дед Мороз* нельзя считать идентичными, однако в ряде случаев они могут заменять друг друга при переводе.

Вряд ли правомерно утверждать, что русское понятие *кандидат наук* и европейское *doctor* идентичны, однако поскольку они обозначают в общем одну и ту же ступень в научно-иерархической лестнице, то европейские ученые, общаясь с российскими коллегами, титулуют кандидатов наук докторами.

Достоинством приближенного перевода является его доходчивость. Получатель перевода имеет дело с привычными, хорошо ему знакомыми понятиями.

Однако этот метод передачи безэквивалентной лексики всегда связан с определенной опасностью, проистекающей из самой его сущности, в основе которой лежит замена исходного понятия лишь приблизительным его соответствием. Поэтому пользоваться приближенным переводом нужно весьма осторожно. Приближенный перевод всегда таит в себе опасность недопустимой национально-культурной ассимиляции.

Разъяснительный перевод нередко сочетается с приемом генерализации, суть которого заключается в том, что нечто специфическое, конкретное представляется обобщенно. При этом конкретное, специфическое опускается, или, иначе говоря, узкое понятие о реалии заменяется более широким понятием. Приведем два примера перевода немецких фраз из книги Э. М. Ремарка «Три товарища».

Aus einem offenen Fenster gegenüber quakte ein Grammophon den Hohenfriedberger Marsch.

Из открытого окна напротив доносились квакающие граммофонные звуки военного марша.

„Was würden Sie beim Maslowski-Gedächtnisrennen tippen?“ fragte er mit gierigem Respekt.

— А на кого вы рекомендуете поставить на следующих скачках? — спросил он почтительно и алчно.

И английская фраза с переводом:

Catch-22 required that each censored letter bear the censoring officer's name. Most letters he didn't read at all. On those he didn't read at all he wrote his own name.

Инструкция требовала, чтобы на каждом проверенном письме значилась фамилия цензора. Большинство писем он не читал вообще и спокойно подписывал их своей фамилией.

В приведенных примерах опущены ничего не говорящие русскому читателю названия. Поэтому этот прием можно также обозначить элиминацией (исключение, от лат. *elimino* — выношу за порог, удаляю) национально-культурной специфики.

Как мы уже отмечали, в качестве вспомогательного приема при переводе безэквивалентной лексики используются примечания переводчика, даваемые в скобках или сносках, однако считаем нужным затронуть этот вопрос еще раз. Представляя собой отдельные минитексты (текст в тексте или при нем), примечания переводчика не согласуются с общественным предназначением перевода — обеспечивать двуязычную опосредованную коммуникацию по образу и подобию одноязычной. Поэтому ими не следует злоупотреблять, не говоря уже о том, что практически они применимы только в письменных переводах. Именно стремлением переводчика избежать примечаний и вызван прием генерализации исходного содержания с опущением наиболее специфической его части. Если опускаются второстепенные детали, использование такого приема вполне оправданно.

Во всей их совокупности способы перевода безэквивалентной лексики нельзя отнести ни к подстановкам, ни к трансформациям. В них имеются черты и того и другого, но также есть своя собственная, присущая только им специфика. Поэтому способы перевода безэквивалентной лексики целесообразно рассматривать как **отдельную, специфическую группу переводческих приемов.**

Сопоставительный анализ ИТ и ПТ позволяет выделить два основных класса трансформаций: **структурно-уровневые** и **содержательные**. Сразу оговоримся: граница между ними не абсолютна, некоторые типы трансформаций обладают признаками и того и другого класса, и отнесение их лишь к одному (по наиболее выраженным признакам) в значительной мере условно.

Для структурно-уровневых трансформаций характерно изменение языкового статуса трансформируемых единиц, в результате чего замещающая единица ПЯ получает иной языковой статус, чем тот, который имеет замещаемая единица ИЯ. Что касается изменений транслируемого содержания, то они при осуществлении структурно-уровневых трансформаций не учитываются. Однако такие изменения в той или иной мере неизбежны, и это следует иметь в виду.

Наиболее «индифферентны» в содержательном плане, т. е. в наименьшей мере сказываются на чистоте трансляции исходного содержания, категориально-морфологические трансформации, которые заключаются в замене частей речи (исходная единица передается в переводе с помощью единицы, относящейся к другой части речи):

Ich hatte *das Glück*, am Parteitag teilnehmen zu *können*.

Я имел *счастливую возможность* принять участие в работе съезда.

(Из интервью Г. Миса)

Es wurde *die beiderseitige Überzeugung* zum Ausdruck gebracht...

Обе стороны выразили уверенность...

Such befahl: "Soldat Bühl, Soldat Leinweber: *Festnahme und Durchsuchung!*"

(Wurzberger K. Alarm am Morgen).

Зух приказал: «Рядовой Бюль и рядовой Ляйнвебер, *взять и обыскать*».

(Вурцбергер К. Тревога на рассвете).

Основной причиной, обусловившей первую трансформацию (*Glück... können* → *счастливую возможность*), является расхождение систем немецкого и русского языков; немецкая конструкция с модальным глаголом не имеет русского аналога. Вторая трансформация вызвана расхождением норм ИЯ и ПЯ: по-русски в принципе можно сказать «двустороннее убеждение», практически же так не говорят. Третья трансформация сделана ради соблюдения русского узуса. Русские военные команды обычно имеют глагольную (часто инфинитивную) форму.

Аналогичные явления характерны и для перевода с английского языка¹:

His advice went unheeded. — Его совет проигнорировали.

Перевод *его совет ушел не принятым во внимание* невозможен по той причине, что для русского языка при описании объекта более характерны безличные конструкции. Поскольку в аналитическом английском языке чаще употребляются прямые дополнения, при переводе на русский (синтетический) язык очень часто возникает необходимость трансформации прямого дополнения в косвенное:

He could not feed us, only lodge and *drink us*. — Он не мог нас кормить, только давал нам пристанище и *снабжал выпивкой*.

I'll drink your good health. — Я пью *за* Ваше здоровье.

Герундий, часто употребляющийся в качестве подлежащего в английском предложении, требует значительной категориально-морфологической трансформации при переводе:

¹ Здесь и до конца этой главы (если не указано другое) английские примеры подготовлены на основе электронного слова Lingvo 8.0 ABBYY Software House, 2002.

Watching television is a waste of time. — Смотреть телевизор — это пустая трата времени.

Категориально-морфологические трансформации применяются в процессе перевода весьма широко (естественно, если в ИЯ и ПЯ существуют категории частей речи). Они весьма органичны и не влекут за собой сколько-нибудь заметных изменений исходного содержания. Они наименее затруднительны и для самого переводчика осуществляются легко и естественно, поскольку необходимые решения лежат на поверхности. Конкретные типы категориально-морфологических трансформаций крайне разнообразны: практически возможны все комбинации «заменяемых» и «заменяющих» частей речи.

Синтаксические трансформации, как правило, тоже не связаны с существенными изменениями в транслируемом содержании. К ним относятся такого рода модифицирующие операции, в результате которых взаимозаменяемые единицы ИЯ и ПЯ представляются разными членами предложения. Например:

Fräulein Müller bekam rote Bäckchen und blitzende Augen...

(Remarque E. M. Drei Kameraden)

Щечки фройляйн Мюллер порозовели, глаза заблестели...

(Ремарк Э. М. Три товарища)

Es wurde die beiderseitige Überzeugung zum Ausdruck gebracht...

Обе стороны выразили уверенность...

Im ganzen Haus ist Krach.

(Das Tagebuch der Anne Frank)

Все в доме перессорились.

В первом случае части сложного фразиологизированного сказуемого *rot* и *blitzend*, *Bäckchen* и *Augen* трансформировались соответственно в глагольные сказуемые *порозовели* и *заблестели* и в подлежащие *щечки* и *глаза*, а подлежащее *Fräulein Müller* в переводе заняло место несогласованного определения. Во втором и третьем примерах значения слов, выполняющих в исходных фразах функцию определений, воспроизведены с помощью слов, выполняющих синтаксическую функцию подлежащего: *beiderseitig* → *обе стороны*, *ganz* → *все*. В последнем примере подлежащее трансформировалось в обстоятельство места, а дополнение — в подлежащее. Возможны и иные конкретные виды трансформаций членов предложений в переводе.

Причиной трансформаций явились: в первом случае — расхождение систем ИЯ и ПЯ, во втором — расхождение норм немецкого и русского языков, в третьем — синтаксическая трансформация была проведена ради достижения максимальной узуальности.

Статистический анализ текстов на английском языке показывает, что в них чаще, чем в русских текстах, используются простые

предложения. Поэтому в англо-русском переводе необходимость в синтаксических трансформациях возникает достаточно часто:

These birds must have a wonderful power of location.

У этих птиц, должно быть, есть замечательная способность определять местонахождение.

Her treatment of her husband earned her the label of the most hated woman in out town.

То, как она вела себя с мужем, завоевало ей славу самой отвратительной женщины в нашем городе.

В первом случае подлежащим в ПТ стало прямое дополнение из оригинала. Во втором — появилось придаточное предложение с формальным подлежащим. Без этих синтаксических трансформаций можно было бы обойтись без ущерба для смысла, но в стилистическом плане русский текст пострадал бы значительно.

Как видно из приведенных примеров, синтаксические трансформации часто сочетаются с категориально-морфологическими.

К синтаксическим трансформациям относятся также преобразования одного типа предложения в другой, например:

Er dachte oft an diesen Mann, obwohl er ihn nie gesehen hat.

Он часто думал об этом человеке, которого никогда не видел.

Während Diederich noch erschüttert schwieg, klingelte es, und Herrg von Barnim sagte... (Mann H. Der Untertan)

Потрясенный Дидерих молчал. В эту минуту раздался звонок, и фон Барним объяснил... (Манн Г. Верноподданный)

В первом случае придаточное определительное трансформировалось в переводе в придаточное уступительное, во втором — придаточное временное в самостоятельное предложение.

Аналогичные процессы происходят и в англо-русском переводе:

If they are poor, they are at any rate happy.

Пусть они бедны, но, по крайней мере, счастливы.

It takes time to get used to it.

Чтобы к этому привыкнуть, нужно время.

Придаточное условно в первом предложении может быть переведено риторической вводной частью, которая присоединяется к главному противительным союзом *но*. Во втором примере инфинитивный оборот, делающий английское предложение простым, переводится именным придаточным предложением.

Суть стилистических трансформаций заключается в замене отрезка ИТ с одной стилистической окраской отрезком ПТ, обладающим иной стилистической окраской:

Der „Flak-Panzer I“ wurde drei Wochen lang von der Truppe auf Herz und Nieren geprüft.

Тяжелобронированная самоходная зенитно-артиллерийская установка I в течение трех недель была *основательно* проверена в ходе войсковых испытаний.

Equally impressive is the *mushrooming* influence of the devices on design for dense RAM chips.

Также впечатляющим является *все возрастающее* влияние этих приборов на разработку кристаллов ЗУ с произвольной выборкой и высокой плотностью элементов.

В немецком примере вместо экспрессивно окрашенного разговорного образного выражения *auf Herz und Nieren* при переводе использован нейтральный в экспрессивном отношении вариант, что обусловлено требованиями русского военного узуса. В английском примере передача слова *mushrooming* эквивалентом *все возрастающий* снимает экспрессивность английского слова. Прилагательное *mushrooming* образовано от глагола *mushroom* в значении *быстро расти, распространяться*. В русских специальных текстах — научно-технических, военных и т. п. — гораздо реже, чем в английских или немецких, употребляются экспрессивно окрашенные средства выражения.

Еще одним типом структурно-уровневых переводческих трансформаций являются трансформации лексические. Их суть заключается в передаче исходного содержания неадекватными лексическими средствами ПЯ, которые как единицы лексической системы («словаря») ПЯ неэквивалентны использованным средствам ИЯ. При этом масштабы и разнообразие лексических трансформаций далеко выходят за узкие (стандартные) рамки описанных выше лексически неадекватных, позиционно обусловленных подстановок:

...er war plötzlich still und sah ihn, über den gekrümmten und vors Gesicht gehaltenen Arm hinweg, voll scheuer Hingabe an. (Mann H. Der Untertan)

...он вдруг затих и, все еще закрываясь локтем, посмотрел на него с робкой преданностью. (Манн Г. Верноподданный)

Одно и то же положение руки относительно лица субъекта в переводе и в оригинале описано «разными» словами, если только это выражение применимо к разным языкам. Мотивом для данной трансформации явилось стремление избежать тяжеловесной и неестественной для русской речи конструкции, т. е. в конечном счете стремление к максимальной узуальности.

Лексическая трансформация бывает необходима для компенсации излишней имплицитности и условности английских выражений.

There are too many *ifs* in this agreement.

В этом договоре слишком много *условий и оговорок*.

Лексические преобразования в гораздо большей степени, чем все перечисленные виды трансформаций, могут затрагивать содержательный аспект перевода, вести к реально видимым изменениям транслируемого содержания:

Sie betete mit dem Kind „aus dem Herzen“, nicht nach Formeln, und bekam dabei gerötete *Wangenknochen*. (Mann H. Der Untertan)

Она молилась вместе с ребенком «сердцем своим», а не по заученным формулам, и при этом *щеки у нее разгорались*. (Манн Г. Верноподданный)

Очевидно, что слова *Wangenknochen* и *щеки* означают не совсем одно и то же. Но переводчик, по-видимому, не без основания почитал, что более точный вариант *скулы* будет слишком уж чужеродным (неузуальным) в тексте романа на русском языке. Однако нельзя сказать, что данная переводческая трансформация ничего не меняет в содержании. Щеки горят, разгораются обычно от мора, от здорового возбуждения (например, танцев), от выпитого вина, от стыда. В сцене, описываемой Г. Манном, речь идет о другом — о фанатическом возбуждении забитой, несколько истерической женщины во время молитвы. В этих случаях характер покраснения лица иной: щеки могут быть бледными, а на скулах появляются красные пятна, как это и описывает Г. Манн.

Та же ситуация просматривается и в английском примере:

Her treatment of her husband earned her the *label* of the most hated woman in our town.

То, как она вела себя с мужем, завоевало ей *славу* самой отвратительной женщины в нашем городе.

Понятия *клеймо (label)* и *слава* далеки друг от друга, но в данном случае трансформация вполне оправдана. Сочетаемость слова *слава* в русском языке значительно шире, чем слова *reputation* в английском языке. Этим и воспользовался переводчик.

Ценность структурно-ярусной классификации переводческих трансформаций заключается в том, что она показывает переводчику пути поиска в ПЯ средств выражения, отличающихся в парадигматическом плане от средств выражения ИЯ.

На переводческие трансформации можно посмотреть и под иным углом зрения. Можно задаться вопросами: что происходит с содержанием в процессе переводческих преобразований, как оно видоизменяется и перераспределяется в процессе перевода, какие используются приемы и чему они служат?

Из трансформаций, ведущим признаком которых является изменение содержания, в переводе наиболее часто используются ситуативно-семантические. Что они собой представляют?

Начнем с того, что любая ситуация действительности складывается из ряда образующих, которые можно обозначить такими понятиями, как «действие», «процесс», «состояние», «свойство», «деятель», «объект», «адресат», «орудие», «место», «направление», «время» и т. д. В лингвистической литературе эти образующие ситуаций действительности имеют разные и не всегда удачные наименования — актанты, партиципаны, семантические аргументы, глубинные падежи. Их число невозможно установить точно, ибо

оно варьирует в зависимости от степени дробности при членении логико-семантического континуума.

В речи состав и структура ситуации действительности могут передаваться либо прямо (изоморфно), либо косвенно. Так, в предложении «Петров разбил своим трактором дорогу» ситуативный (т. е. подлинный) деятель выступает одновременно и в качестве «синтаксического деятеля» (т. е. подлежащего); происходящее действие обозначено посредством сказуемого в форме финитного глагола со значением действия; ситуативный объект действия представлен синтаксическим объектом (прямым дополнением); инструмент действия — синтаксической категорией инструменталиса (существительного в творительном падеже). Иначе говоря, состав и структура описываемой ситуации действительности в синтаксической структуре предложения отображены прямо (изоморфно). В предложении «Трактор Петрова разбил дорогу» ситуативный инструмент на синтаксическом уровне превратился в деятеля (т. е. в подлежащее), а ситуативный субъект — в признак деятеля (несогласованное определение). В перестроенном предложении «Дорога разбита трактором Петрова» ситуативный объект выражен через синтаксический субъект (подлежащее). Следовательно, в двух последних предложениях рассматриваемые образующие ситуации действительности в синтаксисе речевых произведений выражены косвенно, т. е. не изоморфно.

Аналогичные примеры служат подтверждением положения о весьма частом противопоставлении синтаксического аспекта речи отражаемому им реально-ситуативному аспекту действительности, т. е. синтаксическая структура и состав членов предложения далеко не всегда изоморфны структуре и составу отраженной в нем ситуации действительности.

Описывая ту или иную ситуацию, отправитель речи упоминает отнюдь не все ее образующие. Их полное перечисление не только не нужно, но и невозможно. Одну и ту же ситуацию можно описать, выбрав разные ее образующие. Сравните:

Он вдруг выхватил нож.

В его руке вдруг появился нож.

Все вдруг увидели в его руке нож.

Вдруг в его руке сверкнул нож.

В первом случае ситуация описана через действие субъекта (*выхватил*); во втором она представлена как результат этого действия (*в руке появился*); в третьем отражает восприятие зрителей; в четвертом обозначена через упоминания оптического эффекта, сопровождающего действие.

Синтаксическое перефразирование, синтаксические переводческие трансформации происходят на поверхностном уровне, не затрагивая выбор образующих описываемой ситуации, лишь изменяя синтаксический статус слов, с помощью которых она передана.

В процессе ситуативно-семантических трансформаций меняется уже сам выбор составляющих описываемой ситуации: ситуация, оставаясь той же самой, в речи отображается с помощью иных, чем в оригинале, признаков (образующих).

Например:

1. Neben ihm auf der Bank *hatte ganz deutlich* eine Kröte *gesessen*, halb so groß wie er selbst! (Mann H. Der Untertan)

Он *ясно* видел, что рядом с ним, на скамье, сидела огромная жаба, чуть не вполтину его роста. (Манн Г. Верноподданный)

2. Kürzlich erzählte Frau v. Daan allerhand Lustiges von ihren verschiedenen *Flirts*. (Das Tagebuch der Anne Frank)

Недавно фрау фон Даан рассказывала веселые истории про своих *ухажеров* в молодости. (Дневник Анны Франк)

3. Es ist wieder *eine Menge passiert*. (Das Tagebuch der Anne Frank)

У нас опять *куча новостей*. (Дневник Анны Франк)

4. Vor dem Hause lag außerdem ein alter Friedhof, der schon seit langem *stillgelegt* war. (Remarque E. M. Drei Kameraden)

К тому же перед нашим домом находилось старое кладбище, на котором уже давно *никого не хоронили*. (Ремарк Э. М. Три товарища)

5. Miep *hat eine Woche frei*... (Das Tagebuch der Anne Frank)

Мип *взяла на неделю отпуск*. (Дневник Анны Франк)

6. Vor dem Eingang *stand eine Laterne*. (Remarque E. M. Drei Kameraden)

Подъезд *был освещен фонарем*. (Ремарк Э. М. Три товарища)

Для каждого из представленных здесь случаев перевода характерна смена выбора образующих ситуации, использованных для ее описания (в примерах выделены курсивом):

1. Событие → восприятие события.

2. События → субъекты этих событий.

3. События → информация о них.

4. Предпринятая мера → ее следствие.

5. Результат → предшествующее действие.

6. Наличие «инструмента» → результат его применения.

Возможны и другие комбинации заменяемых и заменяющих признаков описываемой ситуации.

Причины ситуативно-семантических трансформаций те же самые, что и при трансформациях других типов, перечисленных выше. Так, в примере 1 — расхождение систем ИЯ и ПЯ: русское словосочетание *совершенно ясно (явно) сидела жаба* было бы бессмысленным. Правда, возможен иной вариант перевода, в целом сохраняющий способ описания ситуации: *рядом с ним, он видел это совершенно ясно, сидела огромная жаба...* Однако переводчица избрала иное решение, которое также представляется вполне адекватным. Вторая ситуативно-семантическая трансформация обусловлена расхождением норм ИЯ и ПЯ, по-русски только теоретически можно образовать множественное число от слова *флирт*, реально эта словоформа не употребляется. Все остальные из продемонстрирован-

ных ситуативно-семантических трансформаций вызваны расхождением немецкого и русского узусов.

Аналогичные явления характерны и для англо-русского перевода:

1. Moliere *is only critical* by accident.

Мольер *занимался критикой* лишь случайно.

2. He *was insulted* by the refusal.

Этот отказ *оскорбил* его.

3. The condition of a successful school is the concentration of authority and responsibility on one head.

Для возможности выпускать по-настоящему образованных людей необходимо, чтобы власть и ответственность в школе были бы в одних руках.

4. Well, *if I haven't left my umbrella* in the train!

Подумать только, я *оставил* зонтик в поезде!

5. I don't know what will become of the boy *if he keeps failing* his examinations.

Я не знаю, что с ним станет, если он и дальше *будет проваливать* экзамен за экзаменом.

1. Семантика состояния трансформировалась в семантику действия.

2. Произошли трансформации субъекта *He* в объект *ego* и состояния — в действие объекта.

3. При переводе произошли причинно-следственные трансформации.

4. Условия ситуации трансформировались в конечный результат.

5. Исходное действие, передающее стабильность состояния, трансформировалось в предполагаемую конечную фазу в будущем.

Про ситуативно-семантические трансформации нельзя сказать, что все они легки и естественны и мало сказываются на качестве трансляции содержания. Достаточно вернуться к приведенным примерам и убедиться, что это не так. Умение адекватно применять ситуативно-семантические трансформации базируется на опыте и на высокоразвитом чувстве меры у переводчика.

В переводе весьма часто применяется перераспределение содержания. Суть этой трансформации, которую А. Д. Швейцер именует перегруппировкой семантических компонентов, заключается в том, что в переводе содержание получает как бы иную группировку, по-иному распределяются морфемы, лексемы, синтагмы. Иллюстрируя это положение, А. Д. Швейцер приводит такой пример¹:

A vote for the Market is a vote to keep the Tory Government in office. It is a vote for Health, the worst Prime Minister in decades, for Carr, the *union-basher*; for Davies, the UCS (Upper-Clyde Shipyards) *butcher*; for Home the *cold-war spy maniac*; for Amber, *destroyer of a million jobs*; for Amery, the rent raiser.

¹ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — С. 94—98.

Каждый голос за вступление в общий рынок — это голос за то, чтобы продлить правление тори. Это голос за Хита, худшего премьер-министра за последние десятилетия, за Кара, пытающегося разгромить профсоюзы, за Дэвиса, похоронившего судовой Верхнего Клайда, за Хьюма, одержимого шпиономанией сторонника холодной войны, за Эмбера, лишившего работы миллион человек, за Эмери, взвинчивающего квартплату.

При переводе произошли значительные перегруппировки семантических компонентов: *cold-war spy maniac* → *одержимый шпиономанией сторонник холодной войны*; лексико-синтаксические трансформации: *destroyer of a million jobs* (сущ. мн. ч.) → *лишившего работы* (сущ. ед. ч.) *миллион человек* и др.

Вот несколько аналогичных примеров немецко-русского перевода:

1. ...bald ließ er kokett *aus sich* die Stunde *herausschmeicheln*., zu der Herr Heßling zurückkehren sollte. (*Mann H. Der Untertan*)

...то, ломаясь, позволял задабривать себя и сообщал им, в котором часу господин Геслинг вернется. (*Манн Г. Верноподданный*)

2. ...*die Vereinseitigung des Menschen...* (*Engels F. Anti-Dühring*)
...превращение человека в одностороннее существо... (*Энгельс Ф. Анти-Дюринг*)

3. Den gutmütigen (Lehrern) spielte er kleine, *schwer nachweisbare* Streiche... (*Mann H. Der Untertan*)

А добродушным (учителям) делал маленькие пакости, в которых его было трудно уличить... (*Манн Г. Верноподданный*)

4. Man muß nur daran denken, wie viele Zufallsentwicklungen und Zufallserfindungen Jahre und Jahrzehnte später zu einem *nicht wegdenkbaren* technischen Fortschritt geführt haben. (*Paturi F. Baumeister unserer Zukunft*)

Вспомним, сколько случайных открытий и изобретений годы и даже десятилетия спустя повлекли за собой технические новшества, без которых сегодня уже нельзя представить себе нашу жизнь. (*Патури Ф. Зодчие XXI века*)

1. Содержание глагола *herausschmeicheln (lassen)* перераспределено на две глагольные лексемы (с местоимениями) *задабривать (себя)* и *сообщать (им)*. Трансформация обусловлена расхождением систем немецкого и русского языков — отсутствием в последнем лексико-семантического аналога немецкому глаголу.

2. Трансформация мотивирована расхождением норм ИЯ и ПЯ: по-русски теоретически возможно и понятно слово *ободносторончивание*, однако нормой подобное не допускается. Значение корневых компонентов слова *-einseit-* здесь «перешло» к прилагательному *односторонний*, значение обрамляющих его аффиксов словообразовательной модели *Ver... ung* трансформировалось в словосочетание *превращение в существо*.

3. Перегруппировка осуществлена для того, чтобы нейтрализовать расхождение немецкого и русского узусов: *nachweisbar* можно было бы перевести «прямо» прилагательным *доказуемый*, однако

словосочетание *трудно доказуемый* уместно скорее в юридическом тексте, нежели в художественном повествовании.

4. Значение отрицания *nicht* и суффикса *-bar*, вносящего в семантику немецких слов оттенок потенциальности, передано в ПТ лексемой *нельзя*. Приставка *weg-* трансформировалась в предлог *без*. Глагольный корень *-denk-* передан глаголом *представить*, а категориальное (грамматическое) значение прилагательного *wegdenkbar* отразилось в лексическом значении русского союзного слова *который*.

Необходимость трансформации вызвана стремлением преодолеть расхождение систем ИЯ и ПЯ.

Перераспределение содержания почти всегда сопряжено с лексическими и иными структурно-уровневыми трансформациями.

Достаточно продуктивной группой переводческих приемов являются различного рода *экспликации содержания*¹. Этот прием состоит в нахождении при передаче содержания ИТ формы, более четко очерчивающей соответствующие обстоятельства:

Was Diederich stark machte, war der Beifall ringsum, die Menge, aus der heraus Arme ihm halfen, die überwältigende Mehrheit *drinnen und draußen*. (*Mann H. Der Untertan*)

Эту силу ему давали всеобщее одобрение, толпа, из которой протягивались руки ему на помощь, подавляющее большинство *в школе и за ее стенами*. (*Манн Г. Верноподданный*)

В данном примере экспликация малозаметная, однако она имеет место. Мотивом для переводческой трансформации послужило стремление к узуальности русского текста, хотя прямой перевод теоретически возможен (*большинство извне и внутри*), но для русской речи он весьма непривычен и даже малопонятен.

Экспликация содержания при необходимости может приобретать более выраженный характер:

„Wissen Sie etwas über das Fahrzeug?“

„Es war das Brotauto.“

„Wieso?“

„Wer kennt hier nicht den Lieferwagen mit der Aufschrift von der Großbäckerei!“ (*Wurzberger K. Alarm am Morgen*)

— Можете ли вы что-нибудь сказать о машине?

— Это был хлебный фургон.

— Почему вы так решили?

— Да, кто же не знает машину с названием большой пекарни на кузове!

(*Вуруббергер К. Тревога на рассвете*)

В следующем английском примере не описывается никакое действие (даже нет ни одной глагольной формы), вместе с тем явно

¹ Термин «эксплицитный», от которого образовано название описываемого приема, означает *явный, выраженный в явной форме*; противоположный ему по значению термин «имплицитный» означает *неявный*.

выражено хорошее настроение действующих лиц, что создается благодаря использованию при переводе эксплицитного приема:

Good-bye, Miss Thornton, awfully jolly evening, eh what?

До свидания, мисс Торнтон, было чертовски весело, правда?

В ряде случаев суть экспликации содержания заключается в том, что косвенное высказывание преобразуется в прямое, т.е. нечто, сказанное намеком, говорится прямо. Этот вид экспликации условно можно назвать выпрямлением содержания:

Gustav erzählte mir, daß er bald heiraten wolle. *Es sei was Kleines unterwegs, da helfe alles nichts.* (Remarque E. M. Drei Kameraden)

Густав сказал, что скоро собирается жениться. *Ego nevesta ожидает ребенка, и тут, мол, уже ничего не поделаешь.* (Ремарк Э. М. Три товарища)

She stopped smoking when she was heavily pregnant.

На последних месяцах она бросила курить.

Попытки передать эвфемизмы в оригиналах аналогами в ПЯ вошли бы в противоречие с русским ситуативным узусом, согласно которому подобная ситуация описывается иными способами.

Одной из разновидностей выпрямления высказывания является демегафоризация — замена метафорического способа выражения мысли прямым:

„Das nennt die Welt Schwein!“ hörte ich plötzlich Gustav schmettern. „Herrschaften, das ist schon mehr als Schwein, das ist eine Riesenmutter sau mit zwanzig Ferkeln!“ (Remarque E. M. Drei Kameraden)

— Вот это называется повезло! — раздался громовой голос Густава. — Господа, это больше, чем везение, это какая-то сверхфантастика! (Ремарк Э. М. Три товарища)

Невозможность сохранить метафору объясняется здесь отсутствием в русском языке лексической единицы, аналогичной по значению немецкому слову *Schwein* с устойчивой этнической коннотацией «счастье, везение». Причиной переводческой трансформации является расхождение лексических систем ИЯ и ПЯ; и вместе с тем ее можно истолковать как расхождение немецкой и русской культур. Там, где это возможно, переводчик должен сохранять метафорический план содержания. Сравните:

Lass den Kram sausen, Georgie. (Remarque E. M. Drei Kameraden)

Плюнь ты на это дело, Георг. (Ремарк Э. М. Три товарища)

Dieser Breuer hatte mir zu Frau Zalewskis *Unkenrufen* noch gefehlt. (Ebenda)

После *карканья* фрау Залевски только этого Бройера мне и не доставало. (Там же)

Для англо-русского перевода характерны те же трансформации метафор:

The wolf in sheep's clothing has his electronic counterpart — a monolithic 12-bit digital-to-analog converter that has masqueraded for a year as a 10-bit

DAC and will soon emerge at its real length, hoping to gobble up the market enjoyed by hybrid and modular converters.

Монолитный 12-разрядный цифроаналоговый преобразователь в течение года выпускался как 10-разрядный ЦАП. Вскоре он будет выпускаться в полноразрядном исполнении. Фирма-изготовитель надеется завладеть рынком, который в настоящее время заполнен модульными и гибридными преобразователями.

Переносный смысл выражения *the wolf in sheep's clothing* (*волк в овечьей шкуре*) интернационален и понятен во всем цивилизованном мире. Но в русской технической литературе такое выражение будет выбиваться из общепринятого стиля.

Очень часто причиной экспликации содержания является расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ:

Die Schalterhalle im Inneren gleicht einem Ballsaal aus der Zeit der *k. u. k. Monarchie*.

Кассовый зал внутри здания походит на бальный зал времен *австро-венгерской монархии*.

Здесь при переводе пришлось «расшифровать» неизвестное носителям ПЯ как элемент чисто австрийской национальной культуры выражение *kaiserlich-königliche* (сокращенно *k.-k.*) *Monarchie*.

Для правильного понимания смысла и для перевода фрагмента из «Истории любви» Э. Сигала необходимо знать сюжет мультфильма У. Диснея, в котором одну из героинь — смешную и умненькую мышку — зовут Мини. Фильм очень популярен и все знают, кто такая Minnie Four-Eyes:

There were two girls working there. One a tall tennis-anyone type, the other a bespectacled mouse type. I opted for Minnie Four-Eyes.

За стойкой стояли две девочки — одна высокая, с фигурой теннисистки; другая — мышка в очках. Я выбрал эту — в очках.

Переводчику, занимающемуся газетно-информационным переводом с английского языка, конечно, нужно знать, что *Elephant* (слон) ассоциируется с эмблемой республиканской партии, а *Donkey* (осел) — это обозначение демократической партии и др.

Иногда экспликация скрытого от носителя ПЯ подтекста содержания осуществляется в форме примечаний переводчика. Так, например, в нижеследующих примечаниях переводчик раскрывает для русского читателя определенные детали сложной обстановки в послевоенном Берлине:

Tante Karoline genierte sich erst vor mir, als würde sie mir persönlich was wegnehmen. Dann annoncierte sie entschlossen 20 kg. „Eins zu fünf“, verlangte sie. „Keinen Pfennig mehr!“ (*Karau G. Go oder Doppelspiel im Untergrund*)

Официант, вошедший через черный ход, доложил, что доставлена новая партия сливочного масла.

— Крестьянское масло марки «Тройенбрицен»*, — уточнил он.

Сначала тетя Каролина засмушалась, будто она отнимала что-то у меня лично, но затем решительно заказала себе 20 килограммов.

— Один к пяти**, — добавила она, — и ни пфеннига больше! (*Карпу Г. Двойная игра*)

* Речь идет о масле из бывшей ГДР. Играя на выгодном для них обменном курсе денег на «черном рынке», дельцы из Западного Берлина по дешевке скупали в ГДР продукты питания (*Примеч. пер.*).

** Имеется в виду оплата из расчета одна марка ФРГ за пять марок ГДР (*Примеч. пер.*).

При переводе с английского языка примечание потребовалось из-за того, что невозможно было избежать употребления прозвища главного героя романа, которое достаточно сильно нагружено сюжетным смыслом и употребляется почти с той же частотой, что и настоящее имя героя:

“I’m not talking legality, Preppie, I’m talking ethics” (*Segal E. Love Story*).

— Я говорю не о твоих правах, Препп*, а об этике. (*Сигал Э. История любви*).

* Препп — от амер. *Preppie* — богатый студент, который перед поступлением в университет учился в дорогом частном учебном заведении. (*Примеч. пер.*).

Еще одним видом содержательных трансформаций являются разнообразные функционально-адекватные замены:

Die Klasse konnte die Ehrung dem nicht versagen, der die Gunst des neuen Ordinarius besaß. Unter ihm brachte Diederich zum geheimen *Aufseher*. (*Mann H. Der Untertan*)

Класс не мог отказать в уважении тому, кто пользовался расположением нового классного наставника. При нем Дидерих достиг положения тайного *доносчика*. (*Манн Г. Верноподданный*)

Die Mutter mußte ihn immer wieder ermahnen, doch *vernünftiger* zu essen, damit er auch Genuss davon habe. (*Bredel W. Die Söhne*)

Мать постоянно напоминала ему, что надо есть *медленнее*, ведь этак и вкуса еды не почувствуешь. (*Бредель В. Сыновья*)

The sight of other people’s good fortune is *gall and wormwood* to a vast number of people.

Видеть счастье других людей *горько* для очень многих.

And suddenly the crowd *hastened* away.

И вдруг толпа *устремилась* прочь.

She is the most beautiful girl. I have ever seen! She’s just *a daisy*, that’s what she is.

Она самая замечательная девушка, которую я когда-либо видел. Она просто *чудо*, вот кто она!

Как видно из примеров, определенная часть исходного содержания заменяется иным содержанием, способным выполнять (относительно) те же речевые функции.

Мотивация адекватных замен в принципе та же, что и у других рассмотренных нами трансформаций и одной из наиболее типичных причин является расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ, их культур:

„Setzen Sie sich auf Ihren Platz... Dort ist Ihr Platz!“ sprach er (der Gaststättenwirt) *hochdeutsch*. (*Frank L. Die Räuberbande*)

— Сядьте на свое место... Вон там ваше место! — Он (хозяин ресторанчика) говорил *подчеркнуто правильно и вежливо*. (*Франк Л. Шайка разбойников*)

Сцена, во время которой была произнесена данная реплика, происходит в небольшом ресторанчике. Перебранка между одним из посетителей и группой юношей перерастает в ссору. В события вмешивается хозяин.

Необходимо сказать, что до этого момента герои романа общаются друг с другом на разговорном языке с изрядной долей местного диалекта. Разговор на диалекте у немцев считается признаком доверительности и, если так можно сказать, «соседской близости»: на диалекте говорят «свои со своими», с чужими так говорить не станут. Поэтому когда надо унять разбушевавшегося посетителя, хозяин отбрасывает в сторону добродушие и «уютную, домашнюю» манеру речи и начинает говорить на сухом и правильном литературном языке. В компании, где все всех знают, он как бы хочет заявить этим о своей роли хозяина, отвечающего за порядок в своем заведении.

Использованный здесь переводчиком прием адекватной замены содержит в себе элементы экспликации.

Понятие функционально-адекватной замены настолько широко, что трудно перечислить все возможные их варианты. В частности, к ним можно отнести различные случаи изменения стилистических коннотаций. Например:

Ihr wollt bloß alle mit *dem Kopp* durch die Wand. (*Remarque E. M. Drei Kameraden*)

Вы все хотите стенку *башкой* прошибить. (*Ремарк Э. М. Три товарища*)

Существительное *Kopp* представляет собой диалектный вариант слова *Kopf*, его переводческий эквивалент *башка* не является диалектизмом, но, представляя собой просторечную лексическую единицу с фамильярно-пренебрежительным оттенком, в данном контексте может достаточно адекватно заменить диалектальное *Kopp*.

Неологизм *xum* (англ.: *stuff*) в последнее время получил весьма широкое распространение, но не всегда он оказывается стилистически уместным и требует функциональной замены:

That new movie about the Civil War is really *hot stuff* now.

Этот новый фильм о Гражданской войне привлекает к себе всеобщее внимание.

Функционально-адекватные замены весьма продуктивно используются при передаче метафор, пословиц, поговорок, идиоматических и «идиоматизированных» словосочетаний. Сопоставьте парные примеры:

Wenn das meine Freunde sehen, *fallen* ihnen *die Augen* aus dem Kopf.
(Wurzberger K. Alarm am Morgen)

Мои друзья *разинут рты*, когда увидят такое.

Armut lehrt Künste.

Голь на выдумки хитра.

Er revidierte, zog Bilanz, sah, dass er *auf morschem Grund* gebaut hatte.
(Feuchtwanger L. Erfolg)

Он проверял, подводил итоги и убеждался, что строил *на песке*.
(Фейхтвангер Л. Успех)

Is it a go?

По рукам?

It's just as well!

Не стоит сожаления!

I don't press you for an answer now, darling. *Take your time*.

Дорогая, я не требую от тебя немедленного ответа. *Подумай!*

They started start their business from *nothing*.

Они начали свой бизнес *с нуля*.

Внимательный читатель, вероятно, уже обратил внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев рассматриваемые переводческие трансформации не были представлены в чистом виде, а представляли собой сочетания трансформаций разных типов. В реальном воплощении транслирующе-модифицирующие операции переводчика носят смешанный характер, объединяя признаки различных структурно-уровневых и содержательных соответствий и видоизменений текста. Выделение нами структурно-уровневых и содержательных трансформаций определенных типов в известном смысле является абстракцией — попыткой воплотить отдельные процессуальные характеристики реальных переводческих действий и операций в переводоведческих понятиях.

На данном этапе развития переводоведения эти абстракции создают, на наш взгляд, конструктивную основу для накопления и классификации переводческих прецедентов — дела, крайне важного как для теории, так и для практики перевода.

Здесь перечислены отнюдь не все, а только наиболее общие типы расхождений ИТ и ПТ, могущие служить критериями выделения трансформаций. Сопоставительное изучение оригиналов и переводов позволяет выделить более специфические случаи расхождений, а на их основе обозначить и охарактеризовать специальные переводческие приемы. Так, например, внимание лингви-

стов и переводоведов давно привлекают конверсные преобразования, которые иногда определяются как отражение того же самого отношения, но взятое в ином направлении. Когда исходное и переводное высказывания расходятся по аналогичному признаку, мы говорим, что имела место конверсная переводческая трансформация:

Langsam, genüßsüchtig ißt Sophie. Sie ißt alles auf, was sie *bekommt*.
(Fallada H. Wolf unter Wölfen)

Зофи обедает не спеша, со вкусом. Съедает все, что *подали*. (Фаллада Г. Волк среди волков)

Sie litt an Torschlußpanik. (Remarque E. M. Drei Käme raden)

Ее *угнетал* страх приближающейся старости. (Ремарк Э. М. Три товарища)

А. Д. Швейцер приводит в связи с этим следующие примеры¹:

An example is the Safeguard system which last year *missed defeat* in the Senate by only one vote.

В качестве примера можно привести систему Сейфгард, которую в прошлом году *удалось протащить* через сенат большинством, лишь в один голос.

The air raids came at dusk and one by one the towns *were blacked out* as air raid sirens wailed and anti-aircraft guns went into action.

Воздушные налеты начались с наступлением темноты, и города один за другим *погружались в темноту* под вой сирен воздушной тревоги и грохот зенитных орудий.

Из-за невозможности персонализации в русском языке неодушевленного существительного *система* в первом примере конверсивом сказуемого *missed defeat* («избежала провала») стало сказуемое *удалось протащить*. Поскольку выражение *затемнять города* не соответствует нормам русского языка, в переводе использован конверсив *погружаться в темноту* (второй пример).

Эффективным средством решения переводческих трудностей является антонимический перевод — прием, уже отмеченный в специальной литературе². Суть его заключается в том, что некоторые единицы ИЯ в переводе замещаются единицами ПЯ с противоположным значением. Для того чтобы все высказывание в переводном варианте не получило противоположный смысл, в ПТ вводится еще одно отрицание, т. е. имеет место нечто вроде математического правила: «минус на минус дает плюс». Примеры:

Der Kaplan spielte mit den weißen Fingern von Winnitous Schwester, die zart errötend ihm die Hand *überließ*. (Frank L. Die Räuberbande)

Викарий играл белыми пальчиками сестры Виннету, которая зардевшись, *не отнимала* у него руки. (Франк Л. Шайка разбойников)

¹ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — С. 108—110.

² См.: Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — С. 48—52.

Die wissenschaftlich-technische Revolution *machte* vor keinem Wissenschaftszweig *halt*. (Paturi F. Baumeister unserer Zukunft)

Научно-техническая революция *охватила* буквально все отрасли науки. (Патури Ф. Зодчие XXI века)

Mag die Sonnenenergie so ausgenutzt werden, wie sie auf die Erde gelangt, dann sind aber nur *geringe* Temperaturerhöhungen *möglich*. (Paturi F. Baumeister unserer Zukunft)

Конечно, солнечная энергия может быть использована и в том виде, в каком она достигает земли, однако в этом случае *невозможно* получить *значительного* повышения температуры. (Патури Ф. Зодчие XXI века)

В первом случае антонимическая замена лексем (*überlassen* → *отнять*) уравнивается введением отрицания *ne*, а обусловлена она отсутствием лексико-семантического аналога этого немецкого глагола, который можно было бы использовать в качестве удовлетворительного переводческого эквивалента в данном контексте (мотивировка — расхождение систем ИЯ и ПЯ, расхождение узусов). Во втором случае глагол *охватить* является контекстуальным антонимом глагола *haltmachen*. Эта антонимическая замена уравнивается другой антонимической заменой: *kein einziger* → *буквально все*. В третьем случае сохранение исходного содержания и смысла достигается также двойной антонимической заменой: *möglich* → *невозможно*, *gering* → *значительно*. Везде антонимическая трансформация мотивирована стремлением к максимальной узуальности текста перевода.

Приведем аналогичные примеры англо-русского перевода:

It is not uncommon to find people here who know several languages.

Здесь нередко можно встретить людей, которые знают несколько иностранных языков.

He did not write us until last week.

Он не писал нам до прошлой недели.

* * *

Актуальная деятельность личности осуществляется по образцам, в которых воплощен опыт общества. Поэтому для переводчика исключительно важно знать «переводческие прецеденты», и в особенности наиболее типичные, «социально выработанные и закрепленные переводческие решения»¹, каковые А. Ф. Ширяев относит даже к «образующим» перевода. Как отмечает В. Н. Комиссаров, знание переводчиком «правил, приемов и стереотипов» обеспечивает большую надежность и объективность результатов перевода, помогает в условиях нехватки времени быстрее найти вариант перевода².

¹ Ширяев А. Ф. Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода. — М., 1981. — С. 72.

² См.: Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. — 1982. — Вып. 19. — С. 10—11.

По различным причинам в наше время многие переводчики-практики, не обладая достаточной теоретической подготовкой, тем не менее успешно выполняют свою работу. О таких переводчиках можно сказать, что их профессиональная компетенция сформировалась путем постепенного накопления знания социально выработанных и закрепленных переводческих решений (правил, приемов, стереотипов). Знание «переводческих прецедентов» необходимо и для тех, кто знаком с основными положениями теории перевода. Однако последние уже по самой своей сути имеют очень широкий и обобщенный характер. Поэтому, как отмечает О. Каде, теоретические знания, полученные переводчиком-практиком, реализуются лишь путем приложения познанного общего к особенному, единичному¹. В этом познавательном процессе поиска и решений знание наиболее типического в переводческом опыте образует своеобразный «мостик-переход» от общего, отвлеченного к единичному, конкретному.

Мы описали основные переводческие операции, вмещающиеся в рамки общей теории перевода. В принципе можно выделить и более частные переводческие приемы, особенно если перейти от общей к частным теориям перевода, т. е. теориям, рассматривающим не общие закономерности перевода, а закономерности, присущие переводу только в данной языковой комбинации (с немецкого на русский, с русского на немецкий, с английского на французский и т. д.). Однако в нашу задачу это не входило, да и просто было бы невозможно в рамках ограниченной по объему книги.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите главные отличия действий от операций.
2. В чем суть семантико-структурного параллелизма?
3. На чем основан прием простой лексической подстановки?
4. Приведите примеры сложных подстановок с дифференциацией значений.
5. Приведите примеры и обоснуйте необходимость подбора лексически неадекватных переводческих соответствий и позиционно обусловленных подстановок.
6. Назовите основные способы передачи безэквивалентной лексики. Рассмотрите их положительные стороны и недостатки.
7. В чем суть синтаксических трансформаций?
8. Укажите основные причины стилистических трансформаций.
9. Охарактеризуйте приемы перераспределения содержания и выпрямления высказывания.

¹ См.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

О процессе осуществления перевода известно лишь немного. Его наиболее значимый этап — умственные действия — протекает в голове переводчика и практически недоступен наблюдению. Поэтому при рассмотрении процесса перевода приходится ограничиваться некоторыми косвенными данными (в основном результатами самонаблюдения опытных переводчиков, их предположениями), дополняя и связывая их логическими рассуждениями. Однако даже сделанные на этой ограниченной основе заключения имеют определенную ценность как для теории перевода, так и для методики его преподавания.

Начнем с неоднократно высказывавшегося в переводческой литературе мнения о том, что перевод осуществляется двумя основными способами, которые на практике всегда взаимно дополняют друг друга и сложным образом переплетаются в реальном процессе перевода. Суть первого способа заключается в том, что перевод выполняется на основе отношения «знак — знак», без опоры на детальное отражение ситуации действительности, описываемой в ИТ, и соответствующей ситуации общения: используются стандартные «проверенные» отношения эквивалентности средств выражения ИЯ и ПЯ. Перевод при этом носит в значительной степени «автоматический» характер — переводчик глубоко не вникает в суть дела.

Такого рода «нерассуждающий» способ перевода выражается в стандартных подстановках и трансформациях.

Второй способ осуществления перевода реализуется по схеме «знак — отражение — знак». Внутренний механизм в этом случае можно представить так: переводчик извлекает из ИТ содержание, проецирует его на свой жизненный опыт, общие и специальные знания и на этой основе создает для себя представления о том состоянии разума и эмоций автора оригинала, которые отражены в ИТ. Исходя из этого прочувствованного им состояния автора, переводчик передает его мысли и эмоции средствами ПЯ. Свое выражение данный принцип перевода находит в сложных переводческих трансформациях.

Подчеркнем еще раз — в реальном процессе перевода оба упомянутых способа его реализации выступают комбинированно и взаимно дополняют друг друга. Вместе с тем более автоматический способ перевода, не требующий особых усилий от переводчика, позволяет ему сосредоточиться на наиболее сложных местах, обуславливающих подключение рассуждающего мышления, применение сложных переводческих приемов. Иначе говоря, стандартные переводческие решения «работают» не только на перевод тех мест, где они применяются, но косвенно и на перевод соседних мест текста, где необходимы более сложные переводческие приемы. Экономия усилий в одних местах и сосредоточение в других, по-видимому, вообще являются характерной и существенной чертой технологии перевода.

С точки зрения преподавания в этой связи важно, что в процессе перевода тесно переплетаются два разнородных начала: творческое (умение находить нестандартные решения, отвлекаясь от языковой материи подлинника) и автоматическое (знание готовых переводческих соответствий и умение адекватно применять их). Одностороннее развитие умений и навыков только одного рода в ущерб другим отрицательно сказывается на формировании профессионального мастерства.

Если преподаватель, например, при переводе общественно-политических текстов делает акцент на употребление клише, подбирает исключительно на них построенные тексты, без должной аргументации отвергает попытки творческого поиска, это приводит к тому, что обучаемые, привыкшие только к механическим, стандартным решениям, становятся в тупик, когда возникает необходимость в решениях нестандартного характера. И наоборот, когда преподаватель не вооружает учеников знанием наиболее существенных переводческих соответствий, не ориентирует на их применение, в учебных переводах усиливается тенденция к излишней вольности, возрастает количество узуальных ошибок.

О. Каде считает, что элемент творчества в переводе заключается главным образом в умении осознанно применять общее к единичному, а познанные путем абстракции закономерности — к конкретным лингвистическим и экстралингвистическим условиям решения переводческой задачи¹. Одним из наиболее эффективных способов развития этого умения на начальных этапах обучения переводу следует признать упражнения на использование определенного переводческого приема при переводе выбранного для этого отрезка текста. Часто практикуются такие задания: «Переведите следующие предложения, используя конверсные трансформации и прием антонимического перевода».

¹ См.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — S. 35.

По мнению ряда авторов, известных теоретиков и практиков перевода, подбор оптимального варианта не может быть одноразовым актом. К оптимальному варианту языковой посредник идет путем перебора и отсеивания неудовлетворяющих его вариантов, методом «проб и ошибок». В устном переводе, разумеется, возможности перебора вариантов предельно сжаты, а также в значительной степени отодвинуты за порог сознательной мыслительной деятельности. При этом весьма справедливо предположить, что к адекватному переводу переводчик приходит через «отрицание отрицания», т.е. через трансформацию буквального перевода, хотя бы имплицитно (в неявной форме) присутствующего в его сознании. По всей видимости, именно этим обстоятельством объясняется так называемый языковой гипноз подлинника — крен в сторону буквализма, который при определенных условиях (усталость, ослабление внимания и т.п.) встречается даже у опытных переводчиков. Будучи промежуточным продуктом переводческого процесса, буквализмы появляются в тех случаях, когда по тем или иным причинам дает сбой механизм шлифовки перевода и на выход начинают поступать незавершенные изделия.

С методической точки зрения знание того, что переводчик приходит к оптимальному варианту путем трансформации буквального перевода, весьма важно, ибо приводит к выводу о необходимости развития у студентов навыков речевых преобразований в рамках одного языка. Надо научиться выражать одно и то же содержание в различных языковых формах с помощью разного лексического материала и грамматических конструкций. Владение этими навыками облегчает переводчику переход от промежуточных буквальных построений к окончательному, оптимальному варианту перевода.

Как и любое действие вообще, переводческое действие состоит из трех фаз: фазы ориентирования в условиях очередной переводческой задачи, фазы осуществления и фазы контроля.

Выше мы охарактеризовали фазу осуществления переводческого действия, а теперь рассмотрим некоторые особенности двух других фаз.

Содержанием фазы ориентирования являются восприятие и осмысление исходного высказывания. При этом восприятие и осмысление текста переводчиком, по всей видимости, существенно отличаются от восприятия и осмысления речи человеком при обычной коммуникации. Обычный потребитель текста, как правило, целиком перерабатывает его в чувственные образы, наглядные представления, итоговые выводы, не задерживая внимания на языковой материи.

Переводчик не может себе позволить этого. Его задача состоит не в том, чтобы передать свое личное отношение к тексту, а в том, чтобы воссоздать в ПТ объективный аналог ИТ. Он обязан учесть и

отразить не только общие свойства текста как орудия речевого воздействия, но и своеобразие его внутреннего устройства (второе условие переводческой эквивалентности).

Соответственно именно таким особенностям восприятия текста и следует обучать будущих переводчиков. Необходимо учить их видеть различающиеся типы содержания текста, уметь выделять наиболее важные (функционально нагруженные) его элементы, обязательно подлежащие воспроизведению в переводе, и те, которые можно видоизменить, заменить, опустить. Эти навыки вырабатываются в процессе предпереводческого анализа ИТ, который начинается с уяснения функционально-жанровой его принадлежности (газетно-информационной, газетно-публицистической, художественной, научно-технической и др.). Для каждого жанра характерна своя шкала сравнительной ценности элементов содержания. То, что существенно в тексте одного жанра, может оказаться несущественным в тексте другого жанра. Затем выделяются те свойства и элементы текста, которые подлежат передаче в обязательном порядке. Такой анализ проводится в форме беседы, ответов на вопросы.

Как уже отмечалось, характерной чертой технологии перевода является экономия усилий переводчика на одних местах и их сосредоточение на других, а именно на ключевых участках поиска переводческого решения. По некоторым наблюдениям, подразделение текстового материала на более простые и более сложные для перевода участки происходит уже в процессе первичного восприятия ИТ, т.е. в фазе ориентирования. Переводчику важно сразу же избрать правильную тактику, которая может быть двоякой. Если это позволяет синтаксическая структура создаваемого отрезка текста, то перевод слова или словосочетания, вызывающего трудности, бывает возможно и выгодно отодвинуть на более поздний срок, а сначала перевести то, что легко поддается переводу. В этом случае оказывается проще найти решение и на трудном участке, поскольку в дело включается контекстуальная догадка — переводчик идет к решению сложной задачи, отталкиваясь уже не только от исходного высказывания, но и от уже созданной части переводного высказывания.

Однако подобная тактика возможна далеко не всегда. Слово или словосочетание, связанное с трудностью перевода, может занимать центральное место в синтаксических структурах предложений ИТ и ПТ. И в этом случае медлить с подбором его переводческого эквивалента нельзя, поскольку без него невозможно построить предложение на ПЯ. Такое центральное место в синтаксической структуре предложения, как правило, занимает сказуемое, выраженное глаголом в личной форме. Попытка оттянуть момент подбора для глагола-сказуемого эквивалента очень часто приводит к дополнительным трудностям: необходимости менять падежи су-

шествительных, которыми управляет глагол, и т.д. Поэтому вопрос о подборе эквивалента для глагола-сказуемого в личной форме следует научиться решать уже в начале перевода.

Для развития навыка выделения ключевых участков перевода можно рекомендовать в ходе предварительного анализа ИТ поставить перед студентами задачу выделить те места, которые, по их мнению, составят наибольшие трудности для перевода. Над переводом этих мест можно поработать в группе.

Как протекает фаза контроля? А.Д. Швейцер считает, что контроль в переводе осуществляется путем сравнения реакций носителей ИЯ и носителей ПЯ соответственно на ИТ и ПТ. Конечно, сопоставляются не непосредственно реакции, а предположения (гипотезы) переводчика о них¹. Поскольку реакции носителей разных языков могут быть самыми различными, переводчик, если следовать гипотезе А.Д. Швейцера, по-видимому, сравнивает некоторые обобщенно-усредненные реакции, отражающие не индивидуальный, а национальный (лингвоэтнический) характер. Представление о таких «реакциях» может быть создано только в результате достаточно сложной абстракции, и поэтому возникают сомнения в том, что переводчик в фазе контроля действует таким образом. Это также противоречит утверждению о том, что перевод осуществляется наиболее простым, экономным и рациональным путем.

Отталкиваясь от положения, что перевод ведется методом перебора вариантов с постепенным исключением из формирующегося текста «отрицательного» материала, можно представить себе другой, значительно более простой способ осуществления контроля.

Проигрывая первичный (буквальный) вариант перевода, переводчик как бы примеривает его к хорошо ощущаемой им лингвоэтнической коммуникативной компетенции носителя ПЯ (адресата перевода). Он выявляет те места формирующегося переводного высказывания, которые, заведомо не соответствуя этой компетенции адресата, затрудняют восприятие сообщения, вызывают неадекватный коммуникативный эффект.

Далее путем компенсирующих модификаций содержания и структуры формирующегося переводного высказывания переводчик пытается избавиться от таких неадекватных мест. Просматривая и оценивая промежуточные варианты, он последовательно примеривает их к лингвоэтнической компетенции адресата до тех пор, пока не перестанут поступать сигналы о неблагополучии на том или ином отрезке формирующегося высказывания. Прекращение таких сигналов означает, что исключено последнее неадекватное место в переводе и найден его оптимальный вариант, который является таковым, по крайней мере, субъективно, т.е. с точки зрения переводчика.

¹ См.: Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. — С. 64—65.

Последовательно исходя из положения об экономности и рациональности «человеческого» (т.е. не машинного) перевода, логично предположить, что в процессе перебора вариантов рассматриваются лишь те места формирующегося высказывания, которые вызывают у переводчика ощущение неблагополучия¹. Иногда бывает и так, что, исключив из формирующегося перевода неблагополучные места, переводчик неожиданно для себя вместо радости ощущает досаду: найденное решение проблемы неблагополучного места не согласуется с уже выполненными стандартными усилиями, и потому необходимо переделать ранее найденное. Причины подобных «сюрпризов» в идиоматичности языка перевода, в «капризах» лексико-семантической и грамматической сочетаемости, в нелогичности нормы, узуса и т.д. Однако и в этих случаях быстро найденные и затем отброшенные решения стандартного характера не оказываются бесполезными. Они уже сыграли свою положительную роль в качестве временных подпорок строящегося здания перевода, позволив переводчику сосредоточить внимание на более сложных конструкциях и потому построить их быстрее.

После осуществленных в процессе первых проб стандартных переводческих решений формирующийся текст начинает напоминать упражнение, в котором имеются пропуски, подлежащие заполнению на основании данных, содержащихся в остальных частях текста. Операция по заполнению этих пропусков является своего рода вероятностным прогнозированием. Навык такого прогнозирования особенно важен в устном переводе.

Подчеркнем важность того обстоятельства, что описанный механизм контроля обеспечивает не только равноценность регулятивного воздействия ИТ и ПТ, но также и переводческую эквивалентность в ее втором аспекте — максимально возможную текстуальную (речемыслительную) эквивалентность ИТ и ПТ. Она порождается путем постепенных и строго мотивированных отступлений от семантики и структуры ИТ, отраженной в первичном (буквальном) пробном варианте формирующегося переводного высказывания.

В свете изложенного понимания процесса контроля важнейшим умением, необходимым переводчику на этой фазе перевода, является умение обнаруживать в формирующемся тексте различные дефекты. В процессе дальнейших проб и переборов вариантов переводчик научится устранять их. Это умение развивается в процессе выполнения заданий на обнаружение, классификацию и устране-

¹ Приведем мнение М.Я. Цвиллинга: «В процессе поиска переводческого решения имеет место максимальное сосредоточение усилий... на ключевых участках поиска, о которых сигнализирует ощущаемая переводчиком неудовлетворенность наметившимся вариантом решения или неуловимость, расплывчатость представления о нем» (Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развития переводческих навыков // Чтение, перевод, устная речь. — Л., 1977. — С. 178).

ние ошибок и недочетов в текстах переводов (подробнее об этом в следующей главе).

Наша интерпретация процесса поиска оптимального варианта перевода (путем проб и переборов вариантов) позволяет также в какой-то мере осветить проблему механизма формирования представления о цели переводческого действия. Напомним, что цель — это результат, который должен быть достигнут как следствие определенных действий, а именно — то речевое произведение, которое должно быть создано переводчиком. А. Н. Леонтьев подчеркивал, что формирование цели не является одномоментным актом. Это характеризует и процесс перевода.

В стадии, предшествующей переводу, до того как переводчику стало известно, какой текст он будет переводить, связанных с ним осознанных целей у него, естественно, быть не может. Однако уже на этом этапе действует фактор, под постоянным влиянием которого произойдет формирование будущих целей. Это знание (в отчетливой или подсознательной форме) основных требований к переводу, условий отождествления ИТ и ПТ. Когда становится известно, к какому жанру относится текст, с которым переводчик будет работать, появляется еще один фактор, обуславливающий формирование будущих целей, — знание того, какие элементы содержания и структуры текста являются наиболее весомыми для данного жанра, знание наиболее вероятных предпочтений при решении вопроса об их передаче или опущении.

Формирование целей как суммы представлений о речевом произведении на ПЯ, адекватном требованиям к переводу вообще и в частности к текстам данного коммуникативно-функционального жанра, и представлений об эквивалентности ПТ и ИТ — все это наступает в процессе непосредственной работы, начинающейся с перебора вариантов. Первоначальная «пробная» цель — это представление о буквальном переводе высказывания, его кальке на ПЯ. Реализуя пробную цель, переводчик «примеривает» ее к лингвоэтнической коммуникативной компетенции адресата ПТ и, обнаруживая неадекватность, вносит в нее коррективы.

На основе уже скорректированной цели он проигрывает новый пробный (промежуточный) вариант перевода и вновь контролирует его на годность, сопоставляя с компетенцией носителя ПЯ. Если и этот вариант не удовлетворителен, вносятся коррективы в формирующуюся цель, проигрываются новые варианты перевода — до тех пор, пока на очередном этапе контроля не будет установлено, что полученный текст оптимален.

Важным элементом механизма целеобразования при переводе является обратная связь. Каждый пробный вариант вносит коррективы в формирующуюся переводческую цель, каждая скорректированная цель в той или иной мере видоизменяет набор и характер применяемых в следующий раз (в очередной пробе) операций. Ины-

ми словами, в процессе перевода происходит взаимная детерминация «поиска цели и подбора средств ее реализации»¹. При этом, вероятнее всего, создание пробных вариантов и уточнение цели переводческого действия осуществляются в значительной степени параллельно. По мнению М. Я. Цвиллинга, это даже некий двуединый процесс, в котором «слиты воедино поиск (уточнение) конечной цели и поиски (пробы) средств — путей к ее достижению»².

И в заключение этой главы остановимся на еще одной характерной черте процесса перевода — часто возникающем несоответствии между эквивалентностью отдельных отрезков ИТ и ПТ и эквивалентностью этих текстов в целом.

Суть и причины этого явления кроются в следующем противоречии. Переводческая эквивалентность должна быть установлена прежде всего на уровне двух текстов — в этом главная задача переводчика. Однако устанавливается эта крупномасштабная эквивалентность путем последовательного приравнивания друг к другу отдельных отрезков разноязычных текстов, в результате чего образуется ряд взаимозэквивалентных речевых произведений (высказываний), постепенно складывающихся в два взаимозэквивалентных текста.

Такого рода синтез отношений эквивалентности отдельных отрезков ИТ и ПТ в отношении эквивалентности двух текстов в принципе не является механическим объединением звеньев в одну цепочку. Здесь происходит более сложный процесс, для которого характерно возникновение противоречий, а также наличие обратной связи, с помощью которой эти противоречия преодолеваются.

В известном смысле макроэквивалентность оказывается результатом эквивалентности в более мелких масштабах. Вместе с тем, возникая в процессе перевода из микроэквивалентностей, эквивалентность более высокого порядка, в свою очередь, начинает предъявлять требования к переводу отдельных отрезков и порой побуждает к определенным коррективам в уже отработанных и установленных вариантах.

Яркий пример, иллюстрирующий такого рода обратную связь, приводит переводчик и редактор художественной литературы Р. Райт-Ковалева, рассказывая о том, как переводилась трилогия американского писателя Фолкнера.

Первая книга трилогии называется «Деревушка». «В этом романе, — пишет Р. Райт-Ковалева, — впервые появляется героиня всей трилогии Юла Уорнер. Она еще ребенок, рано созревшая девочка, ленивая, пассивная, медлительная. Переводчики романа сначала

¹ Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности. — С. 15.

² Цвиллинг М. Я. Эвристический аспект перевода и развития переводческих навыков // Чтение, перевод, устная речь. — С. 138.

упустили, что в этой девочке уже дремлет будущая “Елена Прекрасная” — неотразимое воплощение вечной женственности, почти языческое божество. Из-за этой забывчивости лексика была взята более сниженная и образ будущей “Елены” упрощен и огрублен. ... Мы обсудили всю линию Юлы, так сказать, сделали ее портрет во всех деталях, и сразу появилась другая интонация, другой ряд слов: губы стали не “толстые”, а “пухлые”, походка не “ленивая”, а “с ленцой” и кожа не “бесцветная», а “матовая”. Никаких “вольностей” мы себе не позволили: но по-английски husky voice может относиться и к пьяному матросу (тогда это хриплый голос), и к неземной красавице — тогда голос может стать, смотря по контексту, грудным или сдавленным, глухим, придушенным и даже невнятным. И оттого, что талантливые переводчики по совету редактора увидели эту неулыбчивую, медлительную и спокойную красавицу именно так, как видел ее Фолкнер, отбор слов пошел по другому руслу и Юла посмотрела на мир волооким взором, а не “коровьими” глазами¹.

Причины рассогласования между макро- и микроэквивалентностями таятся в специфике переводческой технологии. В процессе перевода невозможно оперировать большими отрезками ИТ и ПТ, переводчик вынужден работать над небольшими, обозримыми (т.е. умещающимися в поле зрения переводчика) текстовыми отрезками. Сосредоточиваясь на приравнивании небольших отрезков ИТ и ПТ, переводчик невольно может упустить требования к переводу в целом, обусловленные эквивалентностью более высокого уровня. Из-за этого ПТ, состоящий из ряда высказываний на ПЯ, казалось бы, эквивалентным соответствующим высказываниям на ИЯ, может в некоторых деталях оказаться неэквивалентным ИТ. Типичный пример такого рассогласования — несовпадение частотных, узуальных характеристик языковых средств ИЯ и ПЯ. Не бросающаяся в глаза при сопоставлении небольших отрезков ИТ и ПТ «частотная неэквивалентность» выступает контрастно при сопоставлении больших массивов текста.

Другой характерный пример аналогичного рода — несоответствие степени связности ИТ и ПТ: возникший из ряда «эквивалентных в отдельности» высказываний на своем языке ПТ целиком может не обладать достаточной степенью связности; его отдельные части не образуют в полной мере логичную последовательность, в результате чего восприятие всего текста, его понимание затрудняются.

Все это выглядит парадоксально: отдельные попарно взятые слагаемые двух сумм равны между собой, а сами суммы не равны. Однако этот парадокс — кажущийся. Содержание текста не является суммой входящих в него единиц.

¹ Райт-Ковалева Р. Нить Ариадны // Редактор и перевод. — М., 1965. — С. 9.

Основным средством преодоления противоречий между отношениями эквивалентности в крупном и мелком масштабах является редактирование ПТ. В процессе редактирования переводчик последовательно укрупняет масштаб взаимозэквивалентных участков текста: приравнивает друг к другу уже не синтагмы и предложения на ИЯ и ПЯ, а абзацы и тексты в целом. Обучение редактированию — обязательный элемент обучения переводу.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Охарактеризуйте два основных способа перевода и их соотношение в практической переводческой деятельности.
2. Назовите три фазы переводческого действия.
3. В чем особенность переводческого восприятия текста?
4. Объясните методику самоконтроля действий переводчика.
5. В чем важность методики и механизма целеобразования на подготовительном к переводу этапе?
6. Объясните причину допустимого рассогласования макро- и микро-масштабной эквивалентности.
7. Что обуславливает важность и необходимость редактирования перевода?

ГЛАВА 8
ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ПЕРЕВОДА

Методика преподавания перевода — весьма мало разработанная область педагогической науки. Практически неяснена сама проблематика обучения универсальным переводческим умениям и навыкам, необходимым во всех видах перевода — устном и письменном, последовательном и синхронном. А ведь именно с их развития, очевидно, и следует начинать обучение переводу, ибо на этом фундаменте должны строиться специфические умения и навыки, обусловленные различными видами перевода.

Умение осуществлять действие предполагает видение цели будущего результата и владение необходимыми операциями. Или, говоря словами А. А. Леонтьева, в психологической структуре деятельности имеются две стороны: интенциональная (что должно быть достигнуто) и операциональная (как, каким образом это может быть достигнуто)¹. В переводческом действии цель заранее определяется не до конца, она формируется и уточняется в ходе операций, т. е. ее формирование и ее реализация протекают почти параллельно. При этом цель как образ будущего результата актуально осознается почти одновременно с нахождением оптимального (по мнению переводчика) варианта перевода. Иными словами, целеполагание в переводе в значительной мере «заглушено» операциями, относящимися к фазе реализации. Поэтому собственно переводческие упражнения — различного рода задания на выполнение перевода — не могут служить достаточно эффективным средством в развитии навыка целеполагания. Можно весьма долго упражняться в переводе и не обрести необходимой уверенности в отборе приемлемых вариантов, продолжать испытывать при принятии решения порой мучительные колебания². Трудности, а иногда и неумение определить цель переводческого действия и, как следствие, отли-

¹ См.: Леонтьев А. А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. — М., 1983. — С. 13.

² В какой-то мере эти колебания предопределены природой перевода, принципиальной неединичностью переводческих решений. Однако влияние последнего допустимо только в какой-то мере и лишь в некоторых случаях, иначе эффективная работа переводчика будет просто невозможна.

чить хороший перевод от плохого находят свое выражение в двух противоположных тенденциях — все представляется нормальным, приемлемым или, наоборот, все время кажется, что что-то не так.

Для развития навыка целеполагания необходимы особые, несвязанные непосредственно с переводом упражнения.

Однако, прежде чем поведи о них речь, отметим, что важнейшую роль в формировании навыка целеполагания играют знания из области теории перевода. Это прежде всего понимание общественного предназначения перевода (ведущий мотив всей переводческой деятельности), знание трех основных требований к ПТ (три условия переводческой эквивалентности) и противоречий между ними, наличие представлений о факторах, образующих лингвоэтнический барьер, и способах их нейтрализации, а также представлений о тексте как о системе содержательных элементов различной функциональной значимости, предполагающих соответственно разную степень полноты их воспроизведения в переводе.

Здесь возникает вопрос о том, как наиболее доходчиво и обоснованно довести эти знания и до обучаемого.

Наиболее приемлемой формой решения этой задачи представляются комментарии более опытных переводчиков по поводу учебных переводов. Так, в качестве повода для краткой беседы об общественном предназначении перевода могут быть использованы вольности, допущенные в учебных переводах. Можно также практиковать проблемные задания: раздаются тексты оригинала, перевода и пересказа и ставится задача определить разницу между переводом и пересказом.

Положение об общественном предназначении перевода, его отличиях от других видов языкового посредничества может быть обсуждено и подтверждено в ответ на возможный вопрос о том, зачем, скажем, в переводе нужны разные тонкости и оттенки — достаточно лишь передать содержание, главную мысль оригинала. Как показывает педагогическая практика, такие взгляды часто встречают понимание у невзыскательных пользователей перевода.

Для начала беседы о требованиях языковой нормы и узуса к тексту перевода можно использовать соответствующие ошибки, допущенные неопытными переводчиками. Большую пользу приносит и проблемное задание — предложить тексты с нормативными и узуальными недочетами и задать вопросы относительно того, в чем суть недочетов, как они влияют на восприятие текста.

Однако общие знания и представления о переводе сами по себе еще не обеспечивают умения адекватно сформировать цель переводческого действия. Для этого необходимы именно специальные упражнения, которые мы упомянули вначале.

Теоретическим обоснованием для этих упражнений становится разработанное в предыдущей главе представление о том, что оптимальный вариант перевода достигается путем последовательно-

го исключения из промежуточных (пробных) вариантов «отрицательного материала». Параллельно с этим формируется цель переводческого действия — образ речевого произведения на ПЯ, которое должно быть создано. Стало быть, умение сформировать цель в переводе теснейшим образом связано с умением видеть в переводах «отрицательный материал».

Развитие этого умения целесообразно начинать с введения классификации переводческих ошибок. Перевод можно рассматривать как процесс, имеющий две ипостаси: 1) воспроизведение содержания ИТ (с функционально дифференцированной степенью необходимой полноты); 2) адаптацию (функционально обусловленную) этого содержания и форм его выражения к новым лингвоэтническим условиям восприятия. Такая трактовка перевода (одна из возможных интерпретаций) позволяет объяснить все ошибки и недочеты в переводах двумя наглядно выделяемыми причинами: 1) недостатками в трансляции исходного содержания и 2) недостатками в адаптации содержания и формы текста на ПЯ к коммуникативной компетенции адресатов перевода.

Недостатки в трансляции исходного содержания выражаются в искажениях, неточностях и неясностях.

Искажение — это такое субъективно обусловленное отклонение содержания перевода от содержания оригинала, в результате которого потенциал воздействия ПТ не соответствует потенциалу воздействия ИТ; а именно — ПТ вводит в заблуждение своего получателя относительно предмета сообщения, вызывает неадекватные представления и эмоции. Например:

It was the first case that was *truly* capable of protecting the delicate watch mechanisms, not only against water, but also dust, dirt, shock and *the elements*.

Это был первый корпус, который *действительно* был способен защитить точный часовой механизм не только от воды, но и от пыли, грязи, ударов и *посторонних частиц*.

Здесь первая ошибка была спровоцирована многозначностью слова *truly* (*действительно, по-настоящему, в полном смысле слова, в полном объеме*). А вторая — многозначностью слова *element*, которое во множественном числе с определенным артиклем чаще всего означает *стихии*. Кроме того, при выборе эквивалента во втором случае надо было также учесть рекламный характер текста. Гораздо лучше выглядит следующий перевод этого предложения:

Это был первый корпус, который смог *полностью* защитить точный часовой механизм не только от воды, но и от пыли, грязи, ударов, да и от *всех стихий сразу*.

Классифицируя допущенные ошибки, первую из них можно отнести к неточностям, а вторую — к искажению смысла и потере некоторой информации.

Подчеркнем в общем-то само собой разумеющееся обстоятельство — говоря об искажениях и неточностях, мы имеем в виду лишь функционально немотивированные отклонения от содержания оригинала, которым противостоят функционально мотивированные модификации исходного содержания, призванные сохранить интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое воздействие оригинала.

Еще одним дефектом в передаче содержания является неясность. Она представляет собой такой функционально-содержательный изъян ПТ, в результате которого затемняется смысл переводного высказывания, достаточно четко выраженный в ИТ, т. е. в переводе становится не вполне ясно, что хотел сказать автор. Например:

Disk drives *are restricted* to program loading and backup and *historical* data functions associated with the part of the system.

На дисковые накопители не разрешается помещать загрузочные программы и их копии, а также информацию о диагностике этой части системы.

Глагол *restrict* имеет смысл не *ограничивать в чем-либо*, а *разрешать что-либо в ограниченных пределах*. Прилагательное *historical* в последнее время все чаще употребляется в значении *хронологический*. С учетом этих уточнений становится очевидным, что предложение приобретает почти противоположный смысл.

Применение дисковых накопителей ограничивается загрузкой, дублированием и накоплением хронологии этой части системы.

Неясности в переводе нередко возникают из-за громоздкости, неудобоваримости синтаксических конструкций оригинала.

Источник переводческих ошибок может находиться и в другой ипостаси переводческого процесса — в действиях переводчика по адаптации транслируемого содержания и форм его выражения к новым лингвоэтническим условиям восприятия. Целью этих действий является создание таких «сдвигов» ПТ по отношению к ИТ, которые компенсировали бы расхождение в лингвоэтнических коммуникативных компетенциях носителей двух языков. Однако эти сдвиги, т. е. переводческие усилия, направленные на компенсацию расхождений, могут оказаться либо недостаточными, либо чрезмерными. В первом случае речь, как правило, идет о буквализмах, во втором — о так называемых переводческих вольностях.

Понятия «буквализм» и «вольность» больше говорят нам о причине ошибки, ее происхождении, нежели об ее отрицательном влиянии на коммуникацию с переводом. По количеству их отрицательно-го влияния на общение буквализмы подразделяются на ошибки функционально-содержательного и функционально-нормативного плана. К первым относятся уже упоминавшиеся нами (однако не в связи с буквализмами) искажения, неточности и неясности. Например:

It seems ages since we *heard from* you — and even longer since we last saw you.

Кажется, прошла вечность с тех пор, как мы *что-то слышали* о вас, и еще больше с тех пор, как мы видели вас.

Следовало бы:

Кажется, прошла вечность с тех пор, как мы получили весточку от вас, и еще больше с тех пор, как мы виделись.

Здесь возникает неточность из-за буквальности перевода глагола с предлогом *to hear from* — *получать известие* (например: *We were so worried when we didn't hear from you for three weeks. — Мы так волновались, от тебя три недели ничего не было.*)

Характерным результатом буквалистского калькирования ИТ является такая ошибка содержательного плана, как потеря информации в результате неучета переводчиком преинформационного разрыва между носителями ИЯ и носителями ПЯ. Не каждый читатель может правильно понять буквальный перевод. Например: *Madam, you are Ceasar's wife!* — *Мадам, вы же жена Цезаря!* Здесь необходима дополнительная (пояснительная) информация: *Мадам, вы, как и жена Цезаря, должны быть вне подозрений.*

Типичным порождением буквализма в переводе оказываются нормативно-языковые и узуальные ошибки. Как уже говорилось, нарушения языковой нормы воспринимаются как некоторые абсолютные, не зависящие от ситуации и темы общения нарушения правил функционирования языка. В обиходе такие нарушения именуются неграмотностью.

Was der Mensch von klein auf vor sich sieht, darauf reagiert er nicht in solcher Art: er wundert sich nicht über das Fallen der Körper, über Wind und Regen, nicht über den Mond und nicht darüber, daß dieser nicht runterfällt, nicht über die Verschiedenheit des Belebten und des Nichtbelebten.

(Herneck F. Albert Einstein)

Человек так не реагирует на то, что он видит с малых лет. Ему не кажется удивительным падение тел, ветер и дождь, он *не удивляется на луну и на то*, что она не падает, *не удивляется на различие* между живым и неживым.

(Гернек Ф. Альберт Эйнштейн)

Здесь норме русского языка противоречат словосочетания *удивляться на луну, на то, что она не падает, на различие...* (Глагол *удивляться* управляет дательным падежом.) Иногда в разговорной речи можно услышать: «Удивляюсь я на тебя» — выражение, которое, вероятно, возникло из более распространенного: «Удивляюсь я, на тебя глядя». Однако это бытовое выражение не дает оснований употреблять упомянутый глагол с предлогом *на* постоянно. Приведенную фразу из книги Гернека можно было бы перевести: *...его не удивляет луна и то, что она не падает, не вызывает удивления различие между живым и неживым.*

Еще один пример из той же книги.

...Wilhelm Ostwald gelangte... zu der Absicht, dass die genialen Entdecker in der Regel durch ungewöhnliche geistige Frühreife auffallen. Sie beschäftigen sich schon als Kinder mit Dingen und Fragen, die später in ihrem wissenschaftlichen Lebenswerk wiederkehren.

...Вильгельм Оствальд приходит к выводу, что гениальные открыватели и изобретатели, как правило, поражают своим ранним умственным развитием. Еще детьми они занимаются делами и вопросами, которые мы затем снова *встречаем в научном подвиге* их жизни.

По-русски не говорят *встретить в подвиге*. Можно было перевести без нарушения нормы, например: *...занимаются делами и вопросами, к которым затем возвращаются в своем научном творчестве.*

А вот пример на английском языке: *We haven't seen much of the Joneses since we've been living here. — Мы не много видели Джонсов с тех пор, как живем здесь.*

Буквальный перевод слова *much* противоречит норме русского языка. Не полностью учтены особенности согласования сказуемых в двух частях сложного английского предложения. Правильнее было бы перевести: *Мы не часто видим Джонсов с тех пор, что живем здесь.*

Ошибки в узусе воспринимаются не как неграмотность, а как неуместность, т.е. несоответствие тому, как принято говорить в данной ситуации общения, или тому, как обычно говорят о данном предмете общения. (Примеры на немецком языке даны из указанной выше книги Ф. Гернека.)

Bis in seine letzten Lebensjahre ist Einstein ein leidenschaftlicher Raucher gewesen.

До самых последних дней жизни Эйнштейн оставался *страстным* курильщиком.

Die Mutter des Physikers ... war die Tochter eines Getreidehändlers, der es zu ansehnlichem Wohlstand gebracht hatte.

Мать физика... была дочерью торговца зерном, который *добился* приличного состояния.

West Germany's Siemens AG, a heavyweight in medical electronics, is expanding its hearing-aid marketing effort in France.

Фирма Siemens AG, «тяжеловес» в медицинской электронике, расширяет сбыт своих слуховых аппаратов во Франции.

В первом случае узуально было бы словосочетание *заядлым курильщиком*, во втором — *сколотил состояние*, в третьем — *один из ведущих изготовителей изделий медицинской электроники*.

Напомним, что необоснованная неузуальность в переводе может создать иллюзию авторского приема там, где его нет. Например:

Auf manchen scharfen Beobachter... machte er den Eindruck einer gewissen Wirklichkeitsfremdheit und einer fast kindlichen Gutgläubigkeit.

На некоторых *острых* наблюдателей... он производил впечатление оторренности от мира и почти детской доверчивости.

Необычность русского словосочетания *острый наблюдатель* здесь явно не соответствует обычности немецкого *scharfer Beobachter*. Следовало перевести точнее: *внимательный наблюдатель*.

К узуальным ошибкам, в частности, относятся различного рода функционально-стилистические и нормативно-стилистические неадекватности.

Als Einstein und Habicht in Solovines Zimmer kamen, wo die Sitzung dieses Mal stattfinden sollte, und das Akademiemitglied nicht vorfanden, verzehrten sie zunächst alles, was der Freund für sie aufgetischt hatte.

Однажды, когда Эйнштейн и Габихт пришли в комнату Соловина, где на этот раз должно было состояться заседание «академии», и не обнаружили там «члена академии», они прежде всего *слопали* все, что их друг оставил для них на столе.

Ошибку, допущенную переводчиком, можно расценивать двояко: как неточность (неточную передачу стилистического компонента значения нейтрального глагола *verzehren*) и как узуальную ошибку — употребление несвойственной жанру научно-популярного текста лексической единицы с фамильярной нормативно-стилистической окраской.

Адаптация исходного содержания и форм его выражения к иным лингвоэтническим условиям восприятия, отличающимся от тех, что типичны для носителей ПЯ, не ограничивается лишь нейтрализацией расхождений в области языковых норм и узусов. Она направлена на нейтрализацию расхождений в системах ИЯ и ПЯ. Если такие расхождения не нейтрализованы, то перевода как такового не получается и двуязычная опосредованная коммуникация состояться не может. Иными словами, нейтрализация норм и узусов предполагает уже совершившуюся нейтрализацию расхождений систем ИЯ и ПЯ.

Однако попытки подобной нейтрализации могут оказаться в том или ином смысле дефектными или, точнее говоря, неполными. С какого же рода ошибками мы будем иметь дело в этом случае? Обратимся к примерам.

Erst unter dem Eindruck der überraschenden und überwältigenden Entdeckungen, die in der zweiten Hälfte der neunziger Jahre in der atemberaubenden *Folge ans Licht traten*, brach die mechanische Naturauffassung zusammen.

Лишь под влиянием неожиданных и потрясающих открытий, которые во второй половине 90-х годов *начали сменять друг друга* в захватывающей дух последовательности, механистическая концепция природы потерпела крушение.

Здесь явно не сочетаются семантически слово *открытия* и словосочетание *сменить друг друга*. *Сменить* означает замену одного другим, т.е. такой процесс, когда одно появляется, а другое ухо-

дит, исчезает. Именно так, в частности, трактует значение данного глагола словарь С. И. Ожегова. Открытия не могут сменять друг друга, ибо они не исчезают, не уходят, а следуют друг за другом.

Обратимся к примеру на английском языке.

The wolf in sheep's clothing has his electronic counterpart — a monolithic 12-bit digital-to-analog converter that has masqueraded for a year as a 10-bit DAC and will soon emerge at its real length, hoping to gobble up the market enjoyed by hybrid and modular converters.

Монолитный 12-разрядный цифроаналоговый преобразователь в течение года выпускался как 10-разрядный ЦАП; вскоре он будет выпущен в полноразрядном исполнении, причем фирма-изготовитель надеется завладеть рынком, который в настоящее время заполнен модульными и гибридными преобразователями.

Экспрессивность, подобная выражению *the wolf in sheep's clothing*, — вольность, не свойственная русским специальным текстам. Сохранение ее в переводе может вызвать нежелательный эффект, поэтому целесообразно эти слова, не несущие содержательной нагрузки, из перевода специального текста исключить. В ряде случаев переводчик не только должен учитывать стилистические особенности оригинала, но и ориентироваться на нормы соответствующего функционального стиля перевода.

Иными словами, в переводе может появиться речемыслительная ошибка, которую нельзя (в системе принятых нами понятий) истолковать ни как нормативную, ни как узуальную. Такое истолкование было бы поверхностным, ибо как понятие нормы, так и понятие узуса не отражают ничего, кроме степени употребительности или неупотребительности слов, словосочетаний. Допускаемые в подобных ситуациях ошибки имеют более глубокие корни, уходящие в лексико-семантическую систему языка, т.е. в свойственную, в нашем случае русскому, языку систему значений лексических единиц.

Для удобства и во избежание сложных теоретических обоснований на учебных занятиях по переводу такие ошибки можно трактовать как нарушение смысловых связей.

Типичным случаем нарушения смысловых связей являются различного рода тавтологии. Например:

Dieser breitangelegte, das Gesamtwissen der Zeit über Erde und Weltall zusammenfassende „Entwurf einer physischen Weltbeschreibung“...

(Herneck F. Albert Einstein)

Этот широко задуманный «Этюд физического описания мира», охватывающий воедино совокупность знаний того времени о Земле и Вселенной...

(Гернек Ф. Альберт Эйнштейн)

Слово *совокупность* уже содержит в себе значение, выражаемое словом *воедино*. Кроме того, по-русски вообще нельзя сказать «охватывать воедино». Это неграмотно.

А вот подобный пример из перевода с английского языка:

This leads to the conclusion that the optimal solution takes maximum advantage of the possibility for F to exceed the value W.

Это *ведет к выводу* о том, что оптимальное решение максимально использует то, что F превышает значение W.

Здесь режет слух звуковой повтор в словах *ведет* и *вывод* (лучшим вариантом было бы *из этого следует*), а громоздкая конструкция *оптимальное решение максимально использует* затрудняет восприятие смысла (*оптимальное решение использует*).

И наконец, как и любой говорящий или пишущий человек, переводчик может допускать погрешности стилистического плана: использовать слишком тяжелые, неудобоваримые конструкции, грешить повторами и т. д. Эти ошибки не всегда связаны именно с переводческой деятельностью. Их причиной могут быть обычные пробелы в культуре речи. Такого рода ошибки мы будем именовать стилистическими. Пример из книги Ф. Гернека:

Der junge Einstein wuchs in einem von Gartengrün umgebenen Haus in fast ländlicher Gegend im Süden der bayrischen Hauptstadt auf.

Юный Эйнштейн рос в утопающем в зелени домике, расположенном в почти сельской местности, в южной части баварской столицы.

В переводе три раза повторяется предлог *в*, особенно неудачно словосочетание *рос в утопающем в зелени домике*. Этого можно было избежать; и фраза могла выглядеть так: *Детство Эйнштейна прошло почти что в сельской местности, на южной окраине баварской столицы в небольшом домике, окруженном садом.*

И наконец, еще один пример:

Faced with the problem of choosing any particular item, there are several lines of communication which might provide some guidance.

Когда вы оказываетесь *перед лицом проблемы* выбора какого-нибудь конкретного товара, существует несколько способов общения, которые могут оказать содействие.

На неблагоприятном фоне всего перевода особенно плохо воспринимается явная стилистическая погрешность: *перед лицом проблемы (перед проблемой выбора)*.

Противоположностью по отношению к буквализмам являются вольности. Если буквализм — результат недостаточности компенсирующих расхождений ИТ и ПТ, то вольность возникает там, где эти расхождения чрезмерны. Психологическая подоплека вольности — в стремлении перевести как можно «красивее» или же в нежелании тратить усилия на поиск оптимального варианта.

«Вольность» — понятие достаточно общее. Оно отражает не более и не менее как только факт недопустимого в переводе отклонения ПТ и ИТ. Как переводческая ошибка вольность может быть конкре-

тизирована через другие, более определенные градации переводческих ошибок. В наиболее типичных случаях претензии к переводу за его вольность поддаются конкретизации через указания на допущенные переводчиком искажения и неточности. Однако бывает так, что суждение о вольности перевода не поддается большей конкретизации, ибо невозможно с уверенностью оценить, искажение это или неточность, но ясно, что можно перевести ближе к оригиналу и точнее. В таком случае вольность трактуется как нарушение второго условия переводческой эквивалентности — в максимально возможной мере (не вредящей равенству потенциальных воздействий ИТ и ПТ) передать семантико-структурные особенности оригинала.

Описанную классификацию переводческих ошибок можно наглядно обобщить с помощью схемы, представленной на рисунке 7.

Каждая переводческая ошибка имеет определенный вес. Наиболее весомы искажения, ибо одно-единственное искажение порой может перечеркнуть весь перевод.

При оценке учебных переводов наиболее серьезные искажения квалифицируются как «полная» ошибка, и за них от максимальной оценки (5 баллов) отнимается 1 балл. Вообще же искажения оцениваются в пределах 0,5 — 1 отрицательного балла. Все остальные переводческие ошибки оцениваются дифференцированно, по степени их отрицательного влияния на качество перевода, но не более чем в 0,5 отрицательного балла.

Оценивая учебные переводы, надо учитывать не только их недостатки, но и особые достоинства. За наиболее удачные, оригинальные переводческие решения могут быть добавлены поощрительные доли балла, но не более одного целого.

Ознакомление обучаемых с классификацией переводческих ошибок имеет двойкий методический смысл. Во-первых, возникает конструктивная основа для достижения взаимопонимания между наставником и стажером в процессе анализа и обсуждения учебных переводов, появляются заранее известные и согласованные критерии их оценки. Во-вторых, создаются необходимые предпосылки для упражнений по определению и исключению из текстов переводов некачественного материала.

Такие упражнения состоят из поиска переводческих ошибок в предъявленном материале. Оригинальные и переводные высказывания даются параллельно (в два столбца), последние содержат ошибки определенного типа. Целесообразно начинать с упражнений, где ПТ имеют ошибки только двух-трех типов, и заканчивать упражнениями, содержащими всю гамму переводческих ошибок. На первом этапе ошибки в тексте перевода можно выделять (подчеркивать), затем необходимость в этом отпадает. На заключительном этапе наряду с переводами, содержащими недостатки, студентам могут быть предложены совершенно корректные варианты, которые они должны отделить от ошибочных.

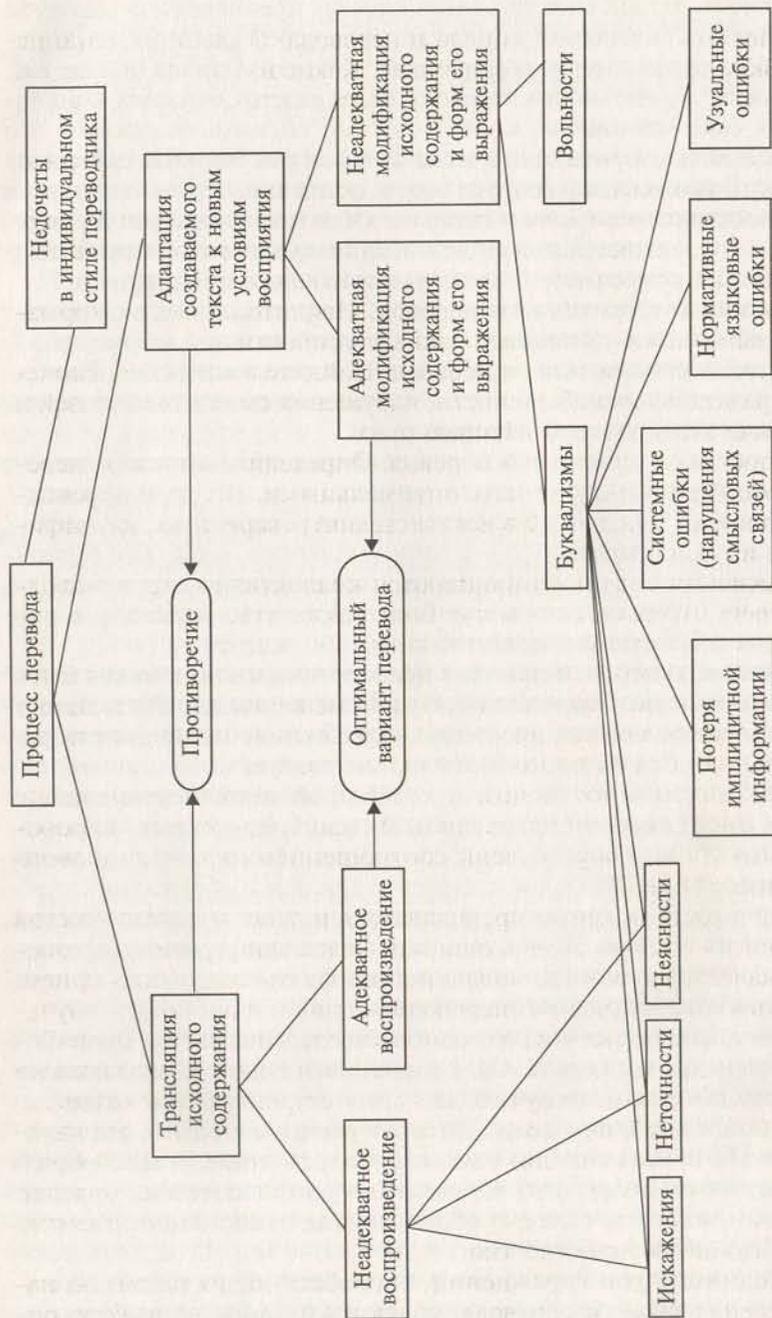

Рис. 7

Постановка заданий к упражнениям выглядит приблизительно так:

- Сопоставьте текст оригинала и перевода. Обратите внимание на ошибки, подчеркнутые в оригинале. Какие из них вы отнесете к искажениям, какие — к неточностям и неясностям? Исправьте переводческие ошибки.

- Сопоставьте оригинал и перевод. Найдите ошибки содержательного плана, квалифицируйте их и исправьте.

- Сопоставьте оригинал и перевод. Обратите внимание на подчеркнутые переводческие ошибки. Подразделите их на нормативно-языковые и узуальные. Устраните недочеты перевода.

- Сопоставьте оригинал и перевод. Найдите недочеты нормативно-языкового и узуального плана и устраните их.

- Сопоставьте оригинал и перевод. Найдите в переводе недочеты. Подразделите их на неясности, нарушения смысловых связей и стилистические недочеты. Исправьте их.

- Сопоставьте оригинал и перевод. Определите варианты перевода, которые можно признать оптимальными. Найдите переводческие ошибки и недочеты в некачественных вариантах, квалифицируйте их и исправьте.

Упражнения сначала выполняются коллективно под руководством преподавателя. Они могут быть также заданы на дом с последующей проверкой и коллективным обсуждением.

В качестве материала при составлении упражнений могут быть использованы ранее выполненные учебные переводы. Постепенно у преподавателя может накопиться «коллекция» наглядных переводческих ошибок. При этом, однако, не следует использовать неслучайные, ничем не объяснимые ошибки. В методическом плане ценность представляет анализ лишь тех ошибок, которые «спровоцированы» ИТ или обусловлены соотношением средств языкового выражения ИЯ и ПЯ.

Когда в распоряжении преподавателя нет подходящих текстов для развития умения видеть ошибки, классифицировать их, оценивать качество перевода, можно использовать следующий прием: пометить в текстах учебных переводов ошибки и попросить обучаемых классифицировать их и оценить качество перевода. Эту работу целесообразно проводить коллективно. Выполнять ее можно также следующим образом: поручить каждому студенту дома квалифицировать ошибки в переводе другого студента и оценить его качество. Поручать такой анализ самому автору работы нецелесообразно. Опыт показывает, что тот, кто выполнил перевод, нередко чрезмерно привязан к своему варианту и не в состоянии оценить его достаточно беспристрастно.

Еще одним видом упражнений, способствующих развитию навыка целеполагания в переводе, являются задания по выбору оптимального варианта перевода из числа нескольких предложенных.

Наиболее эффективен, на наш взгляд, выбор из нескольких параллельных текстов: оригинала и нескольких переводов, размещенных в параллельных столбцах. Задания можно сформулировать следующим образом.

- Сравните оригинал и три варианта перевода, выполненных разными переводчиками. Определите наиболее эквивалентные, с вашей точки зрения, варианты перевода отдельных предложений. Аргументируйте свой выбор (большая точность передачи содержания, большая функционально-стилистическая адекватность и т. п.). Объясните, в чем недостатки отвергнутых вами вариантов (недостаточная точность, недостаточная функционально-стилистическая адекватность, языковые погрешности).
- Определите наиболее удачный текст перевода в целом. Используя наиболее удачные фрагменты трех переводов, составьте оптимальный вариант перевода всего текста. При этом можете сделать собственный перевод текста в целом или его отрывков.

Упражнение на выбор оптимальных вариантов перевода может выглядеть и несколько иначе — состоять не из оригинала и нескольких завершенных переводов, а из оригинала, представляющего собой законченный текст, но с пронумерованными предложениями, и разных вариантов их перевода, также пронумерованных. Нумерация вариантов перевода в этом случае двойная, например: 1.1 — перевод первого предложения, вариант 1; 2.3 — перевод второго предложения, вариант 3 и т. д. Варианты переводов могут быть представлены цифровыми индексами — 1₁ и 2₃. Однако при таком предъявлении задания определить из числа предложенных наиболее удачный текст перевода в целом затруднительно.

Составление оптимального варианта перевода ИТ из оптимальных вариантов переводов отдельных фраз предполагает еще одно специфическое умение, а именно создать в максимальной мере связный, логически последовательный текст. Поэтому перед тем как начинать упражнения на составление оптимального варианта перевода из переводов отдельных высказываний, целесообразно проверить, умеют ли студенты строить правильную тема-рематическую последовательность изложения.

Сначала им следует рассказать о том, что любая правильно построенная речь разворачивается по определенной схеме, представляющей собой цепочку так называемых тем и рем. **Тема** является как бы исходной точкой высказывания — тем, что, по мнению автора, уже известно адресату, а **рема** — это собственно то новое, что ему сообщается. Например (слова, составляющие тему, выделены курсивом; слова, относящиеся к реме, набраны прямым шрифтом).

1. *Представители общественности* вчера посетили выставку молодых художников.

2. *Выставку молодых художников* вчера посетили представители общественности.

3. *Представители общественности* посетили выставку молодых художников вчера.

Тема-рематическое членение этих высказываний наглядно выступает, если поставить к каждому из них определенный вопрос:

1. Чт о сделали представители общественности?

2. Кт о вчера посетил выставку?

3. К о г д а представители общественности посетили выставку?

Цепочка тем и рем создается в тексте по определенным закономерностям. Так, в качестве темы последующей фразы часто выступает рема или часть ремы предыдущей.

Вчера *делегаты* прибыли в столицу. *Она* находится на берегу моря.

В качестве темы последующего предложения может также фигурировать и тема предыдущего.

Делегация прибыла в столицу. *Членов делегации* приветствовали представители городских властей.

Возможен и третий способ порождения тема-рематической цепочки — по ассоциации, по сходству, по аналогии, по переносу с целого на частное и наоборот. В определенной мере этот способ уже просматривается в предыдущем примере. Можно привести другой его вариант:

Делегация прибыла в столицу. *В столичном аэропорту* ее встречали представители общественности.

Имеется и четвертый способ порождения темы последующего высказывания: когда в нем темой становится существо (или самое существенное) предыдущего высказывания, представляющее собой как бы смысловую сумму его темы и ремы.

В телеграмме сообщалось об аварии самолета. *Необходимо было* срочно принять меры к спасению пассажиров и членов экипажа.

Таким образом, в качестве факторов, порождающих отправные точки последующих высказываний, т. е. тем, могут выступать все три смысловых компонента предыдущего высказывания — тема, рема и их смысловая сумма.

Как в русском, так и в английском и немецком языках типичным случаем является постановка темы на первое место в высказывании, а ремы на второе. Иногда тема и рема могут меняться местами, но при этом используется специальная интонация, указывающая на такую инверсию.

Естественное, правильное развертывание тема-рематической цепочки обеспечивает свободное (без сбоев) восприятие текста. Поэтому одна из важных задач переводчика состоит в построении такой тема-рематической последовательности, которая позволила бы адресату перевода свободно и легко следовать за мыслью автора.

Однако, как показывает практика, эта задача иногда выпадает из поля зрения молодых переводчиков. И тому есть не только субъективные, но и некоторые объективные причины. Как уже говорилось, в процессе перевода происходит сопоставление и приравнивание сравнительно небольших отрезков ИТ и ПТ. Переводчику постоянно приходится переключать внимание с ИТ на ПТ, у него как бы ограничивается «поле зрения», что не позволяет ему охватывать сверхфразовые единства (группы предложений), в масштабах которых только и может проявиться правильность или неправильность тема-рематического членения.

Поэтому, редактируя свои уже как бы готовые тексты, переводчики особое внимание уделяют совершенствованию тема-рематической последовательности, устранению недостатков в ее структуре. На этом этапе работы уже появляется возможность воспринимать ПТ достаточно большими объемами, что способствует выполнению качественных исправлений.

Таким образом, упражнения по развитию умения строить правильные тема-рематические последовательности наряду с упражнениями на классификацию и устранение переводческих ошибок являются хорошей базой для формирования умений и навыков редактирования текста перевода.

Задание к упражнению на развитие умения строить правильную тема-рематическую последовательность можно сформулировать следующим образом:

- Даны ИТ и ряд вариантов его перевода (по отдельным предложениям), которые отличаются друг от друга главным образом порядком слов. Составьте из этих вариантов ПТ, выбирая отдельные высказывания таким образом, чтобы они выстроились в правильную тема-рематическую цепочку, обеспечивающую высокую степень связности текста.

Такие упражнения учат не только правильно строить тема-рематическую последовательность, но и держать в поле зрения текстовую ретроспективу, помнить о текстовой перспективе. Они способствуют развитию умения преодолевать негативные последствия противоречивого континуально-дискретного характера перевода.

В механизме формирования навыка целеполагания в переводе важное место занимает умение увидеть оптимальный вариант в промежутке между «Сциллой» переводческого буквализма и «Харибдой» переводческой вольности. Развитию этого умения способ-

ствуют упражнения по выбору оптимального варианта перевода из ряда вариантов, в числе которых представлены и буквализмы, и вольности. Помимо определения оптимального перевода из ряда «конкурирующих» друг с другом вариантов студенты должны выделить излишне буквальные и слишком вольные решения.

Умение видеть буквализмы и вольности (чтобы затем исключить их из числа перебираемых вариантов) можно развивать и другими путями. В частности, может быть предложено следующее задание (на базе параллельных текстов оригинала и перевода):

- Сопоставьте исходные и переводные высказывания, определите, есть ли в них элементы буквализма и вольности. Если есть, то в чем сказывается их отрицательное влияние на перевод (искажения, неточности, нормативно-языковые, узуальные и другие ошибки)? Внесите в перевод необходимую правку.

Как это, так и все остальные описанные выше задания относятся к разряду предпереводческих упражнений, специфика которых заключается в том, что они развивают определенные умения, необходимые для перевода, но перевод как таковой при этом не осуществляется. Подобные упражнения помогают высветить и отработать важные умения переводческого целеполагания, как бы увидеть интенциональную сторону перевода, обычно «затемняемую» его операциональной стороной.

Предпереводческие упражнения могут быть широко использованы также с целью развития операциональных переводческих умений и навыков. Так, на начальном этапе обучения переводческим приемам студентам может быть предложено задание (на базе параллельных текстов на ИЯ и ПЯ) классифицировать приемы, с помощью которых переведены выделенные в тексте оригинала места (также выделенные в ПТ). Поначалу предлагается определить, где, с точки зрения обучаемого, подстановка и где трансформация. Затем задание усложняется и требуется определить виды подстановок и трансформаций.

Промежуточное место между предпереводческими и переводческими упражнениями занимают упражнения смешанного типа.

В качестве типичного примера таких упражнений можно привести задания на перефразирование с последующим переводом, суть которых заключается в следующем:

- Даются фразы, которые сначала нужно перефразировать на языке оригинала (ИЯ), а затем перевести.
- Даются фразы, которые сначала нужно перевести, а затем уже перефразировать в самом переводе (ПЯ).

И то и другое способствует преодолению «болезни буквализма», выработке переводческой гибкости. Первое упражнение рекомендуется при переводе с родного языка на иностранный. (Конечно же, нельзя ожидать от студентов, что они смогут выполнить перефразирование на иностранном языке.)

Предварительное перефразирование помогает дифференцировать значения единиц ИЯ и благодаря этому успешнее находить для них контекстуальное (переводческое) соответствие на ПЯ. Помимо всего прочего, перефразирование учит находить обходные пути достижения цели в тех случаях, когда какая-то часть исходного высказывания не поддается прямому переводу.

Перевод с последующим перефразированием по названным выше причинам целесообразно проводить тогда, когда наступает время перевода с иностранного на русский. Эти упражнения способствуют развитию навыка перебора вариантов. Переводя исходную фразу несколькими способами, студент получает реальную возможность сопоставить их и выбрать оптимальный вариант.

Следует отметить, что даже простое перефразирование на родном языке (не в связи с переводом) весьма полезно для развития переводческих умений и навыков. Оно учит варьировать средства языкового выражения, наглядно выявляет взаимосвязь мысли и ее языковой формы — их относительную самостоятельность и вместе с тем взаимозависимость.

Одной из разновидностей упражнений на перефразирование может быть упражнение с заданным началом. Например:

Чтобы быть хорошим собеседником, необходимо научиться слушать. — Не научившись... — Нельзя быть... — Хорошим собеседником... — Тот, кто...

При разработке таких упражнений следует подбирать только те фразы, которые подлежат перефразированию. Есть фразы, которые практически невозможно перефразировать.

В качестве примера предпереводческих упражнений другого типа можно привести задания на развитие умения пользоваться двуязычными словарями, крайне важного при письменном переводе и имеющего также более общее значение, поскольку при овладении этим навыком в определенной мере раскрываются механизмы такого фундаментального приема, как подстановка.

Материалом для упражнения служат отдельные высказывания на ИЯ, содержащие одно и то же выделенное слово со сложной, широкой, иногда даже несколько «туманной» семантикой. Например:

1. Zu einem machtvollen *Bekanntnis* für den Frieden, gegen imperialistische Hochrüstung gestaltete sich der traditionelle Solidaritätsbasar der Berliner Journalisten.

2. Im Poetenseminar holen sich die jungen Dichter Rat von erfahrenen Schriftstellern, was das literarische Handwerk angeht, aber auch und nicht zuletzt darüber, was *Lebensbekenntnis* und Geschichtserfahrungen für die künstlerische Arbeit bedeuten.

3. Er legte ein mutiges *Bekanntnis* seines Unrechts ab.

4. An jedem Tag in den vergangenen zehn Jahren hat sich die DDR mit Wort und Tat für die Verwirklichung der Schlussakte von Helsinki eingesetzt. Dieses

Bekanntnis zur europäischen Sicherheit nachhaltig zu bekräftigen, ist angesichts der zugespitzten internationalen Lage von höchster Aktualität (ND).

Приведем соответствующие примеры на английском языке.

1. Since then, Rolex have gone on to pioneer virtually every major *breakthrough* in the manufacture of the wrist-watch.

2. The misunderstanding was due to a *breakdown* of communication more than anything else.

3. The management wants a complete *breakdown* of your expenditure over the last six months.

4. The police are looking for three prisoners. Apparently there was a *breakout* last night.

К упражнениям такого типа даются следующие задания:

- Переведите данные предложения, обращая особое внимание на подбор эквивалентов для подчеркнутых слов.
- С целью уяснения (системных) значений подчеркнутых слов попытайтесь (подобно тому как это делается в толковых словарях) описать (по-русски) эти значения с помощью дефиниций.
- Составьте (по принципу двуязычных словарей) словарные статьи с подчеркнутыми словами. Решите при этом, какие из контекстуальных вариантов этих слов должны войти в словарную статью, а какие ввиду их окказиональности (малой частотности, недостаточной типичности) в словарную статью, ограниченную по размерам, включать не следует.

Упражнения рекомендуется выполнять коллективно в аудитории. Первый этап работы — перевод. Однако следует помнить, что цель упражнения — предпереводческая. Она заключается в том, чтобы, поставив студентов в положение составителей двуязычных словарей, наглядно продемонстрировать им особенности этих словарей, пределы той помощи, которую может оказать переводчику словарь, недопустимость механического, бездумного пользования им. Упражнение рассчитано на то, чтобы помочь студенту убедиться в следующем:

- отдельно взятые элементы левой части словарной статьи (во многих случаях) весьма неполно отражают значение определяемой лексической единицы ИЯ;
- лишь в своей совокупности элементы правой части более или менее адекватно репрезентируют семантику единицы ИЯ; поэтому получить представление о содержании единицы ИЯ с помощью двуязычного словаря во многих случаях можно, лишь как бы мысленно суммируя значения лексических единиц ПЯ, помещенные в правой части словарной статьи;
- мысленно подставив это суммарное значение в контекст, можно найти искомый контекстуальный (переводческий, а не словарный) эквивалент; при этом им может оказаться такое слово или словосочетание, которого в словаре нет;

– механическое пользование двуязычным словарем (выбор первого попавшегося эквивалента из словарной статьи) с большой вероятностью приведет к ошибке.

В процессе выполнения упражнений указанного типа у студентов складывается достаточно адекватное представление о системных значениях тех лексических единиц, для которых составляются дефиниции (по принципу толковых словарей) и словарные статьи (по принципу двуязычных словарей). Это создает хорошую основу для дальнейшей отработки умений, необходимых для адекватного выполнения подстановок теперь уже непосредственно в процессе переводческих упражнений. Студентам предлагается перевести высказывания, содержащие те же самые лексические единицы в самых разнообразных контекстах и предполагающие самые разные контекстуально обусловленные варианты перевода. Например: опираясь на представление о системном значении существительного... (или сложносоставного существительного...), полученное в ходе выполнения предыдущего упражнения, переведите данные предложения. Такие упражнения выполняются студентами самостоятельно.

И все же порой с помощью двуязычных словарей студенту трудно уяснить системное значение лексической единицы ИЯ, а следовательно, и подобрать для нее контекстуальный (переводческий) эквивалент. В таких случаях иногда выручают толковые (одноязычные) словари, раскрывающие значения лексических единиц ИЯ в дефинициях.

Конечно, нельзя рассчитывать на то, что студенты в своих первых учебных переводах станут пользоваться толковыми словарями на иностранных языках. Однако, имея в виду перспективу на будущее, им все же следует рассказать об этих словарях, о возможностях их использования и продемонстрировать эти возможности.

Подобные упражнения выполняются коллективно в аудитории. Сначала уясняются и переводятся на русский словарные дефиниции, уточняются системные значения определенных слов, затем выполняется перевод фраз.

Так, мы использовали словарь The International Webster's Concise Dictionary, чтобы объяснить системные значения слов *to loosen* — *loose* — *to lose*. Затем приступили к переводу отдельных предложений:

1. You mustn't do it up too tightly; we have to be able *to loosen* those nuts by hand.
2. One of the handles on this drawer has worked *loose*; do you think you could tighten it for me?
3. You can turn the dog *loose* when we get to the park.
4. Who was it who said, "Man has nothing *to lose* but his chains?"
5. She *lost* one job because she couldn't be punctual, and now it looks as if she's going *to lose* another.

После выполнения перевода этих предложений и его обсуждения был предложен для перевода следующий фрагмент:

...Before opening the fuse-box, the current must be switched off at the main. Examine all the fuses in the box; the burnt one can usually be identified by a sooty smudge on the white porcelain holder. Loosen the screws in the holder and remove every piece of the old wire; wipe off the sooty deposit before replacing the burnt wire with a new piece of correct strength. The amperage is usually stamped on the side of the porcelain holder — 5 amp for lighting, 10 amp for heating, and 15 amp for power. It is dangerous to use wire stronger than the specified amperage, and only fuse-wire should be used — not hairpins or odd bits of any odd wire.

В ходе практических работ необходимо обращать внимание студентов на то, что особую опасность представляют так называемые ложные друзья переводчика — слова, имеющие сходное звучание и (или) написание на ИЯ и ПЯ (*the elements* не всегда *элементы*, чаще — *стихии* и *accuracy* — *точность*, а не *аккуратность*). Объяснив такие случаи, следует рассказать студентам о словаре «ложных друзей переводчика».

Завершает тему «Переводчик и словарь» знакомство с энциклопедическими словарями, к которым переводчик (да и все мы) обращается весьма часто в поисках объяснений неизвестных понятий.

Для освоения студентами переводческих трансформаций могут быть использованы как предпереводческие, так и переводческие упражнения. К первым относятся упражнения (на базе параллельных текстов на ИЯ и ПЯ) по опознанию и квалификации переводческих приемов и объяснению мотивов их использования. На начальном этапе переводческие приемы могут быть выделены подчеркиванием соответствующих мест в оригинале и переводе. В последующем этого можно не делать. Примеры заданий:

- Сопоставьте оригинал и перевод. Сравните подчеркнутые места в оригинале и переводе. Определите, какие переводческие трансформации здесь использованы. Объясните, чем они обусловлены, почему нельзя было перевести «прямо» (без трансформаций).
- Сопоставьте оригинал и перевод, выделите и классифицируйте переводческие трансформации. Объясните, чем обусловлено их применение.
- Сопоставьте оригинал и перевод. Найдите конверсные трансформации, использованные переводчиком. Выпишите из обоих текстов слова и словосочетания, находящиеся в конверсных отношениях.

При объяснении причин переводческих трансформаций может быть использовано доказательство от противного, т.е. показано, какая переводческая ошибка имела бы место, если бы не была применена трансформация.

Переводческие упражнения на использование трансформаций — это задания на применение данного приема при переводе определенного отрезка текста. Например:

- Переведите следующие предложения, используя морфологические и синтаксические трансформации.
- Переведите данные предложения, используя прием антонимического перевода.

Переводческие упражнения можно подразделить на подготовительные и практические. Подготовительные упражнения представляют собой набор отдельных высказываний или (реже) текст, содержащий места, составляющие трудности для перевода и требующие применения соответствующих переводческих приемов. Соответственно цель упражнений — развитие умений и навыков преодоления трудностей, список и характер которых в существенной мере определяются конкретной комбинацией языков. Так, при сочетании немецкий язык — русский язык наибольшие затруднения вызывают перевод высказываний с модальными глаголами, передача значений некоторых сложных существительных и некоторых слов, обладающих широкой семантикой (*Bekanntnis, Erlebnis, Erkenntnis, Auseinandersetzung, bergen, fördern* и др.), перевод высказываний с инфинитивными оборотами и некоторых типов сложноподчиненных предложений. Для комбинации русский язык — немецкий язык представляют трудности перевод высказываний с деепричастными оборотами, передача семантических компонентов завершенности и незавершенности при переводе глаголов, подбор лексических эквивалентов с учетом их сложной и весьма избирательной сочетаемости. Для комбинации английский язык — русский язык больше всего проблем связано с переводом текстов, насыщенных формальными подлежащими, инверсными и пассивными конструкциями, а также оборотами с неличными формами глаголов. При переводе с русского языка на английский необходимо постоянно обращать внимание студентов на согласование времен, вида сказуемого, конструкций с деепричастиями и на сложные существительные.

Перед выполнением таких упражнений прежде всего следует раскрыть сущность переводческих трудностей и показать приемы их преодоления.

Практические переводческие упражнения предполагают осуществление переводческих действий во всех их фазах. Так, например, выбрав для письменного перевода небольшой оригинальный текст средней трудности, преподаватель имеет возможность вместе со студентами провести предварительную ориентировку в предстоящих переводческих задачах. Прежде всего уточняется жанр ИТ и его основные особенности (например, яркой особенностью газетной публицистики является противоречивая тенденция: с одной стороны, стремление автора к экспрессивности, с другой — употребление

стандартных, «клишированных» выражений). Выделяются политические, общественные, исторические реалии, обсуждаются возможные способы их передачи (рассматриваются разные варианты). Затем определяются места оригинала, несущие наибольшую функциональную нагрузку (функциональные доминанты содержания) и требующие максимально полного воспроизведения в переводе. При этом обсуждаются варианты перевода наиболее трудных мест. И конечно же, уясняется интенция автора (что он хотел сказать читателям), а также композиционные особенности ее реализации (от главного утверждения к аргументам или, наоборот, от аргументов к выводам, роль каждого абзаца в авторском рассуждении и т. д.).

Когда, с точки зрения участников процесса, перевод готов, проводится редактирование текста, т. е. вступает в силу фаза контроля. При редактировании на основе сопоставления ИТ и ПТ устраняются недочеты перевода, усиливается связность ПТ (вносятся коррективы в тема-рематические цепочки, вводятся дополнительные лексические средства, служащие для связи предыдущего с последующим).

В завершение необходимо коснуться специфики занятий устным переводом.

Умение переводить устно предполагает знание наиболее частотных, употребительных переводческих соответствий и автоматизированный навык их употребления. Самого по себе знания переводческих соответствий без автоматизма их употребления недостаточно для успешной деятельности устного переводчика, поскольку у него, как правило, не бывает времени для припоминания эквивалентов. Колебания и длительные паузы мешают адекватному восприятию ПТ, нарушают коммуникацию между партнерами. Естественно, что изредка при переводе особо сложных мест переводчик может позволить себе небольшую паузу для обдумывания. Но, для того чтобы такая пауза не возникала на «каждом шагу», устный переводчик должен с высокой степенью автоматизма использовать наиболее употребительные переводческие соответствия. Тогда и небольшая пауза при обдумывании «трудного хода» будет воспринята слушающими точно так же, как и небольшая пауза у человека, говорящего на родном языке и подыскивающего наиболее подходящие слова для выражения своей мысли.

Нередко переводческие соответствия вводятся списком по принципу «исходное слово — переводящее слово». В ряде случаев этот способ можно использовать, однако его нельзя признать достаточно эффективным, поскольку ему присущи все недостатки двуязычных словарей. Речевые эквиваленты абсолютизируются, они воспринимаются обучаемыми как универсальные межъязыковые соответствия, а не как соответствия лишь для данного контекста и для аналогичных контекстов. Следствием этого является некорректный перенос соответствий из одного контекста в другой.

Кроме того, этот способ не дает обучаемым сведений о всех возможностях употребления языковой единицы. А, как известно, незнание правил словоупотребления значительно обесценивает знание самого слова, особенно при переводе с родного языка на иностранный.

Значительно более эффективно «заучивание» переводческих эквивалентов в контексте. Помимо всего прочего, такой способ введения переводческих соответствий обеспечивает более прочное их запоминание.

Что здесь можно рекомендовать?

Одним из наиболее известных в методике преподавания иностранных языков является положение о том, что достаточно прочное запоминание языковых единиц и моделей обеспечивается путем неоднократного их повторения. Естественно, что на занятиях по переводу наиболее эффективно многократное употребление подлежащих усвоению языковых единиц и конструкций в речевых и переводческих упражнениях, позволяющих одновременно тренировать речевые и переводческие умения и навыки. Однако по мере возможности при этом следует избегать монотонности.

Суть системы упражнений, в ходе которых вводятся и закрепляются переводческие соответствия, сводится к тому, что на материале одних и тех же текстов, содержащих наиболее употребительную лексику, осуществляются различные виды перевода и пересказа столько раз, сколько необходимо для достаточно твердого усвоения межъязыковых соответствий. Монотонность преодолевается путем постановки каждый раз иной учебной задачи. В качестве примера можно предложить следующую схему.

Даются два параллельных текста — ИТ и его перевод, с которыми студентам предлагается провести следующую работу:

а) выписать из двух текстов переводческие соответствия, неизвестные им либо известные, но неупотребляемые активно;

б) самостоятельно перевести иностранный текст на русский язык по предложениям (используемый в работе перевод при этом закрывается);

в) пересказать иностранный текст с опорой на выписанные переводческие соответствия;

г) перевести русский текст на иностранный язык с опорой на выписанные соответствия (готовый текст на иностранном языке закрывается);

д) перевести русский текст на иностранный язык в быстром темпе без опоры на список соответствий (готовый перевод закрыт и в последующем служит для контроля).

Перечисленные здесь виды переводческих и речевых упражнений выполняются одновременно всей группой с использованием оборудования лингафонного зала (преподаватель осуществляет выборочный контроль) или же в обычных аудиториях по парам (один

обучаемый переводит, другой контролирует его, затем роли меняются; преподаватель также осуществляет выборочный контроль). Естественно, что подобной отработке должны подвергаться лишь тексты, в большом количестве содержащие употребительную лексику, клише в виде частотно применяемых словосочетаний и фраз.

Описанная система упражнений приводится лишь в качестве образца. Она может быть изменена и дополнена путем включения в нее других видов работ, и в частности таких, как письменный перевод с родного языка на иностранный, письменный перевод на слух (переводческий диктант) с родного языка на иностранный и др. Эту работу лучше проводить, используя разные тексты, но содержащие одну и ту же лексику, подлежащую усвоению.

В качестве другого вида упражнений на введение и закрепление переводческих соответствий можно рекомендовать перевод с повторениями. Для этого берется небольшой текст на родном языке. Один из студентов, прочтя вслух первое предложение, переводит его; остальные могут вносить исправления и предлагать свои варианты. Преподаватель выделяет из них оптимальный вариант, и отвечающий студент повторяет его. Затем вызывается следующий. Прежде чем приступить к чтению и переводу второго предложения, он снова повторяет оптимальный вариант первого. Третий студент также начинает с повторения лучших вариантов перевода, сделанных до него первых двух фраз и т.д. Соответственно тот, кто будет вызван для перевода последнего предложения, начнет текст с самого начала.

В последнее время появилось немало компьютерных пособий по развитию навыков устного перевода. Фирма «Репетитор» выпустила прекрасные тренажеры понимания на слух и формирования навыков синхронного перевода «Живой английский» и «Живой немецкий». Этими тренажерами можно пользоваться как в лингафонных залах, так и самостоятельно.

Большую роль в овладении иноязычной устной речью играет знание стандартных изречений, используемых в качестве обращения: приветствий, пожеланий, выражений радости, соболезнования, благодарности, уважения, поддержки, признания заслуг и т.п. Эти стандартные изречения целесообразно заучивать. Их списки составляются по функционально-тематическим схемам. Например, списки «пожелания», «обращения», «возражения», «выражения благодарности» и т.д.

В целях введения и закрепления переводческих соответствий используются также так называемые четырехтактные упражнения. Принцип их построения таков: «прослушайте — переведите — прослушайте «ключ» (правильный вариант) и проверьте себя — повторите правильный вариант».

Мы рассказали в этой главе об известных нам и оправдавших себя на практике приемах обучения переводу. Их применение, как

правило, связано с дополнительным трудом преподавателя: подготовкой и размножением текстов упражнений, записью текстов на магнитную ленту и т. п. Однако использование хотя бы некоторых из них позволяет значительно повысить эффективность занятий и, что, на наш взгляд, очень существенно, повысить также интерес студентов и других учащихся к занятиям переводом и иностранным языком вообще. Этому способствуют творческое содержание многих упражнений и присущий им элемент проблемности. Все это в совокупности с теоретическими пояснениями дает возможность показать перевод в особом свете — как занятие, предполагающее не просто знание двух языков, но и аналитический склад ума, как деятельность, связанную с интересным, а порой даже и захватывающим поиском оригинальных решений.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что считается искажением, неточностью и неясностью в переводе?
2. Каково практическое влияние буквализма и вольности перевода на качество сопряженной с ним коммуникации?
3. Каковы причины адаптации исходного содержания и формы ее выражения?
4. Назовите типичные ошибки, возникающие при нейтрализации системных расхождений языков.
5. Охарактеризуйте систему упражнений с параллельными текстами оригинала и перевода.
6. Как использовать упражнения по сопоставлению нескольких переводов для развития навыка целеполагания?
7. Как развить навык редактирования перевода?
8. В чем задача и смысл упражнений на перефразирование?
9. Как строить работу со словарями?
10. Каковы особенности обучения устному переводу?

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. — М., 1979.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М., 1975.
- Борисова Л. И. Лексические трудности перевода (англо-русский словарь-справочник). — М., 1999.
- Брандес М. П. Прагматика языка как переводческая проблема // Тетради переводчика. — 1979. — Вып. 16.
- Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. — М., 2001.
- Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. — М., 2001.
- Верещагин Е. М. Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). — М., 1969.
- Вилюнас В. К. Теория деятельности и проблемы мотивации // А. Н. Леонтьев и современная психология. — М., 1983.
- Воеводина Т. В. О соответствии перевода жанровым традициям ПЯ в свете социологической теории перевода // Тетради переводчика. — 1979. — Вып. 16.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Избр. психол. исслед. — М., 1956.
- Гак В. Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка // Иностранные языки в школе. — 1979. — № 3.
- Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода: Французский язык. — М., 1970.
- Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое: Роман-эссе // Новый мир. — 1981. — № 8.
- Денисенко Ю. А. О некоторых приемах «обусловленной» компрессии при переводах с русского языка на английский // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: Материалы Всесоюзной научной конференции. — М., 1975.
- Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. — М., 1980.
- Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. — М., 1974.
- Ицкович В. А. Языковая норма. — М., 1968.
- Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Проблемы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
- Казакова Т. А. Практические основы перевода. — СПб., 2000.
- Киселева Л. А. Вопросы теории речевого взаимодействия. — Л., 1978.
- Ковалева К. И. Оригинал и перевод: два лица одного текста. — М., 2001.
- Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — М., 1980.

- Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. — 1982. — Вып. 19.
- Комиссаров В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
- Комиссаров В. Н. Слово о переводе. — М., 1973.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М., 2001.
- Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. — М., 1979.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. 3.
- Курелла А. Теория и практика перевода // Мастерство перевода. — М., 1959.
- Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. — М., 1981.
- Латышев Л. К. Межязыковые трансформации как средство достижения переводческой эквивалентности // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. — М., 1986.
- Латышев Л. К. Технология перевода. — М., 2000.
- Латышев Л. К., Провоторов В. И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. — Курск, 1999.
- Левый И. Искусство перевода. — М., 1974.
- Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту, 1974.
- Леонтьев А. А. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974.
- Леонтьев А. А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. — М., 1983.
- Леонтьев А. А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974.
- Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974.
- Лорие М. О редактуре художественного перевода // Мастерство перевода. — М., 1959.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. — М., 1980.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Учебное пособие по устному переводу. Записи в последовательном переводе. — М., 1969.
- Мирам Г. Э. Переводные картинки / Профессия: переводчик. — Киев, 2001.
- Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
- Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. — М., 1968.
- Попович А. Проблемы художественного перевода. — М., 1980.
- Прокопович С. С. Адекватный перевод художественной прозы: Возможен ли он? // Тетради переводчика. — 1978. — Вып. 15.
- Райе К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1974.
- Роганова З. Е. Перевод с русского языка на немецкий. — М., 1971.
- Семенов А. Л. Английский язык: Пособие по развитию разговорных навыков на начальном уровне. — М., 2001.

- Слепович В. С. Курс перевода. — Минск, 2001.
- Сорокин Ю. А. Художественная и историческая трансляция культуры // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. — М., 1975.
- Стрелковский Г. М., Ветлов Н. П., Филимонов А. М. Учебник военного перевода: Немецкий язык. — М., 1973.
- Стрелковский Г. М., Латышев Л. К. Научно-технический перевод. — М., 1980.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000.
- Уваров В. Д. О трех направлениях в переводческих исследованиях // Тетради переводчика. — 1978. — Вып. 15.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — СПб., 2002.
- Цвиллинг М. Я. Буквализм в переводе и его преодоление при помощи приема рекомбинации элементарных значений // Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. — М., 1979.
- Цвиллинг М. Я. и др. О критериях оценки перевода // Тетради переводчика. — 1978. — Вып. 15.
- Цвиллинг М. Я. Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам // Методика и лингвистика. — М., 1981.
- Цвиллинг М. Я. Эвристический аспект перевода и развития переводческих навыков // Чтение, перевод, устная речь. — Л., 1977.
- Чуковский К. И. Высокое искусство. — М., 1968.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — М., 1973.
- Ширяев А. Ф. Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода. — М., 1981.
- Ширяев А. Ф. Пособие по синхронному переводу. — М., 1982.
- Cartellieri C. Zur Analyse des Ausgangstextes beim Übersetzen // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 2: Sprachliches und Aufiersprachliches in der Kommunikation. — Leipzig, 1979.
- Catford J. C. A linguistics Theory of translation. An Essay in Applied Linguistics (= Language and Language Learning 8). — London: Oxford University Press, 1965.
- Coseriu E. Teoria del lenguaje y lingüística general. Cinco estudios. — Madrid, 1973.
- Jäger G. Translation und Translationslinguistik. — Halle (Saale), 1975.
- Jakobson R. Linguistics and communication theory // Proceedings of Symposia in Applied Mathematics. Structure of Language and its Mathematical Aspects. — 1961. — № 21.
- Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 3. — Leipzig, 1980.
- Nord Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. — Amsterdam, 1991.
- Nord Ch. Text Analysis in Translator Training // Teaching translation and Interpreting Training. — Amsterdam; Philadelphia, 1992.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адаптация 73, 168
— прагматическая 33
адекватность 11, 55, 56
анализ исходного текста 119, 133
— переводческий 42, 155
аналог семантико-структурный 53, 76
Барьер лингвоэтнический 6, 164, 165
близость текстуальная 17, 42, 45, 48
буквализм 24, 42, 48, 154, 165
Воздействие эмотивное 94
выбор оптимальных вариантов 174
Действия нормативно нейтрализующие 117
— преинформационно-нейтрализующие 117
— системно-нейтрализующие
— транслирующее-модифицирующие 117, 148
— узуально-нейтрализующие
деятельность речевая 117, 29
дифференциация языкового посредничества 55
дублирование 10, 165
Жанр текста 23, 41, 99, 158, 168
жесты конвенционные 6
Задачи коммуникативные 7
заимствование 13, 129
замена по смыслу 150
— функционально-адекватная 146, 147
заместитель оригинала 20, 24, 47, 50
значимость функциональная 96
Идиоматичность языка перевода 157
Калькирование 130, 131
квазиперевод 22, 34, 42
классификация переводческих ошибок 114, 164, 165, 171
коды переговорные 6
коллектив лингвоэтнический 31, 63
колорит инокультурный 11
коммуникант 7, 13, 28, 34, 50
коммуникация двуязычная 7, 66, 72, 114
— одноязычная 7, 10
— речевая 21
комментарий переводчика 40, 41
компетенция коммуникативная 41, 76, 104, 165
— лингвоэтническая 65
конструкции синтаксические 14, 15, 121
культура(ы) получателя 11
— контактирующие 16
Лексика безэквивалентная 128—133, 151
Макроэквивалентность 159
метафоричность 48
микроэквивалентность 159, 160
мотивированность переводческих трансформаций 24, 58, 59
мыслительное содержание 43—46
Недоперевод 35
нейтрализация в переводе 61, 114, 163
норма речевая 18, 106
— языковая 17, 23, 105, 114
Обмен информацией 6
окраска диалектная 26
отклонения семантико-структурные 57, 74, 75
Параллелизм семантико-структурный перевод 120, 121
— антонимический 149, 153
— буквальный 24, 42, 49, 110, 154, 167
— вольный 13, 17, 54

- дословный 13, 17
— коммуникативно-равноценный 21
— машинный 157
— научно-технический 51, 59, 89
— описательный 128, 130, 131
— письменный 15, 34, 185
— последовательный 162
— приближенный 132
— рабочий 35
— разъяснительный 130, 131, 132
— синхронный 10, 22, 162, 185
— сокращенный 7, 11, 33
— уподобляющий 132
— устный 58, 183
— художественный 19, 24, 51, 59
— черновой 35
— эквивалентный 13, 25, 69, 73
переводимость 25, 27, 56, 65
переводовед 22, 25, 32
переводоведение 16, 119, 148
переложение адаптивное 33—35, 53, 70
перераспределение содержания 143
пересказ 7, 70, 163
подстановка простая альтернативная 122, 124
— простая лексическая 123
— с дифференциацией значения 126
подстрочник 22, 55, 110, 117
последовательность тема-рематическая 175, 176
посредничество языковое 7
потребитель перевода 8, 11, 17
предназначение перевода 8, 163
предпосылки коммуникативные 109
— лингвоэтнические 36, 68
примечание переводчика 40, 41, 114, 130, 145
процесс диахронический 15
Расхождение(я) культур 26, 47, 65
— компенсирующие 40, 50, 59, 102
— семантико-структурные 57, 110
реалии культурные 13, 94, 109, 128, 183
рема 92, 174, 175, 176,
ретрансляция лингвоэтническая 31—33, 107

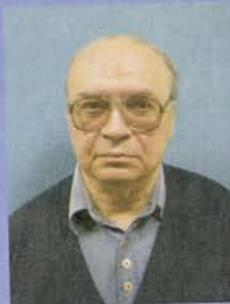
- Сближение культур 16
— языков 15
сверхперевод 35
сдвиги адапционные 23
ситуация коммуникативная 8, 30
содержание исходное 11, 77, 80
— смысловое 10, 23, 43, 80
соответствие переводческое 127, 183—185
сочетаемость лексическая 14, 138
способ перевода независимый 16
— подчиненный 16
стратегия переводческая 16
Тезаурус понятийный 13
текст исходный 13, 23, 28, 76
— переводной 10, 19, 28
текстуализация интенций 8, 11, 14
тексты взаимэквивалентные 159
тема 92, 174—176
транслитерация 15, 129, 130
трансформации
— конверсные 149
— синтаксические 120, 135
— ситуативно-семантические 140
— стилистические 136
— структурно-уровневые 133, 143
Уровни эквивалентности 59
участник коммуникации 14
Функция коммуникативная
— перевода 43
Целеполагание 162, 173
Членение тема-рематическое 175
Эквивалент лексический 52, 124, 127
эквивалентность
— коммуникативно-функциональная 22, 30, 36
— речемыслительная 157
— семантико-структурная 43
— текстуальная 17, 43
элементы содержания доминантные 45, 110
эффект коммуникативных намерений 8, 31, 33, 47
Язык исходный 9, 23
— перевода 23
языки контактирующие 13

ОГЛАВЛЕНИЕ

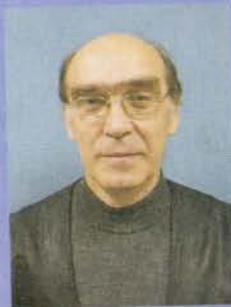
Предисловие	3
Глава 1. Перевод как деятельность. Общественное предназначение перевода. Проблема определения понятия «перевод»	5
Глава 2. Мотивация переводческой деятельности. Общие условия отождествления исходного и переводного текстов	28
Глава 3. Эквивалентность в переводе. Перевод как оптимальное решение ряда диалектических противоречий. Проблема переводимости	56
Глава 4. Исходный текст как детерминант переводческих действий	76
Глава 5. Лингвоэтнический барьер как детерминант переводческих действий	104
Глава 6. Операционный состав переводческих действий	116
Глава 7. Некоторые теоретические и методические аспекты процесса перевода	152
Глава 8. Вопросы методики преподавания перевода	162
Литература	187
Предметный указатель	190

3003706

Латышев Лев Константинович – доктор филологических наук, профессор, германист, переводчик и преподаватель перевода. Один из основателей отечественной школы переводоведения и преподавания перевода. Наиболее известные труды: «Научно-технический перевод» (в соавторстве с Г.М.Стрелковским), «Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения», «Перевод: Проблемы теории, практики и методики преподавания», «Технология перевода».

Семенов Аркадий Львович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов. Переводчик научно-технической и публицистической литературы. С 1993 по 2001 год вел курс теории перевода и лингвистики текста в Маастрихтском институте переводчиков (Нидерланды). Автор более 40 научных работ в области терминологии, лексикографии и теории перевода. Известен и популярен его «Контекстологический словарь основных терминов маркетинга».

ПЕРЕВОД: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

ISBN 5-7695-1272-5

9 785769 151272 8

